

An abstract painting by Pavel Kozloff, featuring a complex, layered composition of colors and textures. The palette is dominated by earthy tones like ochre, brown, and grey, interspersed with vibrant green and blue. The brushwork is expressive and gestural, creating a sense of movement and depth. The overall effect is one of a rich, textured surface that invites close inspection.

Павел
Козлофф

Кавалер
умученных
Жизелей

Павел Козлофф

Кавалер умученных Жизелей (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961778

Кавалер умученных Жизелей: Алетейя; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-9905769-0-2

Аннотация

Новую книгу уже хорошо известного российскому читателю автора составили лучшие произведения, снискавшие интерес многих читателей и отмеченные литературной критикой («Роман для Абрамовича», «В срок яблоко спадает спелое», «Раздвигая руками дым»), а также новые произведения. Открывает книгу роман «Кавалер умученных Жизелей» – о парадоксах творчества, о времени, о нравах и тайнах русского балета.

Содержание

Предисловие	5
Кавалер умученных Жизелей	10
Превратности судьбы	10
Амур и Смерть	15
Роман для Абрамовича	28
Рассказ для Петухова	259
Благие намерения	259
Конец ознакомительного фрагмента.	265

Павел Козлофф
Кавалер умученных
Жизелей

© П. Козлофф, 2015

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2015

Предисловие

Пишет, как рисует...

Начну с неожиданной ассоциации.

У меня в детстве, – как, впрочем, думаю, в детстве у многих, – было много грубости, но было много и красоты. «Идет, как пишет. А пишет, как рисует», – говорили наши пацаны об одной из наших одноклассниц. Звали ее Алла. Она занималась художественной гимнастикой. По походке ее можно было узнать издалека. Как сейчас помню: стоим с одноклассниками у окна в коридоре третьего этажа и смотрим, как Алла идет через школьный плац.

Никто так не ходил. Отличная осанка, гордо поднятая голова, каждый шаг отчеканен – она на любую провинциальную улочку выходила, словно на спортивную арену. И в каждом ее шаге был внутренний ритм. Она шла очень красиво. Она вообще была красивой девушкой. Но красивых девушек было много. Красивых девушек много, когда тебе четырнадцать лет. Но так, как Алла, не ходил никто. Позднее мне приходилось видеть многих девушек, занимавшихся художественной гимнастикой, но они так ходили только на соревнованиях. В жизни они ходили обычно, как все. И только Алла шла по жизни, словно по спортивной арене, словно на нее смотрят тысячи глаз. И ведь часто так и было. Тогда

ведь не только мы смотрели, как она идет в школу – на других этажах к другим окнам припадали мальчишки из других классов. «Идет, как пишет. А пишет, как рисует», – говорили наши пацаны.

Эту фразу я всегда вспоминаю, когда читаю прозу Павла Козлова. Так не пишет никто. Да, наверное, у каждого прозаика – своя литературная походка. Кто-то бредет, не разбирая дороги, кто-то ползет, кто-то чешет с курьерской скоростью, кто-то ковыляет вразвалку, кто-то вообще прихрамывает. У прозы Павла Козлова – отличная осанка и четкий внутренний ритм. Он пишет так, как артист балета выходит на сцену. И, между прочим, аналогия эта не случайна: он окончил Академию хореографии, был солистом балета, «работал в США в труппе „Колорадо-балет“ как педагог и балетмейстер». Уверен, вот эту способность выражать внутренний ритм через внешние проявления Павел Козлов перенес в прозу из балета. Ну, и конечно, это непреодолимое желание и несомненное умение быть непохожим ни на кого.

Проза Павла Козлова – это, в первую очередь, ритм и яркая индивидуальность. Прежнее издание его, наверное, самого известного произведения «Роман для Абрамовича» ошарашивало читателя с самых первых строк. «Глеб по утрам все узнавал из интернета, в то время пока опытный шофер выруливал могучий „Мерседес“ с размеренною плавностью движенья. Взгляд пробегал по свежим новостям, как вдруг застопорился на внезапной строчке...»

Что это? Проза? Но сквозь бытовые прозаические строчки проступает неумолимый ритм. Ага. Да-да. Пятистопный ямб. Хоть без рифмы. Это ритмизованная проза. Такая бывает. Не поэма, но – роман в стихах. На память приходит, конечно, «Евгений Онегин». Да-да – привет Александру Сергеевичу. Он ведь тоже был большим шутником. Значит и шутку Козлова оценил бы непременно.

В новом издании «Роман для Абрамовича» выходит в абсолютно новой редакции. Он заметно переработан и записан не в строчку, а в столбик, как стихи. Видимо, чтобы не вызывать у читателей когнитивный диссонанс. Сравните:

Обычно Глеб копался в интернете,
В то время пока опытный шофер
Выруливал могучий «Мерседес»
С размеренною плавностью движенья.
Тем утром он скользил по новостям,
И в ужасе застыл на странной строчке.

И еще одна особенность прозы Павла Козлова – тематика ее произведений. Он пишет о красивых людях и красивых чувствах. Очень часто его герои – это люди искусства. Очень часто главная тема его произведений – это тема любви. «Виола Бовт была звездой, балетной примой в музыкальном театре Станиславского, когда русский балет заслуженно считался лучшим в мире». Или еще: «Максим Валуев в молодости танцевал в балете. Потом писал „Психею“, интригую-

щую книгу о юной балерине, любимой ученице мсье Дидло, и о незримых нитях, связующих искусство и безжалостную смерть». Или еще: «В Москве, на улице Большая Дмитровка, есть здание с неброским, строгим и внушительным фасадом. Здесь знаменитый музыкальный театр. Открылся он под руководством Станиславского и Немировича-Данченко, потом стал «имени» великих мастеров. Кто постоянно ходит в оперу, на все балетные спектакли, с любовью называют его «Стасик». Красиво? Да, красиво! И написано красиво, и – о красивых людях.

Павел Козлов не боится пренебрежительной фразы «Сделайте нам красиво». И не стесняется «делать красиво». В окружающем мире и так слишком много уродливого, чтобы его еще и переносить в художественную прозу.

И, наконец, третья особенность большинства произведений Павла Козлова – это внутренняя интеллигентная улыбка, которая проступает сквозь все его строчки. И если ритм его строк невольно чувствует каждый, то для того, чтобы почувствовать эту улыбку, нужна особенная настройка. Комическое имеет много различных форм; Павлу Козлову ближе всего ирония. Да-да. Ирония – это юмор интеллигентов, юмор, если хотите, эстетов, юмор людей, обладающих высоким художественным вкусом. Да, Павел Козлов – интеллигент, да, эстет, да, он обладает хорошим вкусом. И куда все это девать? Ну, конечно, только в прозу. Так он и поступает.

Андрей Щербак-Жуков

Пришлось признать, что наступила осень.
Не та, что ненавистна непогодой,
А трогательно грустная пора,
Когда душа не верит в увяданье,
А время начинает брать свое.
Все празднично еще в прощаньи лета,
Но падает пожухлая листва.
И в редкой в эти дни орбите солнца
Не видно уже прежней высоты.

(Из бурлеска «Роман для Абрамовича»)

Кавалер умученных Жизелей / Фрагменты из романа /

Превратности судьбы

*И никто никогда не узнает
О безумной, предсмертной борьбе
И о том, где теперь отдыхает
Тот корабль, что стремился к тебе.*

Николай Гумилев

Валуев в молодости танцевал в балете. Потом писал «Психею», интригующую книгу о юной балерине, любимой ученице мсье Дидло, и о незримых нитях, связующих искусство и безжалостную смерть. И дальше изучает он истории людей, не отвлекаясь от излюбленной им темы, и оставаясь верным кавалером у божественных избранниц, знаменитых балерин, которых поселил в свои романы.

Ведь лишь теперь подобна сказке жизнь у самых романтических артистов, летающих по сцене принцами, героями, порхающих сильфидами и эльфами, страдающих Жизелями, манящих, но таких недосягаемых в пленительной стихии танца.

Они имеют гарантированный срок, чтоб завораживать и царствовать в балете. Отпущено на это двадцать лет. Потом уже не надо вылетать из-за кулис, а можно напрямиком, через служебный вход, отправиться на творческую пенсию.

А раньше в каждом театре было множество несчастий и трагедий.

Наш сочинитель приподнял пласты над миром девятнадцатого века, когда романтика добавила пуанты и без того воздушным существам, необычайным, звездным балеринам.

Загадочно глядят они с портретов, мелькают между строчками стихов, засушены в страничках биографий. Но, надо взять архивы, изучать, разворошить, выискивать подробности их жизней. Писать все без прикрас – о вероломствах, о превратностях судьбы, безжалостной к особо одаренным.

Максим нашел бесценный материал в объемистых тетрадках своей бабушки.

Полина Львовна, очень милая старушка, когда-то танцевала в Мариинском. В мужья попался умный адвокат. Однажды, сидя вечером в гостиной, она вдруг вспомнила о странных обстоятельствах кончины бедной Лиды Ивановой, «королевы элеваций». Супруг внимательно, серьезно её выслушал, потом решил детально разобраться. На следующий вечер выдал версию.

Немало было долгих вечеров, рассказанных, распутанных историй. Полине Львовне нравилось записывать. И называть свои записки: «Сказки бабушки Полины».

По сути, это были разработки таинственных, необъяснимых случаев из жизни балерин, проделанные дедушкой – юристом.

Валуев сразу мог представить серию романов. Последним в серии он замышлял роман о чудной Лидии, несчастной Ивановой, чья странная, трагическая смерть так всколыхнула Петербург в двадцатом веке после революции. В стихотворении, что написал в день её гибели печальный Михаил Кузмин, особо выделены строки:

А грезилась волшебная страна,
Фонтаны скрипок, серебристый тюль,
И не гадала милая весна,
Что встретить ей не суждено июль.

Максим в архиве видел на портрете Лидии её рукою сделанную надпись: «Мне хотелось бы, иногда, быть одним из тех звуков, которые создавал Чайковский, чтобы, прозвучав мягко и грустно, раствориться в вечерней мгле».

Жизнь улыбалась этой юной балерине. В России было имя и признание, в ближайших планах зарубежное турне с возможным сроком навсегда. Как мог возникнуть в романтической истории какой-то «перегретый мотор», и пароход, наехавший на лодку? Официально Иванова просто утонула. Откуда тогда пуля в голове? Болтали о романе со спецом из ГПУ, говаривали, будто два «орла» из тех же органов хотели балерину изнасиловать. Ходила даже «версия Спесив-

цевой», чьи «аттитюды целомудренны», «батманы добродетельны», а взгляды, как испанские кинжалы.

И не случайно у Максима была четкая цепочка – великое искусство, жизнь и смерть. Он даже полагал, что связь с искусством, подобна в чем-то шарфу Айседоры, а смерть уже вращает колесо.

Однажды он был сам на волосок от гибели. Тем летом, на гастролях в Будапеште. Когда готовились представить «Эсмеральду» на острове Маргит, на обустроенной сценической площадке. Там, из специально углубленной ямы, особенно звучал оркестр.

Шла монтировка декораций, воздвигли театральный Нотр-Дам, а рядом проходила разводная репетиция к вечернему спектаклю. На сцене в сложном танце было человек пятнадцать, когда на них обрушился собор. Все разлетелось врассыпную, один Валуев вдруг застыл на авансцене. Он импульсивно отшатнулся, и грохнулся в провал между попитрами.

Мозг обошелся легким сотрясением, на сломанную ногу наложили гипс. Гастроли шли к концу, оставшиеся дни Максим полеживал в отеле. Тогда в нем и оформилось желание писать.

Сначала он был взбудоражен и мучительно ломал свою ушибленную голову, какие были предпосылки, чтоб обрушился собор, и за какие прегрешения как будто бы специально на него. Потом подумал, а зачем об этом знать? К худож-

нику, будь воля Божья, подробности всегда приходят свыше.

Ведь сколько было озарений и прозрений, когда писал о гениальной Машеньке Даниловой, у ног которой был весь Петербург и император Александр Первый. И книга, как известно, получилась.

А в «Сказках бабушки Полины» гибель Лиды Ивановой буквально, что разложена по полочкам. Лишь надо призадуматься, представить Петербург, двадцатый век, двадцать четвертый год.

Появится потом начало книги. Возможно, это будет так:

Первый вопрос, когда в Париже встретили Георгия Баланчивадзе с его балетной группой, конечно, был об Ивановой.

– Я накануне вечером поставил для неё миниатюру на «Грустный вальс» Сибелиуса, – печально, горько начал Баланчин. – Как будто бы предчувствие, потому что в этом танце она борется со смертью. Все на прыжках, на бесподобной её элевации. Ей сделали распущенные волосы, она надела алый, пламенеющий хитон. На следующий вечер должен быть концерт в Измайловском саду. Через неделю за граница, нам дали выездные визы. Как в день концерта можно ехать на прогулку по реке? С малознакомыми людьми?

Взглянул на всех с недоумением, и досказал:

– Она и плавать не умела.

Амур и Смерть

– *Raul!* – закричала графиня из-за ширмов, –
пришли мне, какой-нибудь новый роман, только,
пожалуйста, не из нынешних.

– *Как это, grand'taman?*

– *То есть такой роман, где бы герой не давил ни
отца, ни матери и где бы не было утопленных тел.
Я ужасно боюсь утопленников!*

– *Таких романов нынче нет.*

А. С. Пушкин

Закончились балетный класс, урок вокала, репетиции, разъехались до вечера артисты, помощник режиссера закрывал балетный офис, когда пришло в театр грустное известие, что Костя Пастухов, два года, как отправленный на пенсию, скончался. Не просто умер, а трагически погиб. Как рассказали – это был несчастный случай, но без достаточных конкретных обстоятельств, так как свидетелей найти не удалось. Хотя произошло все светлым днем в жилом районе очень близко от метро. А похороны будут послезавтра. В отделе кадров отыскивали фотографию, снабдили её траурную рамкой, и на доске для объявлений появился некролог.

В тот день давали «Пиковую даму». Балет отъехал на гастроль, отрядив для танцев в операх лишь горсточку артистов, которых выбрала Ирина Одаховская, балетная звезда, недавно завершившая карьеру. Ей предложили репети-

ровать, с кем только ни захочет, чтоб только удержать её в театре. Не из-за опыта, большого мастерства. Все знали: у неё есть третий глаз для истинного взгляда на искусство, на этот возвышающий обман. И удалась ей режиссерская работа, когда один артист кордебалета, с кем Ире захотелось танцевать, в её руках едва ли стал не гениален. Но это было только раз и по любви.

Теперь Ирине, распрощавшейся со сценой, хотелось самостоятельно делать звезд. Ей вправду удавалось видеть многое, сокрытое от заурядных глаз. К примеру – в неуклюжей Умалатовой, в природе удлинённых её линий, Ирине виделась возможная Жизель; а эта пара – Гризадубова с Урицким: ведь было очевидно – если с ними поработать, то здорово станцуют «Дон Кихот». Бесспорно, что и Чуркин перспективен, с его заоблачною техникой, огромным темпераментом, горящими бездонными глазами. Сегодня вечером у Чуркина дебют: они с Земфирой Умалатовой выходят на балу второго акта в забавном па-де-де «Амур и Смерть». Ирина с ними поработала, и знала – получилось хорошо. Но подошел в конце прогона к ней Плещявичус, прославленный клипмейкер, приглашенный режиссер, решивший «Пиковую» в собственной трактовке.

– Согласен, что Амур акселерат, не пупсик устаревший с самострелом, а квинтэссенция эротики, разящая кругом всех наповал. Но почему, скажите, смерть так беззаботна? В ней должен быть безжалостный и ждущий всех конец.

У Одаховской была четкая позиция, которую не стоило труда обосновать.

– Я, Роминус, танцую от другого. Вам разве не сказал никто, что смерти нет вообще? Что люди верят в смерть лишь потому, что их так учат и приравнивают жизнь к функционированию разных всяких органов. Мне мой кузен давно уже открыл, что смерть не завершение нашей жизни, а точка перехода в мир иной. Возьмите физику с бесчисленным количеством Вселенных, где в каждой мириады ситуаций и людей. Ведь все, что с нами в будущем случится, уже случилось, или где-то происходит, и то, что называют словом смерть, не может в принципе никак существовать. Жизнь человека – многолетнее растение, и возвращается всегда, чтоб снова зацвести в мультивселенной.

– Но это же вразрез с моей концепцией?

– Да, бросьте вы, какой уж тут разрез! У вас конкретно: Лиза в лодке по Фонтанке, замучилась, а «Германа все нет»; и из под купола спускаются на сцену на канатах – и старая графиня, и повеса Сен-Жермен, и бедный Герман, и спускают вслед бесстрастного крупье, (я верно понимаю?) как судьбу. И это здорово, так кеглей по графине, когда звучит, что ваша карта бита.

– Тогда зачем на смерти кости, как скелет? А пупсику скажите: пусть хотя бы грудь побреет. Не очень, прямо скажем, эстетично.

Тут Одаховская припомнила Ахматову, считавшую, что

«Пиковая дама» – загадочная очень повесть Пушкина. И, сколько бы ни бились с этой заданной загадкой, то, все-таки, вовек не разрешат.

* * *

«Какие хлопья, мошकारа к оконной раме», – так думала Ирина этим утром, любуясь на февральский снегопад, и радуясь, что снег не таял сразу, а покрывал унылый серый двор и делал его чистым и нарядным. Лапландия, и Вечность, мальчик Кай. Она вдруг вспомнила троюродного брата, ученого по квантовой механике, который рассказал ей о теории, что время нереально, и движется лишь в нашем представлении. Как можно было с ним не согласиться? Ведь в случае, что время лишь условность, то возраст и подавно ерунда. В семнадцать ей казались стариками и старухами, чьи годы близки к цифре пятьдесят. Теперь же, в свои сорок девять лет, пусть не могла она ни прыгать, как когда-то, ни бешено вертеться в фуэте, но кто сказал бы, что она не молода? Не важно, что пришлось уйти со сцены. Играть комедии и драмы в частной жизни интересней.

А утро, между прочим, продолжалось. Задумчиво, не расставаясь с кофе, прошла она в уютную столовую к любимой маме на портрете над камином. К той юной девушке, что стала её мамой, когда портрет уже валялся на шкафу. На полотне модель читала, художник в это время рисовал. И оба были

молоды, красивы, влюблены. Художник эмигрировал в Париж, у мамы родилась её Ирина. Художник сделал на портрете подпись: Wanted!¹ А мама приписала: Never more².

Мать у Ирины занималась филологией, и девочка выросла в мире книг. Все стихотворные размеры Ира знала, хранила в памяти стихи, отрывки прозы, и часто, с изощренной иронией, скрывала свои мысли за цитатой.

Ещё в младенчестве открылся в ней талант. От сказок, что рассказывала бабушка, в ней что-то моментально изменялось. Она казалась отрешенной, взгляд мутнел, ребенка становилось не узнать. Ее спросили, что же с нею происходит.

– Мне бабушка поведала, какая Айюга, вот я и представляю вам, какая.

Ириша тщательно вытягивала шею, таращила глаза, и всё искала, где ей лучше отразиться. С такую гордостью был задран подбородок, что, знавшие в чем дело, умилялись. Не удивительно, что выросла актрисой.

В балет она попала за компанию, когда Максима, её друга по песочнице, надумали отдать в хореографию, а он брыкался и твердил, что без Ирины никуда он не пойдет. Ирину взяли, хоть и было двести девочек на место. Так и учились в одном классе, Ирина Одаховская и детский её друг Максим Валуев. Ей прочили карьеру, он же был красив, породист,

---

¹ Опасна (англ.)

² Больше никогда (англ.)

и к тому же – замечательный партнер. Как позабыть об их «Элегии» Массне на выпускном!

Последним летом перед театром они ездили в любимый Коктебель. Там, на скале Хамелеон, в час сумерек почти совсем лиловой, Ирина, может, несколько сурово, сказала, что интимных отношений у них в будущем не будет никогда. Макс видел, как Ирина изменилось, буравила глазами Кара-Даг, как будто там она читала эти горькие жестокие слова:

– Прошлись с тобой, Максимка, мы по всем урокам жизни. И мне не нужен пусть предельной даже сказочности принц, настолько я люблю свою свободу. Конечно, невозможно без романов, быть может, даже связей по расчету. Но ты мне будешь не чужой, а мой двоюродный троюродный кузен.

Максиму было больно, но Ирина оказалась непреклонна. Вниманием своим она его не обделила, напротив, даже вздумала развить в нем интеллект, открыв ему излюбленный свой мир литературы. И он смирился, зачитался, начитался до того, что даже начал пробовать писать. Ирина помнила одно стихотворение, Валув педагогу написал на юбилей.

Дни рожденья – житейские вехи,
Дни рожденья – смотрины трудов.
Сколько в нашем танцующем цехе
У Петрунина учеников.
Каждый хочет поздравить, и вправе,
Благодарный обилен язык.

На основе классических правил,
Каждый в танце чего-то достиг.

Под учительским бдительным взглядом,
Мы всегда неустанно растем.
С каждым туром и каждым глиссадом,
Совершенствуюсь в танце своем.

Пусть звенят поздравления звуки,
Будет труппа сегодня пьяна.
Да, в надежные, верные руки
Свои ноги вручила она!

Она тогда подбодрила поэта: «Твоим стихам настанет свой черед».

* * *

Ирина стала балериной уникальной, Максим же подвизался, как солист второго плана. Когда ей нужен был фактурный партнер, без танцев, большей частью для поддержек, как хан Гирей в «Бахчисарайском», то Одаховская просила, чтобы это был Валуев.

Когда Максим женился – она искренне, с любовью поздравляла, и очень была рада за него. Оттанцевав же двадцать лет, Максим отправился на пенсию, чтоб выехать в Америку к родителям жены, и там он, наконец-то, выбрал

время для писания романа.

Она же танцевала еще долгих десять лет, и выступила в нескольких премьерах, на радость публике, которая считала, что у любимой балерины это новый бурный взлет, а не растянутый закат, обставленный с роскошной царской помпой. Когда же она все-таки ушла, все сожалели, что рассталась Одаховская со сценой, как будто, находясь в расцвете сил. Она не сомневалась – много лучше будет так, чем ползать жалким зрелищем по сцене.

Вот так и отработали Ирина и Валуев в одном театре. Максим был для Ирины, будто добрый и не очень дальний родственник. Лишь раз в нем пробудилась вдруг чудовищная ревность, когда он убедился, что Ирина в самом деле влюблена.

* * *

Каминный «Мозер»³ сдвинул стрелки ко второму пополудни. Звонил мобильник, но сегодня с Арцыбашевой, подружкой, метко прозванной «последние известия», Ирина не хотела говорить: ей ни к чему все эти новости и сплетни, подумать есть о чем и без того. Внезапно вспомнился вчерашний мальчик Чуркин – забавно, что он так в неё влюблен. Потом мысль перекинулась к Валуеву, писавшему, что скоро

---

³ Знаменитая марка часов.

он придет. А в два пятнадцать ей Валуев позвонил.

– Ты можешь не поверить, я в Москве.

– Давно ли? – Ира вяло удивилась.

– Сегодня рано утром прилетел. Что нового хорошего в театре?

– Я дома, и откуда же мне знать. А вечером придется быть на «Пиковой».

– Готовься, что тебя там ждет сюрприз.

* * *

В семь Одаховская была уже в театре. Те из артистов, кто был занят в первом акте, давно все находились за кулисами; другие, в костюмерных и гримерных, готовились к большой картине бала. В балетном зале в полном гриме занималась Умалатова.

– Не перегрейся, – подсказала ей Ирина. – На сцену после первого звонка.

И, не спеша, она пошла в балетный офис. По ходу, у доски для объявлений, застыла Вяльцева, солистка в «Интермедии пастушки». Она заметила Ирину, когда та уже почти что подошла. И, встретившись глазами, прошептала: Дядя Костя!

Ирина глянула и сразу обомлела. Ведь ту же карточку она хранила дома, ей Костя сам когда-то подарил. Но, этот некролог, и эта рамка? Нелепица. Мой миленький дружок.

Мелькнули в памяти Ирины те гастроли, когда она, уже

звезда и знаменитость, отказывалась верить, что Господь ей даровал такую светлую любовь. Возник мгновенно рядом Костик тех времен, доверчивый, её влюбленный мальчик. Вернулись, будто, годы их любви. И Рихард Штраус⁴, его страстный «Дон Жуан». Ирина сделала условие – станцует донну Анну, но выберет, с кем будет танцевать. Когда узнали, что партнером будет Костя, все думали – она сошла с ума. А уж потом заговорили – «третий глаз».

«Я Дон Гуан, и я тебя люблю»⁵. Любезный пастушок. Зачем ты умер?

Навязчиво стал петь её мобильник. Валуев сразу же спросил:

– Теперь ты знаешь?

– О Костике? И ты звонил, ты знал?

– Я, собственно, для этого приехал. Несчастный этот случай – это я.

Воистину – тяжелый темный бред.

Максим был в «Дон Жуане» Командором. И уверяет, что явился, как возмездье.

Ирина чувствовала – что-то тут не так. Она прервала разговор и посмотрела на мобильник. Да, номер у Валуева его, но только это их, американский. В Москве с него звонить никак нельзя, поскольку у нас разные частоты. Хотя, возможно, техника дошла.

---

⁴ Великий композитор, автор увертюры-фантазии «Дон Жуан».

⁵ А. С. Пушкин «Каменный гость».

Ирина тут же позвонила Арцыбашевой.

– Все грустно, – поделилась с ней подруга. – На вскрытии – обширнейший инфаркт. Всему виною белая горячка.

– **Delirium?**⁶ Но Костя ведь не пил.

– С тобой. Но сколько лет, как вы расстались? У Константина, как обычно, был запой. Три дня закончился, но Костя был, буквально, не в себе. Сегодня же он просто обезумел. Из дома вырвался, где бегал – неизвестно. Прохожие нашли его в снегу.

– А ты Валуюеву звонила?

– Как и всем. Ответила жена, дала Максима.

– Так ты ему в Нью-Йорк, на городской?

– Он только у меня один записан.

У Одаховской, наконец-то, все сложилось. Она, буквально, была поражена: Максим в Америке, и это так он шутит. Хороший черный юмор был Ирине по душе. Однако в шутке у Максима был скорей идиотизм, к тому же отвратительный и злобный. Додумался, когда и с чем шутить. Недаром никогда не обольщалась.

Зря шутите со мной, Максим Петрович. Но я, пожалуй, тоже пошучу.

Она проверила – мобильник отключен. И поняла по обстановке, что уже идет антракт. Пришла на сцену – Умалатова и Чуркин разминались. Сказала им: ни пуха, ни пера. Они оттанцевали – ей понравилось. Конечно, есть ещё, над чем

---

⁶ Белка.

работать. Хор выступил: «Пришел конец мученьям». Балетные теперь вступили в кодую. Какой у Чуркина бризе дэсю-дэсу⁷.

Акт кончился, она была свободна. Но уходить пока Ирина не спешила. Она вернулась к Константину – попрощаться. Он с фотографии смотрел глаза в глаза. Ирина вспомнила, что спел недавно хор.

Мобильник же запел, когда включила. И Одаховская сказала:

– Да, Максим. Плохие новости, но это я чуть позже. Я о твоих романах, милый друг. Твой главный недостаток – хлипкий стержень, твои сюжеты не годятся никуда.

Теперь о Косте. Макс Валуев написал:

Наверно, вьюга виновата,
Она напала, как монгол.
Нас снег окутывал, как вата,
Нас ветер, как зерно, молот.

Он на щеке слезину выжег.
Но знаешь, умереть в пургу,
Куда почетнее, чем выжить,
В своей берлоге на боку.

Сегодня, ты же знаешь, навалило столько снега. И Костю положили в эту снежную постель. Я буду так о нем и вспо-

---

⁷ Балетное па.

минать.

О главном – ты нигде не наследил. По следствию, пока, несчастный случай. Но мне мой родственник, он некро-офтальмолог, рассказал, что есть сейчас такие экспертизы: по глазу у покойного легко определить, что видел он, конкретно, перед смертью. Как у разбитого мобильника по симке. Когда же Косте экспертизу эту сделают, боюсь, тобой займется Интерпол. Ты больше никогда мне не звони, иначе выйдут на тебя через меня.

Тут трубка закричала: «Он же спился». Но Одаховская уже теперь спешила. Надела она шубу, появилась на крыльце, мобильник свой забросила в сугроб.

Напротив выхода стояли две машины. Поближе – её «Volvo» и водитель. Подальше был суровый «BMW», и рядом с ним Амур Игнатий Чуркин.

Ирина подошла к машине Чуркина, и бросила: «Поехали кататься».

Как говорил великий Хармс:

«Послушайте, друзья! Нельзя же в самом деле передо мной так преклоняться. Я такой же, как и вы все, только лучше».

Роман для Абрамовича Криминальная драма. Бурлеск (от итал. *burla* – шутка).

*«Не презирай молодого самозванца;
В нём доблести таятся, может быть....»*

А. С. Пушкин «Борис Годунов».

Обычно Глеб копался в интернете,
В то время пока опытный шофер
Выруливал могучий «Мерседес»
С размеренною плавностью движенья.
Тем утром он скользил по новостям,
И в ужасе застыл на странной строчке.

«Глазам не верю. Как это она?
Нет, Ольга Ведунова, вот – на пляже.
Все в панике. Компания друзей.
Четыре СМИ, надежные обычно.
Аркадий же, как будто болен был,
Его уже лечили больше года».

Конечно, Ведуновы – общий круг.
Не скажешь, будто семьями дружили.

Они на раутах порой пересеклись.
И там о чем угодно говорили,
Ценя такие светские беседы,
За истинно широкий кругозор.

Их бизнес был в различных областях.
Что множило все области охвата,
Как частных, так и всяких общих тем.
А главное, что были адекватны.
И в бизнесе не гадили другим.

Супруга Ведунова, эта Ольга,
Всегда с ним находилась неразлучно.
Но ей хватало такта и ума,
Быть рядом, но на грани приближенья,
И попусту ему не докучать.

Её пленила царственность Наины.
Им нравилось болтать по телефону,
Выкраивая в день хотя бы час,
Не с тем, чтоб осуждать всех и порочить —
Они делились взглядами на жизнь,
Как это ни звучит высокопарно.

А год назад пошли такие слухи,
Что, мол, Аркадий бедный умирает,
Врачи диагностировали рак.
И, правда, если кто-то мельком видел,
Все сказывали: «безнадёжно плох.

И высох, как больной анорексией».

Тут Ольга повезла его в Израиль,
В Швейцарию лечиться повезла.

Оттуда он явился в лучшем виде,
Хоть был, как при болезни, очень худ.
Из глаз совсем исчезла обреченность,
Готовился приняться за дела.
А Ольга, видит Бог, была здорова.

Что дернуло их ехать на Бали?
Да просто за компанию с друзьями.
Аркадий был не в тягость никому,
А Ольга от всего оберегала.
На следующий день обратный рейс.
И Ольга умерла вчера на пляже.

Впоследствии, на вскрытии в Москве,
Сказали, что не выдержало сердце.
Хотя и непонятно – почему.

Скорбящий муж держался молодцом.
Застыл у гроба в самом изголовье,
С подруги не спуская верных глаз.
И, может быть, и слышал он слова:
«Аркадия спасла, себя сгубила».

Но, как к тому отнесся – неизвестно.

Поскольку он ни с кем не говорил.

На похороны съехался весь свет.
Не горе всех тогда объединило:
Стремительность внезапного ухода
Особенно всех сильно потрясла.
И многие такую кальку смерти
Невольно примеряли на себя.

«Не время было Ольге умирать»,
Наина грустила о подруге.
«Ты видел, и Васильев тоже там».
«Так он как раз с Аркадием возился.
И как же Ведунову дальше жить?»

Но вычислить развитие сюжета
Не стоило особого труда.
Недуг дремал, но с горем обострился.
О химии – какая может речь?
А, значит, и Израиль бесполезен.
В Швейцарии один известный врач,
Уверенно лечил богатых русских.
Немало к нему ездило людей.
И дамы часто хором говорили:
«Волшебный, дорогой Артём Семёныч».

Кудесники, увы, не могут всё.
Но, право же, не с горьким сожаленьем
Окончил жизнь Аркадий Ведунов.

В последний час на Родину приехал.
Возможно, чтобы всех благословить,
Сходя в могилу рядом с милой Ольгой.

Скончался в полном здравии ума.
Все средства он в своей последней воле
Доверенному фонду отписал,
Чтоб скрашивали жизни неимущим.

* * *

Вернулись Глеб с Наиной с похорон,
В заботах что-то переворошили,
И скоро наступило время спать.

Глеб только растянулся, как заснул.
Наина тоже было задремала,
Как вздрогнула. Застыла напряженно,
Чтоб выяснить, откуда вдруг испуг.
И выяснила – надо бить тревогу.

– Да что же ты, проснешься, наконец, —
В волнении затеребила мужа.
– Чудовищно. Послушай, что за жуть. —

Ночь скрыла всё глубокой темнотой.

Согнала тучи, вымарала звёзды.
И ветер женским голосом стонал,
На долгих и щемящих душу нотах.

– О, Господи, – пришёл в сознание Глеб.
– Да кто же это женщину так мучит? —
– И рядом, – вдруг Наина поняла,
– Наталья Балк, там что-то происходит. —

– Звони им, – Глеб уже негодовал
На вопли, на жену, на бестолковость.

– Родители в Испании давно,
А дочки я не знаю телефона.
Пошли Валеру, чтобы посмотрел. —

– Да, что куда кого-то посылать? —
Я сам схожу и захвачу шофёра.
В полицию как здесь у нас звонить? —

– Не местным же, попробуйте 02.
Придумают, кого сюда направить. —
Супруги впопыхах спустились в холл.

Дом Балков был направо, за углом,
И это был бесспорный адрес криков.
А сбоку у калитки был звонок.

Внезапная раздавшаяся трель

Сумела угодить на миг затишья
И, видимо, встревожила кого,
Минуты шли, а крики перестали.

И вдруг, в окне второго этажа
Внезапно обозначилась фигура,
Но снизу непонятно было – кто?
Фигура тихим голосом спросила:
– Что нужно вам? – последовал вопрос,
Как будто к ней рвались и разбудили.
Хотя сама кричала, может быть.
Да, кто там их соседей, впрочем, знает?

Глеб сразу же спросил по существу:
– Кого у вас там кто-то убивает?
Мы только что звонили в МЧС.
Наина вскрикнула: «Наташа, это ты?»
Начав манипулировать с окном,
В намерении полностью захлопнуть
Фигура взвыла: «Я...» – и замолчала.
Потом обескуражила вконец,
«Мне здорово», и створки затворила.

Усталые ревнителы покоя,
Несолоно отправились домой.
А ночь уже забрезжила рассветом,
Шаги звучали болью тишины.

– Вот дура, ничего не объясняет.

В милицию бы надо написать. —
Глеб злобствовал, что скоро надо в город.
— Как будто только мы и этот дом. —

— Мы — рядом, и открытое окно,
От этого мы так и всполошились. —
Наина загасила инцидент,
Но думала вправлять мозги мерзавке.

— Так вы, как и уславливались, в семь? —
Валера уточнил во избежание.
Глеб буркнул: «Едем в восемь», и ушел,
Обняв, чтоб успокоиться, Наину.
У той же вовсе не было тревог —
Она разобралась в ночном безумьи.

* * *

У Уховых высокий бельэтаж
Был спрятан в эбонитовых фигурах,
Почетно охраняющих альков.
А замысел решить всё в арт-деко,
В конечном счете недозавершили,
И это было тоже ничего.
Здесь все дышало отдыхом и негой,
А также было можно наблюдать.

Но быть в засаде – нудное занятие.

«И чёрт с ней, как увижу, так узнает,
Как ночью нам покоя не давать.
И, всё-таки, кто с нею бултыхался?»,

Наина было двинулась уйти,
Когда подъезд у Балков отворился.

Наташа, лет семнадцать, минус-плюс,
На выходе смотрелась, как подросток,
Без краски, и одета в сарафан.
И только белизна тепличной кожи,
Да черные круги её глазниц
Грозили ишемической болезнью.

Но уж Наина знала, отчего,
Бледна Наталья, скована в походке.

За нею следом вышел кавалер.
Нельзя сказать, чтобы особо броский.
Но было что-то в этом удалце,
Чтоб взгляду загореться интересом.
По виду и не скажешь сколько лет,
Примерно двадцать пять, не больше будет.
Короткая прическа головы,
И волосы смотрелись жесткой шерстью,
Имея рыжий, тусклым золотом окрас.
Наверное, они пошли б кудрями,

Когда бы их ни стригли так нещадно.
Высокий лоб был сужен от висков.
Лицо хранило мощную небритость,
Но четко – на границе с бородой.
Хоть нос и был немного удлинен,
Но с прочими чертами гармоничен.
В глаза, с разрезом древним ассирийским,
Вкрапились чудом серые зрачки.

Наина разглядела всё детально,
Когда случайно пару догнала.

Их улица в конце впадала в площадь.
Не площадь, а развязку для машин.
Там скучились лотки и магазины,
И было там приличное кафе.
Тем утром вовсе не было народа.
Наталья с парнем двинулись туда.
Наина же всегда любила кофе.

Присев за стол, раскинувшись на кресле,
Наталья уловила женский взгляд.
И поздоровалась, пытаясь вспомнить имя.

– Ну, как твои, Наташа, отдыхают?
Наина без затей произнесла.

– Им нравится. А вы что не у моря? —

Наталья глянула, чем дышит её друг.
Тот пристально разглядывал Наину,
Сощурился глаз и чуть скривив губу.
Сел в кресло и к Наталье обратился.

– Давай же, пригласи свою подругу.
Вы, может, к нам присядете на чай? —

– Конечно, если я не буду в тягость.
Послушаю, чем дышит молодежь.
Я близкая Наташина соседка.

– Знакомься Рома, мы и впрямь соседи,
И девушка не знала, как назвать.

– Наташенька не часто здесь бывает.
Не помнит, что меня зовут Наина. —
У девушки в глазах она прочла —
Наташа хочет отчество услышать.
Но Рома ей не дал заговорить.

– Какое счастье, что меня зовут Роман,
А не Руслан, как в опере у Глинки.
И нет причины опасаться вас,
Как в сказке: «по велению Наины». —

– Меня называли так от слова “nine”.
Прабабушка, так вышло, англичанка. —

– А мой прадед в Бразилии живет, —
Сказала неожиданно Наталья.
– Вернее, не живет, а умер там.
А прежде он был мэром в Петрограде. —

Тут Рома им сказал, не пряча взгляд:
– Тогда и я подробнее представлюсь. —
Он даже вырос, сидя за столом.
– Мой дядя занимался раньше нефтью.
Теперь политик, в Лондоне живёт. —

Под занавес официальной части
К ним юноша пришёл принять заказ.

Наина разрешилась очень быстро.
– Я кофе, а ребята что хотят, —
Официант почтительнейше слушал.

– А мне, пожалуй, фрукты, чёрный чай,
И торта я бы скушала кусочек. —

– А я бы, не пугайтесь, съел быка.
Яичницу, два тоста, много сыра.
Ещё, пожалуй, кофе с молоком.

Наина поднялась: «Я на минутку»,
И скрылась где-то в омотах кафе.

– Зачем ты пригласил зануду эту, —

Наталья тут же стала верещать,
– Я толком-то и знать её не знаю.
Лишь то, что рядом с нами ихний дом.
Они нам этой ночью и звонили. —

– Тем более должны поговорить.
Тебя, ей богу, вовсе не убудет,
А в ней заметен явный интерес.
И вовсе не зануда, тоже скажешь.
Я вижу в ней глубокий острый ум. —

– Поэтому слюною весь исходишь.
При мне бы хоть других не раздевал. —

– Мне кажется, тебя не обделили, —
Роман прикрыл глаза, как отдыхал.
Наталья испугалась – будет ссора.
А вышло так, как будто ничего.
«Ведь я его практически не знаю.
Но так хочу – не ровен час спугнуть».
И внутренне решила – будь что будет.

«Зануда» уже двигалась по залу.
Продумано – явилась, не спеша,
И выплыла заливом барной стойки,
Размножив лик в витринах берегов.

Наталья мельком глянула на Рому,
Он выход, несомненно, оценил.

– Простите, но я тоже вас покину.
Наину встретив, так сказал Роман,
И будто в три прыжка исчез из зала.

– А кто, скажи мне, Рома у тебя? —
Наина обронила равнодушно.

– Его все называют Абрамович,
Но только он просил не говорить. —

– Какой-такой? Какой-нибудь племянник? —

– Не знаю я. Спросите у него. —

– А что ты ночью так, скажи, звучала? —

При взгляде на сидящую Наталью,
Наине вдруг внезапно в ум пришло,
Сравненье с тёмной панночкой из «Вия»,
Которую взнуздал тот хлопчик Брут.
Простоволосая, с кругами под глазами,
На голом теле легкий сарафан,
Она ждала, когда придет избраннык.

– Откуда знать, что быть такое может. —

Наталья вслух озвучивала мысль.

Но тут же осеклась: – Вы извините.

Безумие – распахивать окно.

У нас везде стоят стеклопакеты. —

– Что, чувства так твои разбушевались? —

– Он был неистов, как Виссарион,
Который из истории известен. —

– Какой ещё такой Виссарион?
Откуда вдруг такой герой – любовник? —
Наине вспомнился из школьных лет Белинский.

Наталья вышла, только Рома сел за стол.
Наине бросилось в глаза, как парень жилист,
И мощь покрытых рыжим пухом рук.

– Роман, ведь я могу так обращаться?
Скажите, вы живете тут у нас? —

Они впервые встретились глазами,
И оба твердо выдержали взгляд.

– Сегодня – здесь, а завтра – где я нужен.
Но свой себе ещё не создал дом. —

– Едва ли я могу задать вопросы,
Но что-нибудь хочу узнать про вас. —

– Я – бездарь. По призванию – коллектор.
А есть желанье – мы поговорим. —

Но лишь вернулась томная Наталья,
Наина заспешила уходить.

– Наташа, ты зашла бы по-соседски.
Как выберетесь, ты и кавалер. —

– Не знаю я. Вот разве по-простому?
Но хлопотно – у вас семья, и муж. —

– Глеб в Ригу уезжает послезавтра.
Подумайте. Не станем назначать. —

И двинулась, как будто на прогулке.
Та парочка смотрела ей во след,
И Рома теребил свой подбородок.

* * *

Что вслед они смотрели – не случайно.
Бывало, на неё смотрел весь свет,
Когда плела сквозь подиум походку.
Во всех глазах читалось: «Хороша!!!»
И Глеб тогда решил: «Моею будет».
А он своих решений не менял.

* * *

Наина, как вернулась из кафе,
К компьютеру прошла, как рьяный блогер.
Ей нравилось, что думала – писать.
На этот раз пошли воспоминанья.

«Наина девочкой приехала в Москву,
Как только в школе выдали дипломы.
В буквальном смысле, этот документ
Был пропуском на полную свободу.

Она держала парочку подруг,
Компанию для поступления в ВУЗЫ.
Но это было нужно для родных,
Считалось, что учиться будут вместе.
Отец её не вышел провожать,
А мать, пустив слезу, перекрестила.

В столице поступила в РУДН,
На факультет гуманитарно-социальный.
Не с тем, чтобы впоследствии ей стать
Ученым по истории России.
А просто, по велению души.

Ей нравились серьёзные названья

Того, что предстояло изучать.
Чтоб бросить мимоходом в разговоре:
«Я знаю Русь дорюриковских лет».

Приезжих поселяли в общежитье,
Снимая боль искать в Москве жильё.
Вообще, была двоюродная тётя,
Расплывчатая мамина родня.
Но тетушка племянницу из Томска
Позвать для встречи долгом не сочла,
И больше ей Наина не звонила.

Была она приметною девицей,
В буквальном смысле – кровью с молоком.
Она гордилась русою косою,
Но, кто бы знал, как тяготилась ею
В кругу своих остриженных подруг.
Но, видимо, такой уж уродилась,
Свой образ не рядила под стандарт.

Отец, как уезжала, был уверен —
Пропащая, отрезанный ломоть.
Мать думала – настырная дочурка.
Не сломишь, всё по-своему решит.

Наину в самом деле не сломили,
Но так её умело закрутили,
Не Рюриком пришлось ей заниматься,
А собственной историей своей.

Анжела с Кубы, Цзой Чуа – вьетнамка
Вселились в общежитье рядом с ней.
Улыбчивая, яркая кубинка,
С неброской долей негритянских черт,
Звала себя – «весёлая креолка»,
И, было очевидно – почему.

Компактная вьетнамка Цзой Чуа
С отточенной восточной красотой,
Для важности смотрела сквозь очки.
Она себе казалась Йоко Оно.
И был любовник, русский гитарист.

Нельзя сказать, чтоб девушки дружили,
Но их соседство тягость не несло.

Друг Чуа захотел придти с друзьями,
Взять девушек куда-то посидеть.
Вьетнамка очень сильно приглашала:
«Увидите, что парни хоть куда».
По-русски она складно говорила,
Почти что не сюсюкала совсем.

Анжела русский только изучала,
И, право, ей давалось нелегко:
«Нам пробовать на встречу с кабальеро.
Замучила тристеза, как тут – грусть».

Итак, рок-гитарист пришел с друзьями,
Когда условились, под вечер в институт.
Он сам себе лепил богемный образ,
По плечи волосы, и в свитере, в джинсах.

Друзья его, особенно Владимир,
Пришли, как деловые господа.
Владимир, так и есть, он был продюсер,
А третий стал Анжелы кавалер.

Наина волосы пучком большим стянула,
Как где-то, у какой-то из актрис,
А строгий деловой костюм английский,
Ей так и не пришлось переодеть —

Ребята сразу с лекций их забрали.
— Ты будто бы из офиса и в офис, —
Владимир улыбался на губах,
Но взгляд был изучающе серьезен,
— Не все так строго ходят в институт. —

Наина поняла, что нужно правду.
— Я, нечего скрывать, провинциалка,
Приехала в Москву, чтоб жизнь узнать. —

— Вы это так с достоинством сказали,
Я сразу много понял про тебя. —

За столиком попарно раскололись,

Беседовали четко тет-а-тет.

– Но – имя ваше странное – Наина. —

– Прабабка наказала так назвать. —

– Ты знаешь, ты мне нравишься ужасно.
Я правду говорю, а не кадрюсь.
Ведь, если б приставал, послала сразу? —

Наина на продюсера взглянула,
И он ей показался ничего.
Одет без новомодных наворотов,
Причесан, без разболтанных манер.

А он же продолжал крепить фундамент.

– Наина, я работаю в программе,
Для зимнего показа новых мод
Известнейших российских модельеров.
Ответственен за кадровый вопрос.
Короче говоря – подбор моделей.
И ты, свой самобытный яркий образ,
Могла бы привнести, как ретро-всплеск.
На подиуме, в соболиных шубах. —
– Простите. Здесь так душно. Я сейчас. —

Наина помнила – метро тут где-то рядом,
И тут же она двинулась туда,

Послав Цзой Чуа краткий эсэмэс:
«Охваченная головною болью,
Прошу довеселиться без меня».

«И что же, все столичные считают,
Что все в Москву стремятся на панель?» —
Лениво перекатывалось в мыслях.

И, только добралась до общежития,
Как тут же затрезвонил телефон.

– Наина, что же вдруг вы так исчезли?
Простите, беспокою вас, Владимир.
Я – рядом. Пять минут поговорить. —

И он уговорил пойти в кафе,
Что было в новом здании напротив.
И больше стать моделью не манил,
А что-то все болтал, довольно живо,
И было интересно и легко.

Коктейль... Потом немного танцевали
На маленьком пространстве в полутьме.
Наина чувствовала жаркий трепет рук,
И быстро среагировала: «Хватит».

– Давай ещё немного посидим.

Ну, что ж не посидеть, когда есть время,

И спутник – на дистанции – неплох.

Он снова угостил её коктейлем.
Ей нравился из шейкера напиток,
Пила его и думала: «Нектар».
Владимир расплылся в разных байках.

Потом опять пустились танцевать.
Наина это делала умело.
Володя рядом с ней не спасовал,
И взлягивал, и так забавно прыгал.
– А как бы побеседовать с тобой? —

– Ну, что же, как у нас, сейчас узнаю, —

Наина позвонила Цзой Чуа.

– Они сейчас устроились в подвале,
Для них играет Цзойкин гитарист.
И, значит, что мы можем в общежитье.
И там до их приезда говорить. —

Она продюсера охотно пригласила,
Поскольку мир вокруг нее вдруг стал иным.
Наина, так сказать, раскрепостилась
До чувства, что кругом одни свои.
Выплясывают, словно в день Купалы,
И скоро будут прыгать над костром.

Всё радовало, мысли стали шире.
Продюсер – вообще, как лучший друг.
С Владимиром её свела судьба.
На подиуме, в соболиных шубах,
А, что же, ей представилось, не быть?
Когда другим девчонкам из глубинки
Так сильно уже в жизни повезло.

И пусть он не Владимир Мономах,
А только начинающий продюсер.
Так, значит, ещё время не пришло.
Смотри, как улыбается зубасто.

– Возьми шампанского, куда как хорошо.
Наина отомкнула дверь ключами.
Владимир, не включая верхний свет,
Мгновенно её запер на задвижку.

* * *

Наина не хотела понимать,
А впитывала море ощущений.
Без разницы, кто так её ласкал,
Она изнемогала от блаженства.
И вспышки возникали в голове.
Синхронно отразив биенье пульса,

А сердце колотилось всё сильнее.
Казалось, что душа уйдет из тела.

* * *

А после – всё в момент оборвалось.
Остался только боров этот рядом.
И он ещё о чем-то говорил:

– Как здорово, что ты была не целка.
Я думал – девушка, а ты у нас орёл.
Шампанского. А ты сама не хочешь?

Наина не могла осилить дрожь.
Случившееся представлялось бредом.
Когда бы ни мутило сильно так,
И этот тип не мял её в объятьях.
Она внезапно вспомнила подруг,
И что они должны сейчас приехать.
Смогла лишь прошептать – Который час? —

– Одиннадцать нет, ты не спеши.
Ты славная. С тобою мне неплохо. —
И он хотел её поцеловать.

– Владимир, уходить уже пора, —

Наина стала быстро одеваться.

– Мне плохо, я разбита и пьяна. —

– Ну что ты, приласкай ещё немного. —

– Володенька, всё было хорошо.

Но шел бы ты, голубчик, я устала.

И девочки того гляди придут. —

И он не возразил, а встал, оделся.

Прощаясь, он ей высказал слова:

– Не думай, что я просто разрядиться.

Все правильно в тебе, и ретро-стиль.

Я понял, ты не то, что все другие.

Когда мне можно завтра подойти? —

«О, Господи», – подумала Наина,

Но все-таки она произнесла:

– Все лекции кончаются в четыре. —

* * *

К двенадцати подъехала Анжела,

Вьетнамку гитарист не отпустил.

Кубинка источала темперамент,

Хотела всё с Наиной обсудить.

– Мой мачо, я считаю это – лярго,
По-русски надо «медленно» сказать.
И, все-таки, он мучо бесса ми.

Наина спряталась в подушку и молчала.

– Я здесь – не понимаю – как с “амоге”?
Анжела всё высказывала мысль.
– У нас всё проще, нравится – давай.
А ты что уложились – заболела? —

Наина поняла, что рассказать,
Всё хочется и можно лишь Анжеле,
С простою её, доброю душой.

– Не знаю, я всегда настороже.
Но только, когда выпила коктейли,

В меня вселился вдруг какой-то бес.
Всё спуталось, хотелось полюбить,
Безумствовать, с парнями обжиматься.
Но я же берегла себя всегда.
Короче – раскрутил меня продюсер.

– Он..., что же это? – вскрикнула Анжела.
– По-русски, как то? Fuck you? В первый раз?

– Всё верно. Я, как будто бы, хотела,

Но только непонятно – почему?
И странно, что не смог дожидаться крови.
Я – девушка! Не знаю – отчего?
Открыл ворота, но не занял крепость?

Конспектом пока в летопись свою,
Впишу я эту мерзкую страницу.
«Как славненько, что ты имеешь опыт.
– Сказал он после близости со мной.
– С невинной были б только охи-ахи».

Наина зло прищурила глаза,
Рот сморщился презрительной гримасой.
Её не отпускала та же дрожь,
Но в двух словах она свела до точки.

– Не знаю я, с чего пришло веселье,
И резко превратилось в отвращенье.
Насилу его выгнать я смогла. —

– Ты, значит, не была ещё с мужчиной,
И «мачо» тебя «факал» в первый раз? —

– Я с детства не гнушалась парней,
Хотя была разборчивой, конечно.
Всё дело в том – прабабушка Агата⁸
Наказывала «флауэ» беречь.

---

⁸ Агата Кристи, автор детективов.

Она цветком обычно называла,
Что есть у нас с тобою между ног.
Вот я и сдерживала: «только не туда».
Продюсер этот первым оказался.
Хотя случилось всё совсем не так.

Кубинка была девушкой сметливой,
И дальше подняла другой вопрос.
– Так он тебе коктейли. Где вино?
Посмотрим, – и отважная Анжела
Влила в себя шампанское глотком.

И после минут сорок говорили
О девичьем своём житье-бытье.
И, что быть осторожной – тоже плохо,
И можно своё счастье прозевать.

– Да, девственность. Я просто удивляюсь.
Все знают, что всегда бывает кровь.
Быть может, что особое со мною? —

И тут Наина видит сразу вдруг —
Анжела крепится, но видно, вот-вот прыснет:
Такое к ней веселие пришло.

– Да, что же ты креолка угораешь?
Я в ужасе, тебе же вдруг смешно. —

В испанско-русской речи Анжелитты,

Взогретой тем, что выпила вино,
Наина все-таки смогла дойти до сути,
И так её по-русски уяснить.

– Так он тебя коктейлем угощал?
И ты любви и ласки захотела?
Ну, мачо, и затейник ты у нас. —

– Да, что ты? Можешь толком что сказать?
Ангела в паузу икнула, и сказала:

– Он дал тебе «наркотика любви».
Про экстази давно все в мире знают.
А ты, что по-английски значит – “dark”.
Ты взрослая, но тёмная студентка. —

И с текстом: «Век живи и век учись»
Всучила томской девушке брошюру.

* * *

Наутро, вместо лекций в институте,
Наина прямиком пошла к врачу.

– Вы, девушка, понятно – удивились.
Но всё у вас, поверьте, хорошо —

Сказала К. М. Н. доцент Щеглова,
Как сказано табличкой на двери.

– Быть может – расхождение размеров.
Представьте, если в ножны для меча
Пытаются кинжальчик приспособить.
А вы бы привели с собой мужчину.
Андролог наш гремит на всю Москву. —

– Так, значит, я по-прежнему девица? —

– Я вижу, что с мужчиной отношенья,
У вас случились семь часов назад.
Записываю – девственная плева,
Растянута, хотя разрыва нет.
Иль, членом кавалер у вас не вышел?
А может, вы пластичный материал?
Жених вас, что ли, сильно укоряет,
Что были до него уже с другим? —

– Какой жених!!! Я это для себя,
Чтоб знать, как вы сказали: «Всё в порядке». —

– Но хоть предохраниться вы смогли?
– Какое там. Стряслось совсем неожиданно. —

– Тогда я вам анализы назначу,
Инфекции какие исключить.
И надо наблюдаться, тесты делать. —

– Так я ещё могла и залететь? —

Врач мысль вложила в выражение глаз,
И ясность подкрепила тяжким вздохом.

Наина, пока ехала домой,
Подумала немало, и решила,
Что первым делом надо разузнать:
«Коль вымысел, что он ей плел про бизнес,
Другой тогда, конечно, разговор.
Но если есть в рассказе доля правды,
Попробую померить соболей,
В которых мне предложено работать.
Посмотрим, что за птица ты, Володя,
В какой с тобой отправимся полёт».
И в четверть пятого из института вышла.

Её не ждали. Но, как осмотрелась,
Так тут же моментально поняла,
Что этот привлекательный мужчина,
Призывно машущий, со шляпою в руке,
Сомнений не было – искал её вниманья.

– Богатым будешь, – она скромно улыбнулась.
Сегодня ты солидный господин.
Как величать? Владимир? Как же дале?

– Ты знаешь, и тебя ведь не узнать.

Ну, как же, без английского костюма!
И как прабабушка так отпустила вас? —

И он услужливо, когда Наина села,
Дверь «Лексуса» за нею притворил.

– Так что мы, в ресторан перекусить?
А хочешь – всё с собой забираем,
И едем напрямиком ко мне домой. —

– Да нет, прости, до следующего раза.
Давай пойдем куда-нибудь в кафе.
Мне хочется, чтоб мы поговорили. —

Владимира Наина впечатлила,
Как встретились и стали говорить.
Она была весьма неординарна
Породистым лицом и простотой,
Доступной, разве, только светским львицам.
А тут вдруг, недоступный светский лоск,
Врожденным – был присущ провинциалке.

Вчера, чтобы вконец не стушеваться,
Владимир пил для храбрости коньяк.
Добавил по дороге к общежитью,
И с «экстази» привел её в экстаз.
Теперь он ждал развития романа.

Они заехали в какой-то «Кофе Хаус».

Однако, наслаждаясь чёрным кофе,
Наина, с благородной простотой,
Представила ряд важных обстоятельств,
Точнее – целый ряд её условий,
Чтоб нынче на стремительном романе,
Вдруг вспыхнувшем, не ставить жирный крест.

– Володя, ты мне очень симпатичен.
Но я же собиралась строить жизнь,
А не раздать себя направо и налево.
Про подиум – всё это болтовня?

– Я, правда, этим делом занимаюсь.
Но, видишь ли, у нас с тобой любовь.
Я девушку свою предостерег бы,
Решиться и спуститься в этот ад.

– Что девушка – твоя, так это смело, —
С достоинством заметила она.
– И, что же ты вчера болтал про рай?
И – соболи? А нынче ад крошечный? —
– Там все дела идут через постель,
Посадят на жестокую диету.
А выйдешь ли ты в звезды – вот вопрос. —

– А ты что, очень маленькая сошка?
Ведь, помнится, что ты со мною спал.
Попробуй из меня создать звезду,
И будешь со мной рядом на орбите. —

И он подумал – доля смысла есть!
В славянской красоте провинциалки
Особенная гармоничность черт
И без косметики несла очарование.
Фигуру разглядел ещё вчера:
Лишь чуть была немного полновата.
И, важно, без сомнения, умна.
И хочет быть всегда его «звездой».

– Попробуем, – решительно сказал,
Раз хочешь ты вливаться в этот бизнес.
Но, вроде бы, у нас с тобой любовь?

– Любовь – не траханье на койке в общежитии.
Я полюблю, когда полюбишь ты.
Для секса – столько женщин на панели.
Подбрось меня, Володенька, домой.

Они приехали, куда она просила.
Наина выбралась из «Лексуса» сама.
Владимир не испытывал порыва
Выскакивать, распахивать ей дверь.
Она неспешно обошла вокруг машины,
И выдала намек на поцелуй.

Продюсер в это время был уверен:
«Любовь? Да, боже мой, какая хрень.
Дать выпить, пару слов – и насладиться.

У „бабушки“ ещё амбиций тьма».

Когда же проследил её уход,
Возвышенною царственной походкой,
Решил – пускай примерит на себя,
Столь завидную многим роль модели.
И, если, поймее в ней успех,
Запишет он тогда себе в заслуги.

И вызвонил Алину, чтоб ждала,
Чтоб вечер не прошел теперь впустую.

* * *

Наину наш продюсер взял на кастинг,
Когда все модельеры собрались,
Для выбора достойных претенденток.

То был не разношерстный общий смотр.
Все девушки до этого показа,
Прошли уже «хождение по мукам».

Присутствие маститых воротил
Дало Наине, вправду, ощущение,
Как в истинном понятии «дефиле»:
В ущелье меж нависших грозно склонов.

Она не шла – плыла с прямой спиной,
Почти что выключив колени стройных ног,
С растущими из пяток каблуками.
И застывала на момент в величии поз
На пике грациозных разворотов.

– И где ты Артемиду отыскал —
Дивился Шац, создатель лучших фото.
– Ей надо бы немного похудеть.
А, в общем, нестандартная красotka.
Я, Игорь, в своём роде астроном.
Тут важно не везение, а поиск —
Такую «лебедь белую» сыскать.

Продюсер руки свёл себе на грудь,
И очень гордо поднял подбородок.

Наину взяли на показы «от кутюр»,
Она всё делала – «как скажет мой продюсер».
Владимир и загадывать не мог
Такой ошеломительной удачи.

Стремительно возникшая модель,
Перед сознательно продуманной диетой,
Опять сходила к К. М. Н. Щегловой.
И вывод от похода был жесток —
В ней стало развиваться вражье семя.

Раздумий не было, как надо поступить.
И в памяти её легла закладка.

* * *

– Ты, Шубина, фамилию свою
Хотя бы на показ мехов сменила.
У нас ты будешь Шуйская – пойдет?
Ведь это же звучит, Наина Львовна. —

Владимир поучал свою модель,
И обнял так, что было ясно – хочет.
Она же из объятий не рвалась,
Руками только в его грудь уперлась.

– Из всех достоинств, главное – терпенье. —
Напомнила она в который раз.
– И точно, в нашем случае подходит.
И чувствую, что ты почти готов. —

И он тут свою явную готовность
Настойчиво прижал к её ноге.
Наина вывернулась, и на расстояньи,
Шептала текст надежды и любви:

– Володя! Чтобы чувство шло из сердца!

Я вижу, что ты сможешь полюбить. —

Глаза у девушки мечтательно блестели,
Дыхание приподнимало грудь,
Рельеф которой делал свитер тесным.

И тут же рассказала кабальеро:
– Я, знаешь ли, уйду из РУДН.
И мне в Филях нашли уже однушку. —

– Отлично, я с деньгами помогу. —

– Да нет же, милый, я не содержанка.
Нельзя ли мне вперед из денег взять,
Что буду получать, как гонорары? —

– Как хочешь. Тебе выдадут аванс.
Но я бы мог и сам платить владельцам. —

– Когда с тобою вместе заживем,
Тогда твои – моими станут средства.
Настанет время – сможешь заплатить.
Ты, может быть, сможешь переехать? —

Для слов отказа не хватило сил.
Владимиру общенье с сибирячкой
Час от часу всё делалось нужней.
К тому же, ему было интересно,
Где девушка отныне будет жить.

Анжела была в курсе перемен.
И радовалась за свою Наину.
Казалось, обо всем поговорили.
И все же у Наины был вопрос:

– Мой опыт, ну, ты знаешь, с кабальеро,
Брезгливость мне одну, и только, дал.
Анжела, при соитии с мужчиной,
В блаженстве плоти закипает кровь?
Как мне воображение рисует? —

– Должно быть только истинное чувство,
И мачо, сам умеющий любить. —

Наина медленно кивнула головой:
«Мне сердце подсказало точно так».

– Позванивай, прекрасная креолка.
Случится – встретимся, как выпадет судьба. —

А планы звали в дальнюю дорогу.

* * *

Щеглова, непростую пациентку,

На этот раз решила утешать.

– Вы молоды, собою хороши.
Кругом так много всяких отморозков,
И все готовы руки распускать.
Так вы уж постарайтесь осторожней.

Всё сделали, сейчас всё хорошо.
Но – первая беременность с абортom.
Надеюсь, все возможно обойдется,
И сможете детишек нарожать.
А, если я понадоблюсь, вопросы,
Так сразу позвоните, без проблем.

– Вопрос-то у меня как раз и есть.
Что, если, ну, мужчина очень хочет,
И я бы не должна бы отказать,
Но хочется – не сыщется ли средства,
Его в тот миг возможности лишить? —
– Вы речи о насильнике ведёте? —
Врач искренне была удивлена.

– Да что вы, криминал мы исключаем.
Начальник, очень важный человек,
Захочет вас, и сразу не откажешь,
Чтоб в нем не наживать себе врага.
То, нет ли средства – в чай, или в вино?
И он потом захочет, но не сможет?

Щеглова поднялась с другим лицом.
– Снадобий всяких много разных есть.
Но ваш вопрос как раз о криминале.
Вы крутите в мозгах про клофелин.
А я-то вас за жертву посчитала. —

– Да нет же, доктор, что за клофелин.
А просто – у меня такое чувство,
Что я интимной близости боюсь.
Хочу, но не могу себя настроить.

– Вам, Шубина, ну как вам не помочь.
Сейчас я всё для вас организую. —

Она взяла мобильный телефон.
Но прежде так спросила у Наины:

– Один психолог, он большой целитель.
Проблема на прием к нему попасть.
И это, вы поймите, стоят денег.
Значительней, чем, что платить у нас.
Вам, может быть, не позволяют средства,
Скажите мне – другого поищу.

– Пусть будет дорогой, раз он хороший.

И Ольга Юрьевна сказала в телефон:
– Артем Семенович? Щеглова беспокоит.
Могу я пациентку к вам послать?

Записывайте – Шубина Наина.
Спасибо, я сейчас ей передам.

Итак, Артем Семенович Васильев,
По Божьей воле психотерапевт.
Вы слышали? Он вас, конечно, примет,
Чтоб снять психологический барьер.

Зачем же упускать «горячий след»?
Наина тут же позвонила терапевту.

Тембр голоса доверье вызывал:
– Вы сможете к двенадцати часам
В Сокольники, на улицу Гастелло?
Там каждый вам покажет «Институт».

Артем Семёнович, на первый взгляд, был молод.
Но далее, в процессе разговора,
Вносилась ясность – перед вами зрелый муж,
И чуткий понимающий наставник,
Вас чувствующий, как никто другой.

Он выслушал, и задавал вопросы,
Раскладывал по полочкам нюансы,
Испытанных и к ней прилипших чувств.

– Я, каюсь, не поклонник всех статистик,
Ведь в каждом человеке есть свой мир.
Не думаю, что вам открою тайну —

Сейчас такая нравов простота,
А, может быть, точней – паденье нравов.

Мы знамя сексуальных революций
Несем теперь, конечно, выше всех.
Другое дело – вы и ваша личность.
Ведь вы, при столь уверенном обличьи,
Исполнены наивных представлений.
Что в жизни очень много разной дряни,
Но ваша жизнь – особая тропа,
Которой не должна коснуться нечисть.
И вот – тропинку вашу затоптали,
А вас, царицу, вывалили в грязь. —

– Да нет же, я совсем не обольщалась.
Внезапность, —

– Ну, конечно, как же так?
Совсем, такой-сякой, не подготовил.
Он должен был сначала рассказать:
«Вот, выпьем мы наркотик для любви,
И будешь подо мною извиваться».
А он – нахрапом, и без церемоний.
Как делал это прежде много раз,
С девицами другими, из приезжих. —

Наина без того себя судила,
Но уж себя сумела оправдать.
И села в кресле – опытный боец,

Теперь уже готовый для дискуссий.

– Таки уж да, была идеалистка.

И я себя не стану извинять.

Все ходят по одним и тем же граблям,

Одни – всю жизнь. Другие – только раз.

Я обожглась. Я знаю, что мне делать,

И как – уже решила для себя.

Но вы настолько верно всё сказали,

И, думаю, что вы как будто тот,

Кто сможет дать ответы на вопросы. —

– Должно быть вам Щеглова говорила,

Что я психолог, психотерапевт.

Поэтому картина вашей жизни —

Освоенный учебный материал.

Давно уже, ещё по институту.

Но я хотел бы вникнуть в ваши мысли.

Рассказывайте, что волнует вас? —

И девушка чуть припустила веки,

Чтоб мысли сконцентрировать в вопрос.

– Мой опыт, я не буду повторяться,

Меня наполнил, как бы, отвращением

К животной, скажем, стороне любви.

Как можно превозмочь такое чувство? —

Васильев моментально дал ответ.

– Ну, это-то как раз совсем не сложно.

Помощник мой – как раз мужчина-практик.
Он сможет вас избавить от проблем,
Разбудит сексуальные желанья. —

И, словно бы заученный урок,
Наина очень твердо повторила:
– Выходит, нужен кто-то из толковых. —
И, видимо, решение вопроса,
Таким и представлялось ей самой.

– Понятно, но мы к этому вернемся.
Не страшно, что так много личных чувств? —

– Зачем же вам готовые рецепты?
Рассказывайте, будем обсуждать,
Что сделать, чтобы лучше разобраться. —

– К вопросу о «любовнике» моём.
Встречаемся мы с ним довольно часто,
И он меня стремится поиметь.
Скажите, есть ли что-нибудь такое?
Ну, скажем – радикальная таблетка,
Чтоб всыпала бы я ему в напиток,
И он потом физически не смог?
Ну, как бы его сделать импотентом.
Такой самодовольный идиот. —

– Всё – есть, и всё, конечно, в наших силах,
Раз вы его решили проучить.

Однако, сгоряча, не стоит делать.
Холодный разум, правильный расчет.
Ко мне придете через десять дней.
И мы вернемся к этому вопросу.

– Возьмите, ровно десять порошков.
Раз в день, и после завтрака, полезно.
Увидите, что станет с настроением,
Вы успокоитесь, без резких амплитуд.
Не химия, полезнейшие травы.

– Спасибо. Где мне нужно заплатить?

– Мы только ознакомились с проблемой.
Заплатите, как будет результат.

* * *

Те порошки, что предложил Васильев,
Наина отложила «на потом»
Как, может быть, и нужные лекарства.
Бывает неустроенность души,
Тогда их примет для корректировки.

Сейчас же мозг трудился, как компьютер.
А уж в психической гармонии Наины

Ничто не в силах вызвать дисбаланс —
Таковую вдруг она прошла закалку.
У девушки созрел конкретный план,
Как вырулить из этих обстоятельств.
И этот терапевт Артём Васильев,
Поможет ей в решении проблем.

Промчалось десять дней – она явилась,
Как и условились – с «холодной» головою.

– Ну, славно, перемены налицо,
– Васильев ясно видел, что клиентка,
Спокойна, не сравнить, как в прошлый раз.
– Попробовали наши порошки? —

– Конечно, – так ответила Наина, —
И очень благодарна вам за них.
Избавилась от лишних треволнений,
Пришел ко мне рассудочный подход. —

– Что нужно для оценки обстоятельств.
Так, что мы намечали в этот раз?
Убрать ваш негатив в интимной сфере? —

Наина чуть замедлила ответ,
И вышло так, что будто размышляла.
Потом с надеждою взглянула на врача.

– Мне кажется, с «любовником» – важнее.

Мне часто с ним приходится общаться.
И это главное, о чём я вас прошу. —

Васильев деловито произнес.

– Такое средство стоит много денег.
И нужно дать сначала предоплату. —
Озвучил шестизначное число.

– А сколько будет ампул в упаковке?

– Так стоит одна доза препарата.
А упаковки есть – одна, и две, и три.
Не думаю, что вы хотите ящик.

– Как быстро действует, и есть какой-то срок,
Как долго будут длиться результаты? —

– Реакция наступит через час,
И действие, примерно, день продлится. —

– А сколько предоплаты я должна? —

– По минимуму – пятьдесят процентов. —

Девушка заказала десять доз.

– Но, я надеюсь, он не для инъекций?

– Его разводят в спирте, если пить.
Обычно повышается давление,

И может развиваться диабет.
Сердечникам он тоже не показан. —

– Субъект утратит всякую возможность? —

– Каких бы только мер ни принимал. —

Наина быстро вынула конверт.

– Когда готовить сумму для расчёта? —

– Я думаю – через четыре дня. —

– У снадобья, наверно, есть названьё?

Врач отчеканил по слогам: «Декапептил».

Они простились ровно на неделю:

Наину ждали важные дела.

* * *

И в тот же день она звонила в Томск
Ларисе, доверительной подруге.

– Ну, Ная, как же рада тебя слышать.

Не очень одиноко там, в Москве? —

– Нормально. И, возможно, я приеду.
Как Лазаревы-братья там живут?

– Ты хочешь все узнать про них обоих?
Ну, Слава, он теперь большой начальник.
За городом себе построил дом.
Так, сказывают, чистые хоромы.
Конечно, у него и денег тьма.
Как, впрочем, и у всех, кто связан с нефтью. —
– Да, что мне Славка. Как там Николай? —

– Соскучилась? Так вы же разбежались?
Да что я говорю, твои дела.
Не знаю толком, будто бы нормально.
Пока он у родителей живет.
Недавно я с ним как-то повстречалась.
И холост, я бы знала, если что.
Так ты приедешь? —

– Скоро позвоню. —

Вот так вот добралась она до Коли.
И это была школьная любовь.
Наверное, ещё с начальных классов.

Она была красавица из первых,
А, может быть, и первая совсем.

Смотрелась, как скульптура из музея,
Из зала, где представлен древний Рим.
В младенчестве была, как ангелочек.
А царственность в общении, простота,
Которой был сражен вконец продюсер,
Была её манерой поведенья,
И очень выделяла из толпы.

А Коля Лазарев явился рядом с ней,
Когда их только в школу снарядили.
Он был немногословен и спортивен,
Физически силен, и в меру худ.
Товарищи по играм во дворе
Его обычно звали «цыганенком»,
Поскольку был он смуглый, кареокый,
И блеск держался в чёрных волосах.
Глаза же загорались грозным блеском,
Как только игры сверстников-подростков,
Случалось это – обращались в бой.
И каждый из таких ребячьих битв
Извлек урок – не доставать «цыгана».
Сам с дружкой он ко сверстникам не шёл,
И был в общении неизменно ровен.

Он был самостоятелен во всём:
В поступках, в неприступном мире мыслей.
Советы он всегда мотал на ус,
Но был непредсказуемым в решеньях,
И к стаду никогда не примыкал.

Он знал, что означает чувство локтя,
Но с вечным своим голодом свободы,
Не мог он сам поделаться ничего.
Лишь сверстник по прозванию Тахтамыш
Считался Николаю близким другом.
Он тенью всюду следовал за ним.

Однажды паренёк чуть не погиб,
Когда весною от горы над Томью,
В то время бывшей грозною рекой,
Стремившей в Обь бурлящие потоки,
С высоких мест от таянья снегов,
Внезапно отломился снежный пласт,
Всю зиму прослуживший, как площадка.

Так Гриша этот, позже – Тахтамыш,
С обломком этим с берега крутого
К стремнине кубарем, буквально, полетел.
Застыла вся компания парней,
Крутившихся с Григорием на круче.
Один «цыган» сорвался ему вслед,
И взнуздывал природу жутким воплем.

Григорий приложился головой,
Сомнений нет – он тут же бы скончался,
Не выручи подмога в тот же миг.
Так Лазарев, и сам ещё дитя,
Сумел спасти товарища от смерти.

А Гришу Тахтамышем стали звать,
Когда поправился. Прилипло постепенно.
Поскольку где-то там, недалеко,
Крутился хан из Золотой Орды,
Который и носил такое имя.

И стал Григорий Лазареву друг,
Вернее, так сказать, оруженосец.
И Коле научился не мешать.

Как Кай и Герда, нет, верней – Адам и Ева,
Так в точности и жили в райском детстве,
Наина и бессменный Николай.
Она его ценила и любила,
Как брата, пока время не пришло.
И стали возникать другие чувства.

Тогда пришла действительно любовь:
В нем – вспыхнула, как яростный огонь,
В Наине – ровным пламенем горела.
Наверное, ещё и потому:
Он рядом был, поэтому – привычен.

Всё было – и прогулки до зари,
И поцелуи – до самозабвенья,
И познаванье вожделенных тел.

Но – бабушкин наказ хранить цветок!

Она звала то место гордо – “Нумен”,
И сказывала: «Гимен – дар Богов».
И Коля тоже стал беречь «цветок»,
Когда ему Наина рассказала.
«Всё будет, ведь она и так моя».
И с девочкою бережно возился,
Выдывали многого чего.
Но позже дети как-то отдалились.
Не то, чтобы любовь у них прошла:
Вокруг другие юности бурлили.
Девчонки Коле «строили глаза»,
А быть с Наиною не мог он постоянно.
И не хотел, наверно – жизнь звала.

Другие девочки не берегли бутон,
А жаждали его цыганской страсти.
В нем буйствовала гиперсексуальность —
Как, по науке, терапевт Васильев
Мог это состояние назвать.
И Лазарев стал властвовать гаремом.

А к царственной красавице Наине,
Что скажешь – каждый сильно вождедел.
Как Лазарев немного отдалился,
Другие её стали осаждать,
И слух прошел – попробовать возможно.
И кое с кем она была близка.
Конечно – до означенной границы.

Но Лазарев не изменял любви,
Наина – не сказать, что разлюбила.
А просто жизнь немного развела.

И вот, она уехала в Москву.
И Коля бы, наверное, женился:
Устал от многочисленных подруг,
Пресытился их постоянной сменой.
А он хотел невесту для семьи.

И тут ему Наина позвонила.

– Я приезжаю, может, на три дня.
Ты сможешь быть на эти дни свободен? —

– Ты странные вопросы задаешь.
Давай, я за тобой сейчас приеду. —

– Билет на завтра. Встретимся. Целую. —

– Ну, если так, то я тебя люблю.
Как время мне убить до этой встречи? —
Она взяла билет на самолёт.
А он же девушку, что он считал невестой,
Слетать в Новосибирск уговорил.
Там старшая сестра её жила,
Так он сказал – пусть едет повидаться.

А сам же он поехал в тот район,
Под городом, где брата дом построен.

Поскольку там, совсем в дремучей чаще,
Земли купил, наверное, с гектар.
И выстроил родителям сюрприз —
Огромный сруб из вековых деревьев.
И то крыло, что строил для себя,
Всё полностью он техникой напичкал,
Компьютеры, и разное чего.

На страже там был верный Тахтамыш.
Так – Коля приезжал распорядиться —
Три дня его не надо доставать.

* * *

Летать Наина Львовна не любила.
Вернее – время тягостно текло
В бездеятельном длительном полете.
И Томск – не очень близкий-то конец.

Претило ей быть в клетке самолёта,
Фальшивой птицы, чуждой для небес.
Она не научилась расслабляться.
А тут ещё энергия полета
Наслаивала свой коэффициент
На смуту её пламенной души,
Подвинувшей лететь через пространство.

И через время, если точным быть.

Но в этот раз так много было мыслей,
Наплывами они врезались в думы,
И близко от границы атмосферы
Над суетным, земным трудился мозг.

«Других устраивал тупой ярлык «цыган»,
И только мне тогда пришло решение,
Что где-то в предках точно – Ганнибал.
Отсюда ты и смуглый, милый Коля!
Арап был в Томске. Умер Петр Первый.
Тогда – то в нашу Томскую губернию,
Отправили сподвижника Петра.

А может, и действительно цыган?
Что толку во всём этом разбираться.
Всегда была зацикленной девицей,
И ей осталась, ясно, до сих пор.
Но, чувствую, готова к обновленью».

Эмоции переполняли грудь.
И мощный монотонный рев моторов
Звучал, как будто тремоло в оркестре
В преддверьи кульминации пути,
Что ноты напорочили ей в Томске.

Вопросов не было – причем тут Николай?
Он был настолько значимой фигурой

В судьбе всегда мечтательной Наины,
Что выход из московских обстоятельств,
Она не сомневалась – лишь один.

«Он – нежный. Где же мог тогда мальчишка,
Взять силы – удержать перед соблазном,
Такую демоническую мощь,
Его прекрасного мужского естества?»

Когда – прабабушкой завещанный «цветок»...,
Она задумалась, что смысл немного спутан.
«Прабабушкин наказ хранить «цветок».
(Устроила какой-то заповедник).
Я верила, что надо сохранять!»

И так люблю прабабушку Агату,
Хотя лишь только слышала о ней.
От дочери её, от Розалинды,
Своими примитивными мозгами,
Досадно – не пошедшей в свою мать.
Но знавшей наставления Агаты.

Хотя, наверно, это ерунда.
Но всё-таки, я уважаю принцип,
Который в человеке должен быть.
Поэтому сейчас лечу к тому,
Кто мой «цветок» сорвать имеет право.

В конце концов – причём тут эфиоп?

Он Коля Лазарев, и никогда никто
Мной не был так любим, в нём юность страсти.

Вот если бы я даже и разбилась,
Трагедия, какая вдруг стряслась,
То это ничего, когда на взлётё.
Пускай – «ценою жизни ночь мою»,
Ведь я лечу сейчас за этой ночью.
Потом прочту, как Пушкин написал.

Ведь если что случится с самолетом,
За чувство – своей жизнью заплачу.

А то, какой-то там специалист,
Назначенный врачом в научном центре,
Сеанс со мною будет проводить
Целительным лечебным брачным сексом.
Там, в Томске, у меня целитель есть».

Стюард сказал, что скоро «Боташово»,
Томчане так зовут аэропорт.

* * *

– Вот спорим, что какая-то актриса, —
Две девушки, спешившие на рейс,

Рассматривали группу прилетевших,
А Лазарев недалеко стоял.
И понял, что отметили Наину.
– Идёт, как королева сквозь толпу. —

Наина, Коля видел, похудела.
Поэтому, возможно, впечатляла
Какой-то окрылённой красотой.
Сначала – будто всматривалась в лица
Встречающих, но было далеко.
Потом вдруг разглядела, где он есть,
И улыбнулась, и рукою помахала.

Он тоже, как тут скроешь, счастлив был,
Но главным было чувство удивленья:
И, что она внезапно сорвалась?
И речь не шла, вернуться чтоб обратно.
Ну, может быть, когда-нибудь, потом.

Наина в это время подошла,
И в тот же миг подумала с досадой:
«Зачем я нацепила каблуки?
Но снизу вверх не смотрит „цыганенок“.
Как сокол – гордо голову вознес».

Внезапно он схватил её в охапку
И сразу же отпал любой вопрос:
Что лучше – величаво поклониться?
Или присесть, чтоб легче целовать?

Их встреча обрела непринуждённость.
– Тебя, как скажешь, к предкам отвёзти? —
Её он отпустил, и любовался.

– Нет, Коля, я не даром выясняла
Насколько ты свободен в эти дни.
Скажи мне, если ты делами связан. —
– Да что же ты насколько деликатна!
Ты знаешь же, Наина, для тебя! —
И гордой головою он три раза,
Направо и налево помахал,
Желая показать: «Всё, что угодно!».

– Давай тогда поедем в Заозерье,
Вздыхнем и разберемся, как нам быть. —
Тут Коля загрузил её в машину,
Стремительно понёсся в город, в центр.

Наина не особо умилялась,
Что, вот, мол, дорогие мне места.
Какие могут быть воспоминанья,
Когда нельзя взглянуть по сторонам?

Весь путь от Боташово и сквозь Томск,
Смотрелся, словно гоночная трасса.
Повсюду им светил зелёный свет,
И не было заторов при движении.
Единственно, что промелькнула мысль:

«Вот так бы и в Москве исчезли пробки».

Кафе носило имя “Tommy gun”.

Хоть в центре, но почти совсем пустое.

Лишь три-четыре пары по углам.

– Сюда обычно публика не ходит? —

– Нет, бойкое местечко, но сейчас... —

Столь яркое название кафе

Наину навело на размышленья:

– В далекой глубине сибирских руд,

Хозяин «точку» называет по-английски.

Вот это, понимаю я, гламур.

Что “Tommy” – это лихо он придумал,

Никто не догадается, что Томск.

А “gun”, я полагаю, что – ружьё.

А, может, даже пушка, покрупнее.

Но думаю, что это Ганнибал,

Твой очень вероятный предок, Коля.

И дальше расшифруем – «Ган» и бал,

И, значит, здесь танцуют вечерами.

Но главное, что здесь со мною ты. —

– Я помнил, что ты очень уж красива,

Но думал не настолько обалдеть.

Не верится, что ты со мною рядом. —

– Летела я не просто, а к тебе.
Где можем мы с тобою поселиться? —

– Так, может, я спрошу у Вячеслава?
Он звал меня смотреть второй этаж.
Там воздух, и тайга, и всюду сосны. —

– В его хоромы? Сами по себе? —

– Они с женой во флигеле, обычно.
А дети ходят в школу-интернат. —

Второй этаж нес запах новостройки,
Кругом был бор из мачтовой сосны.
Границей бора возвышался берег,
Обрывом ниспадающий к реке,
Как будто бы стена из красной глины.
От воздуха кружилась голова.
Но от любви – они про все забыли.

Наина вновь узнала Николая,
А он нашел любимые черты
В сошедшей к нему с трона королеве.

И все-таки настал тот главный миг,
Когда Наина тихо прошептала:

– Я выплеском своей кипящей крови

Откликнулась на твой разящий меч. —
Луна светила с вечною тревогой.
Любовь вплела в венок ещё цветов.

* * *

– И что же, соберёшься и уедешь? —
Отказывался верить Николай.

– Я, Коля, что-то главное скажу,
И думаю, ты с этим согласишься.
Я полностью тебе принадлежу,
И вижу, до чего тебе желанна.
И вот, пока желание твоё,
Продолжит на меня распространяться,
Я буду оставаться лишь твоя,
Какие не случились бы события. —

Тут парень даже несколько опешил,
Но он любил подругу детских лет.
Она, меж тем, по-прежнему вещала:

– Я знаю уж давно, бесповоротно,
Что, нету сил мне жить в такой прекрасной,
Но вялой, безнадёжной глухомани,
Когда узнала, как же мир велик.

Не всюду, не всегда он так хорош.
Но есть у нас на то и дар познания,
И жажда поиска, и крылья для души. —

«Как много там в Москве смогли придумать»,
Единственно, подумал Николай.

– Я, Коленька, поеду дальше жить.
Чего-то достигать, и заблуждаться.
Что делать? Мы всегда среди людей,
И разные бывают отношенья.
Тебя же разлюбить я не смогу,
Пока меня ты не разлюбишь, не забудешь. —

– Не радостные, скажем, перспективы.
Но я к тебе настолько прикипел,
Что вряд ли кто-то сможет быть роднее. —

– Но сам ты должен жить, как ты живешь.
Я слышала, что ты хотел жениться? —

– Та женщина сейчас в Новосибирске.
Проведать родичей туда её послал,
Когда ты позволила, что приедешь. —

– К тебе на свадьбу я, конечно, не хочу.
Но, думаю, тебе жениться надо.
Она родит хорошеньких детей.
А я к ним крёстной матерью приеду. —

Тут Коля, хоть вкусивший взрослой жизни,
Суровых и ответственных мужей,
Оттаял рядом с трепетной подругой
Пронизанных любовью детских лет.
И с нежностью разглядывал Наину,
Пока она болтала как дитя.

– Мы больше чем любовники с тобой.
Мы – космоса разорванные части,
С огромной тягой к воссоединению.
Прости, но если вспомнить твой гарем?
И мой почёт быть первой женою?
И есть ещё у нас Новосибирск,
Где родственники нашим жёнам рады. —

Зажёгся свет, сквозь дверь из коридора,
Бесшумно появился Тахтамыш.
Тут Коля, микрокосмоса обломок,
Отринул отлетающую часть.

– Прости, но у меня сегодня встреча,
Не обижайся, но проводит Тахтамыш. —
Присели помолчать перед отъездом.
Прощались. Каждый думал – навсегда.

Наина, как вошли в аэропорт,
Решила разузнать у Тахтамыша:

– Что, в Томске, пока не было меня,

Создали массу транспортных развязок?
Смогли усилить четкость светофоров?
При скорости – всегда зеленый свет. —

Вопрос так и остался без ответа.
Быть может, и не слышал он его.

– И это ведь мы ехали в «восьмерке»?
Неужто – заводского производства?
Такая скорость, право, нету слов. —

Григорий знал достоинства машины:
– Я сам довел старушку до ума.
Мощней движок никак нельзя поставить —
Рассыплется железка на ходу. —

– А Коля, он, когда меня встречал,
Не помню, на какой он вёз машине? —

– Тот “Car” имеет имя Форд Мустанг,
И двигатель четыре с лишним литра. —

– Вам транспорт выдает военкомат? —
Трудней найти нелепее вопроса.

Когда Наина села в самолет,
На старте – призовую скорость мысли
Развил объем античной головы.
В раздумьи над Московскими делами.

* * *

На телефоне накопились эсэмэски,
Владимир плакался, как плохо без неё.

– Володя, что с тобой происходит? —
Наине ли не знать, каков ответ?
– Я уезжала и всего-то на три дня. —

– Мне кажется – ты вечность пропадала,
Мне хочется увидеться с тобой,
Давай сегодня? —
– Нет, ведь я с дороги.
И что за спешка, встретимся на днях. —

– Нам надо повстречаться, dear lady⁹.
Мне кажется, я абсолютно “ready”¹⁰. —

– Не только что в английском преуспел,
А даже и общаешься стихами.
Так, может, и какие чувства есть?
Не просто сексуальные позывы? —

---

⁹ Дорогая госпожа (англ).

¹⁰ Готов (англ).

– При встрече, я скажу при личной встрече.
Сейчас меж нами мёртвый телефон. —

– Ну, ладно, дай хотя бы полчаса.
Тогда я позвоню, договоримся. —

И с тем, чтобы решить один вопрос,
Наина позвонила вмиг Анжеле:

– Креолка, как настроен твой Денис,
Какие у вас планы на субботу? —

Денис был капитальный человек,
Он в тридцать был топ менеджером банка

– Денис решил позвать нас в дом отца,
Тридцатый километр по Новой Риге. —
– К отцу? Так это будет званый вечер? —

– Да что ты, никого, отец уйдет,
А я тебя специально приглашаю. —

Анжелу очень радовал тот план.
– У Дэна есть один перфектный друг.
Денис, он прямо так и предложил:
«Давай Наину с Глебом познакомим».

Глеб – крупный и успешный бизнесмен,
Не так давно совал журнал Денису.

А на обложке в чудной позе – ты,
Укутанная в соболиной шубе.
Показывал журнал, и говорил:
«Смотри, какие женщины бывают!».
Буквально, я запомнила слова.
Дениса наш сюрприз привел в восторг:
Он Глеба на субботу приглашает,
А ты сидишь в гостиной за столом. —

– Нет, милая, в другой какой-то вечер.
Но встретиться в субботу – хорошо.
А что, Денис с продюсером Володей,
Мне как-то показалось, что друзья? —

– Ты хочешь привести его с собой?
Так, вроде, не такие отношенья. —

– Во всяком случае, он много мне помог.
Что я известна, приглашают на показы.
Настойчив он, всё время мне звонит.
Однажды я небрежно обронила,
Что, может быть, и будет он со мной,
Но должен подойти ко мне с любовью. —

– Ну ладно, я хочу, чтоб ты пришла.
А кто с тобой – уже твоя забота.
У папы в этом доме много спален. —
Наина встретила с Владимиром в кафе.

– Наина, у меня есть чувства в сердце. —

– Всего два дня. Посмотрим, что и где. —

«Мне надо думать, жить, и всё успеть»,
Себе напоминала сибирячка.

Васильев пригласил заехать в срок.

* * *

Наине утром было чуть тревожно,
И взгляд её упал на порошки,
Васильевскую смесь для настроенья.
Она надумала попробовать один.

И, правда, настроение пришло,
Спокойное и ровное, как в детстве.
Проблемы все казались ерундой.
А главное – от всяческих сомнений,
В то утро не осталось и следа:
Она ни в чём не делает ошибки.
И день субботний вышел, как судьба.

Владимир, когда встретил у машины,
Невольно выдохнул: «Ну, уж. Вот это да!».

Он тоже был в отличном настроении,
Хотя таблеток и не принимал.

Приехали в коттеджный городок,
Легко нашли там дом отца Дениса.
Пошли пройтись. Анжела и Денис
Направились своей дорогой к лесу.
Наина задержалась у пруда.

– Я много – много думал о тебе, —
Владимир был слегка закрепощенный.

– Хоть локоть, что ли, как-то оттопырь, —
Наина разряжала обстановку.

– Гуляем, будто сами по себе. —

И вдруг она Владимира спросила:
– Читал ли ты «Египетские ночи»?
Когда-то это Пушкин написал. —

– Причём здесь Пушкин? Я о нас с тобою.
Любовь ко мне, наверное, пришла. —

– Да, что ты, милый, что за незадача?
Кругом красавиц всяких пруд пруди. —

Он с трепетом к Наине наклонился.
К щеке прижался, нежно прошептал:

– Я помню, ты сказала, что из сердца,
Что сделаешь, достала ты меня. —

Наина тут откинулась в объятьях
И глянула Владимиру в глаза.
– Я тоже полюбить тебя готова. —
И вскоре весь квартет вернулся в дом.

– Давайте, заберём аперитив,
И нам Денис отцовский дом покажет. —

Они смотрели дом, и одобряли,
Все видели, что здесь удобно жить.

– А где нам отдыхать, когда устанем? —
Наина знать хотела наперед.
Денис ей предложил на выбор спальню.

Прогулка в парк, экскурсия по дому,
Прозрачный воздух, пахнувший весной,
Толкнула молодость: «Давайте перекусим,
А уж потом посмотрим, что и как».

– Но, прежде чем мы к трапезе приступим,
Скажите, что мы празднуем сейчас? —
Призыв Наины разом озадачил.
И все они надумали решить:
Что больше праздник – веянье весны?
А, может, эта встреча в новом доме?

– А я вам всё налью, пока решите, —
Бурлил в Наине деятельный пыл.
– И всех вас утоплю в «Кровавой Мэри». —

Наина смешивала с водкой алый сок,
На столике отдельном для напитков.
На маленький поднос – один бокал.
И каждому специально разносила.

Поехало – пошло у них застолье.
– Плесни мне, а тебе я налила, —
Наина обожгла всех ярким взглядом.

– А что, давайте выпьем за любовь. —
И чокались, и за «за любовь» кричали.

– Давайте все немного отдохнем, —
Владимир был уверен – все согласны.
– Потом – за стол, а дальше – танцевать. —
Какие тут могли быть возраженья?

Наина посмотрела на часы.

Денис Анжелу обнял, не спеша,
Они куда-то тут же удалились.
Наина твердо помнила маршрут,
Они пошли наверх влюбленной парой.

Владимир начал целовать ещё в пути.
Когда же овладеть он ею рвался,
Она успела: – Вот, прошу, надень. —
И, видимо, он так горел желаньем,
Что сразу в первых ласках изошел.

– Сейчас передохну, моя царица,
И вновь тебя в объятьях утомлю. —
– О, да! Не торопись, мой повелитель. —

Наина взглядом изучала потолок,
На нем уже сгущался сумрак ночи.
Володя, так казалось, задремал,
И ждал, пока готовность вызрела.
На деле в нём ворочался вопрос:
«Куда же вы, мои желания, делись?».

Тогда он начал девушку ласкать,
В надежде, что возникнет вожделенье.

– Наина, помоги мне, что-то я...,
Я видно волновался, как мальчишка. —

Она не шелохнулась на призыв,
А только убедительно сказала:

– Володя, если вправду есть любовь,
То это ничего совсем не значит.
Ведь мы же не какие-то собачки:

Случились – разбежались навсегда.
А жизнь полна различных ситуаций. —

В кровати села, стала одеваться.
Он – тоже, но такой опустошённый,
Как будто стержень в жизни потерял.
Но всё же думал – это всё случайно.

Хозяев ещё не было в столовой.
Владимир сразу водки влил в стакан,
И в два глотка её мгновенно выпил.

– Что мечешься, как будто Рим сгорел?
Ты, что же, никогда не ведал срывов? —

– Что делать, если больше не мужик? —

– Проспишься, отдохнёшь, и снова станешь. —

Его не грели звуки утешенья.
– Прости меня, Наина, я пойду.
Ребятам ты скажи, что было надо. —

– Я слышу все. Конечно, если так..., —
Ангела помахала из окошка.

Удачливо сумел поймать такси.
И вызвонил, уверенный, Алину:
Та – умница, наладит, как домкрат.

И в первой же попавшейся аптеке
Купил «Виагры», счетом пятьдесят.

* * *

Денису на мобильный в это время
Раздался неожиданный звонок.

– Простите, я дежурная по смене
Из офиса оплаченных услуг. —

Денис не просекал, что за услуги,
И думал отказаться наотрез.

– Проплата от хозяина коттеджа.
При ужине, тем более с гостями,
Мы горничных должны прислать убрать. —

– Давайте, но, конечно, завтра утром. —

– Отлично. Вам удобно будет в десять? —

– Не знаю. Пусть приходит. Всё равно. —

* * *

Алина изощрялась в ухищреньях,
Пока не убедилась, наконец,
Что ей не совладать с такой проблемой.
Владимир на «Виагру» нажимал.
И всё ему казалось – вот, чуть-чуть,
И средство безотказное поможет.
Но это был обманчивый эффект.

К тому же водка, энная попытка.
Вдруг сердце от напряжения взорвалось,
И он безвольно рухнул на подругу.

Алина добралась до телефона,
И труп Володи ночью ехал в морг.

* * *

Наутро все трезвонили Наине:
«Продюсер твой скончался от любви».
В такую новость нелегко поверить.

– Вот так вот и уходит молодежь, —

Злорадничал таки фотограф Шац,
Шипящий на чужой успех у женщин,
– Но повезло, что умер он на бабе. —

Ангела видела, что бедная подруга
Терзается в прострации ума.
Не веря в отгремевшее вчера,
И в слишком безотрадное сегодня.
Вчера – Володя, а сегодня – «тело»,
И это тело будут хоронить.

– Ну, знаешь ли, он тот ещё затейник
Зачем он так сорвался от тебя?
Чтоб нежиться в объятьях проститутки? —
Ангела возмущалась, и всерьёз.

– Денис, пускай возьмут его машину.
А кто официантку к нам прислал? —

В дверях стояла странная особа.
Крахмальный фартук, бейджик на груди.

– Уборщица из клининга поселка.
Отец мой их услуги проплатил. —

– Пусть убирается. А то мы скоро едем.
Не скажут, что оставили бардак. —

Захваченный с собою порошок,

Помог Наине снять оцепененье.

Беседовать ни с кем она не стала,
И даже с человеком УВД
Тактично побеседовал Денис.
Он вспомнил о стремительном отъезде
Владимира из дома на такси,
Поскольку управлять своей машиной,
Чуть выпив, тот не стал бы никогда.
А, что за блажь ему пришла такая —
Сорваться, бросить девушку, бежать?
Об этом лишь гадать и остается.

Один звонок Наину удивил.
Звонил Васильев. Что ему за дело?

— Я только лишь узнать, что всё в порядке. —

Наина помолчала лишь секунду.
И с твёрдостью сказала:
— Как всегда. —
А в мыслях прокрутилось дополнение:
«Когда египетские ночи на дворе».

На похороны все-таки сходила.
Да, как Наине Шуйской не придти?
Той самой, что была его «звездой»?
И бросила на гроб две хризантемы,
Как горький символ двух ночей любви.

«Покойся с миром, ты угомонился.
В твоей кончине нет моей вины.
Ты сам себе свой гроб заколотил
Упрямыми гвоздями безрассудства».

Но из «обоймы», как зовут моделей,
На ком, по сути, держится показ,
Наине не пришлось, однако, выпасть.
Протекция, в том случае, что с ней,
Лишь косвенным была чуть-чуть подспорьем.

Она явилась, словно яркая звезда,
Блистательно успела проявиться.
Теперь у всех ценилась нарасхват.

Модель, с таким изысканным лицом,
Уменьем выглядеть всегда аристократкой,
Была востребована всеми Кутюрье.

А денежный прирост её дохода,
Поставил в ряд заманчивых невест.

Ангела, стратегический свой план,
Насчет Наины – всё ж осуществила.
Хотя и через несколько недель.
Они с Денисом пригасили Глеба,
Что был пленен Наиной на обложке,
На важный очень конкурсный показ.

Глеб выпал, как увидел дефиле.

Наина после встретилась с друзьями,
Усилила свое очарованье,
И Глеб своих восторгов не скрывал.

Он не был из холеных и надменных,
Глубоко утопающих в деньгах.
Довольно молод, юношески худ,
Смотрелся он английским джентльменом,
Каким тот представляется в кино.
При этом – был на редкость прост в общении,
Как выяснилось – только для своих.

Наине он и вправду приглянулся,
И вышел у них трепетный роман.
Когда определились с датой свадьбы,
Невеста захотела ехать в Томск.

– А, хочешь, полечу с тобою вместе, —
С готовностью засутился Глеб.
– Родителей, да и кого захочешь,
Потом на свадьбу сможем захватить. —

– Да нет же, милый Глеб, такое дело,
Я еду не кого-то приглашать.
Мне хочется о юности поплакать,
Ведь с нею я прощаюсь навсегда. —

Глеб бережно внимал словам невесты,
И даже проводил в аэропорт.
А в Томске ждал потомок Ганнибала.

Он был женатым, в доме ползал карапуз.
Однако, на втором у брата Славы,
Они уверились – любовь не умерла.

– Ты мой навеки, знаешь, Tommy Gun?
Пуškai я через месяц выйду замуж.
Тот космос, что был нашею любовью,
Остался, но во времени прошел.
Господь нас не связал, чтоб жили вместе.
Но нет родней на свете никого.

– И ты, поверь, моя частица сердца.
Но знаешь, раз уж нам не суждено,
Одной дорогой следовать по жизни,
Давай тогда, что мы в последний раз
С тобою были мужем и женою.
Я слишком горячо тебя люблю,
И чувство это стало выше секса. —

– Читаешь в моих мыслях, Томми Ган.
И то, как мы друг друга возлюбили,
Не сможет повториться никогда.
Как память грандиозного триумфа
Разменивать на пошлый адюльтер? —
– Вот только, если вдруг я буду нужен,

Не надо сомневаться, что я есть!
Ведь кто же знает, что там, в жизни будет? —

– Со мной «кумир для сердца моего».

* * *

Глеб Ухов не хотел тянуть с женитьбой.
Наина отработала контракт.
А новый, как её не умоляли,
Она не захотела подписать.

Она решила, что замужней даме
По подиуму прыгать не к лицу.
У суженого бизнес, светский облик,
И нужен представительный эскорт.

Никоим образом трагическую смерть
Продюсера в объятьях проститутки
С Наиной Шубиной никто не соотнес.
И, вряд ли, даже кто-нибудь припомнил,
Что он Наине подиум открыл.
О нем незамедлительно забыли:
Немалое количество моделей,
В любовных отношениях было с ним.
И каждая невольно трепетала,

Не ровен час, прослыть его вдовой.

Наина помнила, что ей звонил Васильев.

Случайно, но в особенный момент.

И, чтобы контролировать события,

Имея про запас такой контакт,

Она договорилась с ним о встрече.

Но прежде она съездила к Щегловой,

И нужные анализы сдала.

Осмотр был сделан с пристальным вниманием.

– Ну, что сказать, всё очень хорошо.

В анализах везде порядок полный.

По внешности, я вижу, влюблены.

Как женщиною стали – расцвели.

Васильев это, что ли, постарался?

– Нет, что вы, ваш Васильев ни при чём,

Хотя я за него вам благодарна.

Так значит, всё в порядке у меня?

Я, знаете ли, замуж собираюсь. —

– Жених, я полагаю, вне себя —

Таковую сватает красавицу-невесту. —

– Да он, поверьте мне, и сам неплох.

А как у нас с последствием аборта? —

– Кто может вам сейчас чего сказать?

Вы только про меня не забывайте.
Да и Васильев по бесплодию мастак. —

Васильев тоже видел перемены,
Как выразился: «явный позитив».
Он вовсе ей не делал предложений
В том плане, как наметил ей помочь.
Недаром он был тонкий диагностик.

Он сразу смог почувствовать Наину,
И в этот раз как будто доступ был
К её сугубо личным ощущениям.

– Я так и знал, да кто бы сомневался,
Что вам без мужа долго не ходить.
Ведь вы у нас публичная персона
Я видел вас в газете с женихом.
Такая замечательная пара.
Совет, как говорится, да любовь.
Надеюсь, не как врач и пациентка,
А просто – как хорошие друзья,
Мы будем крепнуть в наших отношениях.
Поверьте, я не всякое знакомство
На этом свете искренне ценю. —

– Артем Семеныч, складно говорите,
И я хочу спасибо вам сказать,
С надеждой на дальнейшие контакты.

Скажите, порошки для настроенья,
Взяла бы я, положим, штукеч пять.
А лучше – вы рецепт мне напишите. —

– Лекарство только в клинике у нас.
Я, знаете ли, милая Наина,
В России нашей – только консультант.
А клиника, где я теперь тружусь,
В Швейцарии, в её озёрной части.
Семейный, так сказать, пансионат.
На самом деле – фирменный отель,
Где вся обслуга знает в медицине.
Каких специалистов только нет. —

– Отлично. Не забудьте про меня. —

А после, будто в памяти возникло:
– Да, вот ещё – лекарство от маньяков.
Воспользоваться, к счастью, не пришлось.
Теперь, надеюсь, вовсе не придется.
Мне можно вам назад его отдать?
Но денег никаких назад не надо. —

– Не нужно? Отчего же не вернуть.
Да я и порошки вам дам бесплатно,
Раз вы мне возвращаете товар. —

– Две ампулы нечаянно разбились.
Но, это же не яд, чтоб умереть? —

- Какой там яд. Вы завтра не свободны?
И встретимся в двенадцать на Тверской.
Мы выпьем кофе, совершим обмен. —
- Расскажите про отдых на озерах.
Захватите какой-нибудь проспект. —
- Вас с мужем приглашу на тест-заезд. —
- Ловлю, Артём Семенович, на слове. —

* * *

Она уже набрать хотела номер,
Но Коля смог её опередить.

– Да, Коленька, пойду я под венец.
И это тоже часть познания мира.
Сейчас же я учусь водить машину,
Усердствую в испанском языке.

Ангела, я хочу вас познакомить,
Подруга с институтских моих дней,
Владеет туристическим агентством,
Бой-френд открыл специально для неё.

Кубинка, за два года изучила
Четыре иностранных языка.
И я теперь сама учу испанский.
Мы с нею меж собою говорим
На русском и испанском вперемежку.
Что скажешь ты? —

– Не знаю по-испански.
Но рад, что ты, как будто, не грустишь. —

– Но ты, в противовес, не очень весел? —

– Что сделаешь, любимая сестра.
На свадьбу я к тебе не прилечу.
Когда же народишь красивых деток
Допустишь меня в крестные отцы? —
И оба вдруг замолкли, удивленно,
Как будто что свершается всерьез.

Но Коля ведь звонил с конкретной целью:

– В Москву к тебе Григорий прилетит.
Найдется два часа для Тахтамыша? —

– Скажи, когда и где его встречать? —

– Он сам тебя, где скажешь, там подхватит.
Ну, скажем так, в одиннадцать утра? —

– Метро «Фили», я буду там у входа. —

– Отлично. А я завтра позвоню. —

* * *

Григорий дал инструкцию таксисту:

– Каширское шоссе, “MOSAUTODOR”. —

Столица двигалась со скоростью привычной.

Местами – пять, а где-то шестьдесят.

Когда они приехали к объекту,

Григорий, неожиданно, сказал.

– Как будет по-английски бесконечность?

От Гриши – удивительный вопрос.

– “Infinity”. Вот так же, бесконечно,

Я пела Коле вечно “Hymn” про “Humen”.

Представить трудно, как он мог терпеть. —

– А что по-русски это может значить? —

– “Hymn” – это гимн, торжественная песнь.

А «Химэн» – это девственная плева. —

Григорий тут немного обомлел.
Но планы, что же делать, поджимали.
– Нам главное – успеть тебе купить,
Кусочек бесконечности. Сегодня. —

“Infinity” – подарок не на свадьбу.
А просто подходящий лимузин,
Когда она вождение освоит.

– Мы полностью оплачиваем все —
Небрежно продавцам сказал Григорий,
– Но только мы не будем забирать.
Пускай у вас останется на время.
Как нам оформить? —

Тут же персонал,
Что час почти что с них сдувал пылинки,
Вопросы наверху согласовал.

Однако, у Наины вся покупка
Прекрасного авто в салоне люкс,
Окрасилась внезапно странной грустью:
Её не радовало время перемен.

Она имела в собственности сумку,
Пять платьев, да ещё, по мелочам.
А тут – вериги как бы надевали,
И в них придется плыть в «большую» жизнь.

Как будто глянцевого зелёного бегемота,
Который назывался «бесконечность»,
Был той погибшей бабочкой в рассказе¹¹
Раздавленной ботинком экскурсанта,
Сорвавшегося с навесной тропы,
Проложенной, чтоб прогуляться в прошлом.
Вернувшись в отправную точку
До мелочи знакомых наших дней,
Попали в мир похожий, но не тот,
И явность изменений в первый миг
Была прогнозом прочих откровений.

Казалось, что «зелёный бегемот»,
Все памятное из прошедших лет,
Окрасил так: то ль не было? То ль – было?
А радужные мысли о грядущем,
Вдруг стали, словно призрачный фантом.

«Я, в незапамятных веках...» – звучал рефрен,
У девушки, в преддверье скорой свадьбы.

«И, что мне это в голову пришло,
«из-за какой-то бабочки-малютки!».
Наина тут одёрнула себя.
А внешний вид её был безупречен.
«Я Коле расскажу – он посмеётся».

Григорий оговаривал маршрут:

---

¹¹ Рэй Бредбери «И грянул гром».

– В «Фили», ну, а потом – к аэропорту.
В машине у таксиста был приемник.
Ведущий говорил о новостях.
И тут, оно случилось – грянул гром.

«Недалеко от Томска, этим утром,
Предотвратили рейдерский захват
Одной из крупных действующих вышек
Компании «КузАлНефтгазопром».
Владелец, он сейчас живет в Париже,
Охотно контактирует со СМИ.
Как выяснилось – группа недовольных,
Которую возглавил некто Штолыц,
Работавший там главным инженером.
Имея очень сильную поддержку,
От Лазарева, шефа всех охран,
Собравшего отряд из отморозков,
И урок изо всех концов Сибири —
Блокировала офисный отсек.
При грамотном вмешательстве ОМОН
Сопротивлялись. Завязалась перестрелка.
Порядок на объекте наведен.
Четыре из ОМОНовцев в больнице.
У рейдеров немало пострадавших,
Один скончался по дороге в медсанчасть.

Ещё одна есть жертва в инциденте.
На подъездном шоссе в автомобиле,
Погиб один из явных главарей,

Брат Лазарева, Николай Петрович,
Известный в криминальном мире Томска
Под давним своим прозвищем «Цыган».
По достоверным сведениям СМИ,
«Цыган» был явный лидер группировки,
Противоправным действиям которой
Последовал немедленный отпор.
В последний месяц, рассказали в УВД,
«Цыган» всё набирал авторитет
В кругах, как говорят, определенных,
И многим он дорогу перешел.
Взрыв, видимо, произведен был с пульта,
И лишь тогда, когда водитель смог,
Пробраться сквозь огромную толпу
Собравшихся у офиса рабочих.

Добрался до безлюдного шоссе,
И двинулся с огромным ускореньем.

Машину сразу выбросило в воздух,
И выгорела в несколько минут.
Открыто дело. Следствие ведется.
Для «Авто-Радио». Борис Агеев. Томск».

– Ну, что вы, будем ехать? Жалко время, —
Шофёр уже давно завёл мотор.
Они ещё стояли у машины,
В прострации, не в силах осознать.

Григорий всё же смог сказать таксисту:
«Включите счётчик. Малость подождем».
И в несколько движений закурил,
Сраженный неожиданным известьем.

Наина, как стояла у машины,
У двери, где открытое окно,
Застыла, не меняя своей позы,
Со взглядом, устремленным в никуда.

Но время диктовало что-то сделать.
Григорий поднял к уху телефон.
И – слушал, он молчал и долго слушал,
И в жутком напряжении молчал.
Наина – та смотрела на него,
Поддерживая протяженность связи.
Но Тахтамыш, не поднимая глаз,
С остервененьем бросил сигарету.
– Минутку, я сейчас поговорю. —

– Сегодня в восемь мой обратный рейс.
Могу лететь и в десять, если хочешь. —

Она сказала «Да!». Потом спросила:

– Так, что же, получается, что – всё?
И Томми Ган отныне недоступен? —

– Всё правда, – отозвался Тахтамыш.

— Тогда единственное, что мы можем сделать, —
Наина с другом заняли такси.

Кто знал, какое горе, ужас, мрак
Наполнили Наину до предела.
И вылились в физический порыв.

Все действия, что надо совершить,
Ей даже представлять не приходилось,
Их будто голос свыше диктовал.
С Григорием, на этом же такси,
Поехали по новому маршруту.
Заехали в цветочный магазин
И выбрали по двадцать лучших роз.
Из белых набрала себе Наина,
А алые, ещё темней, чем кровь,
Составили букет у Тахтамыша.

Рожденные в бескрайности Сибири,
Не знали про окрестности Москвы,
И, что они настолько живописны.

Не время было что-то узнавать,
А просто попросили у таксиста
Везти туда, где берег над рекой
Крутой, песчаный, и должны быть сосны.

Водитель знал такое место на Оке,

Не близко – выбирать не приходилось.
Но Коля позаботился о них —
На их пути, в движеньи, в этот час,
Забыли про такое слово – пробки.
И редкие машины от Москвы,
Не сдерживались в скоростном режиме.

И, что сказать, водитель не подвел.
Здесь было и не хуже, чем над Томью:
Намного полноводнее река,
И берег выше, и, пожалуй, круче.

Наина огляделась, поняла,
Что именно такой просвет в природе,
Их может ещё с другом пересечь.
Решительный, он первый канул в вечность,
А общий микрокосмос, неделимый,
Он ей одной оставил сохранять.

Тот берег у Оки был очень крут,
Но все же по отвесному обрыву
Вела-таки опасная тропа.
Немногие, но полные отваги,
Могли, перешагнув через сомненья,
Попробовать добраться до воды.

Не ведая, что наступил сентябрь,
Во всю ещё господствовало лето.
Наина тут сказала Тахтамышу.

– Пойдем, давай. Наш путь туда, к реке. —
И вежливо шофера попросила:
– Мы быстро. А потом – в обратный путь. —

Наина сбросила ненужные одежды,
К груди прижала свой букет из роз
С неистовым отчаяньем и силой.
И тело обагрила тут же кровь
Из мест, что были проткнуты шипами.
Григорий тут спросил: – Что делать мне? —

– Ты тоже с ним так можешь попрощаться.
Потом мы пустим розы по реке.
Пусть наша кровь уйдет с речной водой,
И где-нибудь сольется с кровью Коли,
Которая в земле теперь живет. —

У Гриши тут прошло оцепененье,
В каком он до того момента был.
Он чувствовал, что Коля где-то рядом,
И к месту оказался ритуал —
Возвышенный, понятный и доступный.

Наина разбирала свой букет,
Цветок она бросала нежно в воду,
И тихо говорила: «В добрый путь».
И вот уж Тахтамыш теперь разделся,
Он тоже протыкал себя шипами,

Как будто бы хотел отдать для брата

Всю в теле протекающую кровь.

– Ну, хватит, ты ещё обязан жить.

И так, чтоб Николай тобой гордился. —

“INFINITY”, разлука, сорок роз.

* * *

Из Томска Тахтамыш всё подтвердил:

Как Лазарев завел свой Форд Мустанг,

Пробрался сквозь толпу до дальней трассы,

Где газу дал в четыре с лишним литра,

Так тут же он и скрылся в небесах,

Оставив на земле своё лишь тело,

Что, вместе с обгоревшей машиной,

Раскинул в клочья учиненный взрыв.

Смогли найти приемлемые части

Чтоб сделать экспертизу ДНК.

Проверили, что та ли это личность.

Останки уложили в красный гроб,

И отдали семье в закрытом виде.

Закрытый гроб, закрытая судьба.

Григорий рассказал: – В семье есть деньги.

Родителей его я навещу.
Но, честно говоря – зачем им я?
Брат Слава, он, похоже, даже рад,
Что он от брата смог освободиться.
Ведь Коля вырос лидером во всем,
И Славку поучал, что надо делать.
Теперь тот будет жить своим умом,
А это значит – будет жить холуем.

– А как его ребёнок и жена? —

Наина механически спросила,
Хотя без промедленья поняла,
Насколько ей всё это безразлично.

– У них – Новосибирск, дадут им денег. —
Потом вопрос наткнулся на вопрос.

– А ты как думаешь с собою разобраться? —

– А что ты сам наметил предпринять? —

Григорий вёл рассказ издалека:
– Есть парень – вертолетчик в МЧС,
Он Колю уважал, я с ним связался.
Сегодня к Алатау полетим,
Я как-то там скалу одну заметил.
Хочу взглянуть, как это всё вблизи.
И, если она снизу неприступна,
А камень может выстоять века,

То завтра у неё владельцы будут,
Чьи души туда смогут прилетать.
И есть резец, чтоб выбить в камне надпись:
НАИНА – ТОММИ ГАН... И..., ты прости,
Но я хочу быть рядом постоянно.
Поскольку нет людей, дороже вас.
Поэтому, пониже – пусть все знают,
Себя я припишу – и ТАХТАМЫШ. —

Последовало долгое молчанье.
Григорий в это время вспоминал,
Что, все-таки, немислимо придти
На кладбище к пустому гробу друга.
И только лишь общением с Наиной,
Он сможет, пусть не часто, возвращаться,
К таким бесценным юности годам.

Наина думала и плакала беззвучно,
И слезы успокаивали боль.
Пока вдруг не прошло оцепененье,
И ей неважно стало – почему,
Зареванные губы повторяли:
“Infinity. Forever. Tommy gun”.
– Скажи, я замышляю ерунду? —
Услышала она сомненья друга.

– Всё так, Григорий, абсолютно так.
Я просто успокаивала слёзы.
Не надо нам могилы и венков,

И памятной плиты, где дата смерти.
Когда родился – знаем мы и так.
И будет жить, пока мы будем живы.
А надпись та – пусть знают облака,
Наину, Томми Гана, Тахтамыша. —

Но горе – горевать не дало время.

* * *

– Согласны, Глеб Михалыч, взять Наину?

– Согласны вы, Наина Львовна, стать?

Продолжилось всё целым представленьем,
С сюрпризами, артистами – из тех,
Кто только «сильных» мира развлекает.
И длительным помпезным торжеством
В одном из самых модных ресторанов.

Но, слава Богу, что Наинин лоск,
Не только был подарком от природы.
Её занятия йогой, и диеты,
И школа подиумов, что она прошла,
Не сделала жестоким испытаньем
Гремящий, долгий свадебный банкет.

И Глеб был с нею рядом неотлучно.

Его чуть напугал внезапный спад,
Заметный в настроении Наины.
Догадок он не делал никаких,
А спрашивать – тем более не думал.
За то, что согласилась стать женой
Ещё сильнее любил «царицу моды».

Их свадьба в светской хронике событий
Полдня светилась красною строкой.

У подиума есть свой «Млечный путь»,
Сродни «Аллеи звезд» у Голливуда.
Туда попавшие – не гаснут уж вовек.

«И только, – думал Глеб ещё до свадьбы,
Придется мне изрядно напрягаться,
Чтоб бизнес мой доходный не провис.
И, чтоб все говорили: «Это Ухов!»,
А вовсе не «деляга, Шуйской муж».

Наина же сказала перед свадьбой:
«Я родичей из Томска не хочу.
Ты – шишка, да и я почти актриса,
Прислали три сценария смотреть.
Ты вводишь меня в новую среду.
И я должна быть легкой, без грузила.
Зачем тут мама и, тем более, отец?

Нужны они директорам концернов?
И лидерам от холдингов различных,
Кого мы „честь имеем“ пригласить?»

– Тогда – друзей из юношеских лет. —

– Одну лишь пару я хочу увидеть:
Лариса, и с ней юноша Григорий.
А к маме в гости съездим мы потом.
Не мучайся, любимый, угрызеньем,
Что в жёны взял невесту-сироту. —

* * *

– И даже Элтон Джон не очень нужен,
Глеб радовался мнению гостей —
Бальзам на сомневавшуюся душу.
Творящие веселье мастера,
И вправду – шоу-бизнеса адепты,
Настроили такую атмосферу,
Что свадьба ожиданья превзошла.

Глеб счастлив был той суетой общенья.
Друзей своих Наине представлял.
Ей не было нужды запоминать.
Она просматривала список приглашённых,

Без цели разобраться в именах.
А шумное застольное веселье
Она не разделяла никогда.

* * *

Молодожены поселились на Мясницкой.
Глеб в старом доме выкупил этаж,
Как думал – для семейного гнезда.

Но Шубиной была не по нутру
Зажатая машинами столица.
Ей нравилась свобода и простор.
А значит – стройка собственного дома.

За свадьбой наступил медовый месяц.

Глеб звал её поехать на Бали,
Её манила Старая Европа.
Поэтому они сошлись на том,
Что две недели будут на Канарах.

Глеб вспомнил мягкий бриз на Тенерифе,
И пляжи с вулканическим песком,
И вечное там время карнавала.
Рассказами он заразил Наину.

Ей снился рокот волн у диких скал.

– Представь, какой двусмысленный сюжет,
Мы едем отдыхать в испанский рай,
Царящий у подножия вулкана.

Я вспомнила: «что гибелью грозит,
Для сердца может смертного таить,
Неизъяснимые доселе наслажденья».

– Да, дорогая, остров из вулкана.
Вот взяться за него да раскопать.
Уверен, ископаемых там много.

– Не знаю дорогой. Тебе видней.

VIP зона отнеслась с большим вниманьем
К блистательной супружеской чете.
Но даму всё же что-то волновало.

Быть вечно в объективе сотен глаз —
В утраченной профессии Наины.
Но VIP персонам в зале для отлета
Обычно мало дела до других.
И, если кто-то вздумал проявить
К попугчикам малейший интерес,
Тем более – стремление к общению,
То это уже явный «моветон».

Наина игнорировала стойко,
Навязчивость на ней застывших глаз,
Но это стало слишком откровенно.
Хотела уж, забывшему приличий,
Надменно его место указать...
Когда? Наина очень удивилась,
Увидев вдруг, что терапевт Васильев,
Не будучи представленным супругу,
Старался овладеть её вниманьем,
И, может быть, суметь поговорить.

– Куда, Артём Семёнович, летите?
Приветливо окликнула врача,
Как друга, с кем общение приятно.
– Глеб, это – господин Артем Васильев.
Ты помнишь про Швейцарию проспект?
Артём Семенович – всех этих вилл хозяин. —

– А я в Лозанну, – комментировал Артём.
И рад вас с новым статусом поздравить. —
Он что-то стал плёсти ещё про свадьбу.
Но вспомнив, где находится сейчас,
Спросил, куда летят молодожёны.

– Обрато на Москву без пересадок? —
И – ясно, что не праздный интерес.
– Ведь можно и удобно через Цюрих.
Я встречу вас, и вы бы посмотрели:
У нас отлично можно отдыхать. —

При этом протянул проспект отелей,
И сказывал, как много знатных русских
Любили очень отдых у озер,
И славили Швейцарскую Ривьеру.

– Какой располагающий субъект, —
Глеб сразу же припомнил в самолёте,
– Знакомы, будто, много тысяч лет. —

– Давай к нему действительно заедем.
Карибы – это южный вариант.
А в Альпах горным воздухом подышим. —

* * *

А дальше – так оно и повелось.
Чуть что – они в Швейцарию, на отдых.

Отель Васильева украсил склон горы.
Весь комплекс разной давности построек,
Так тщательно прописанный в пейзаж,
Дизайнер умудрился воплотить
Как собственное детище природы.
Со множеством различных, современных,
Технических решений всех задач.

Хоть выглядело всё предельно просто.

Наина же к Щегловой не ходила,
Ведь с Глебом рассудили полюбовно,
Что рано заводить теперь детей.
Наина ещё очень молода.
И, разве будет правильной идеей,
Пополнить ей отряд домохозяек?
С заботой о ребенке и семье?
Когда вокруг неё все бизнес-леди?
Саму её, Господь наш Вседержитель,
Умом и красотой не обделил.

Она пошла к Анжеле в турагентство.
Та – ездила на родину два раза,
Но возвращалась раньше, чем должна,
Настолько ей Россия стала домом.
Что часто у привязчивых натур,
Когда они друзьями обрастают,
И уж потом без них не мыслят жить.

– На Кубе стало все «американо», —
Анжеле нравилось о братьях вспоминать.
– Их четверо, кубаносов – подростков,
А старшего я нянчила сама.
Так все они Америкою бредят.
Луиса жалко, мог быть поумней.
Того гляди, и на иглу подсядет.
Марихуана там у них – простой табак. —

Наину мучила возможная бесплодность.
Но даже консультации врачей,
Не дали ей ответ про вероятность.
Лишь практика могла дать результат.
Глеб в бизнесе стремился преуспеть,
И, видимо – успешно получалось.
Они решили – ей не следует рожать.
Поэтому она предохранялась.

Анжела же советовала так.

– Пусть он в презерватив извергнет семя.
А ты его – с собою в туалет,
Когда пойдешь проделать гигиену.
И семя ты в себя перемести:
Узнаешь, понесешь ли ты во чреве.
Попробуй всё, пока ты молода.
А выйдет что – предохранялись плохо.
Что он отец – на то есть ДНК.

Наина слушалась, но в чреве не несла.

К Васильеву, в его пансионат,
Они старались чаще выбираться,
Прекрасный воздух, тщательный комфорт.
А тут она заранее узнала,
Что Глебу предстоит лететь в Берлин.
– Я думала – в Швейцарию поедем.

Два месяца, как не были мы там. —

– Ты, милая, звони и поезжай.

А я, как только кончатся дебаты,

Так сразу – в поезд, и в наш райский уголок. —

* * *

Наина Ухова приехала одна,

В пансионат «У психотерапевта».

Ей нравился Васильевский отель.

Артем Семенович встречал Наину в холле.

– Я дам распоряжение о цветах.

Сегодня розы или орхидеи?

Присядьте. Я вернусь и провожу. —

И с чувством, что приехала домой,

Наина утонула в мягком кресле,

Внимательно осматривая холл.

«Я где-то уже видела её —

Она застыла взглядом на девице.

– Но надо чуть косметику убрать,

Одеть её немножечко попроще. —

Вопрос никак не мог найти ответ,

Хоть Ухова не уставала думать.

Девушка двинулась, пересекая холл.

Наина обратилась к ней с вопросом:

– Простите, а вы не были в Москве? —

Та, видимо, совсем не знала русский.

– Excuse me, but at Moscow, have you been?¹²

– О, sorry I have never been at Russia¹³. —

Наина думала: «И что девушка врёт?

Ведь чувствует, что я её узнала».

– I beg your pardon – may be something else?¹⁴

– Nein, Danke¹⁵, – и Наина утвердилась,

Что «там», «тогда», и с этим же лицом,

Она конкретно вспомнила кого-то,

Кто мельком серой мышкой приходил.

И, чтобы убедиться, уточнила.

– А, как давно работаете здесь? Как вас зовут? —

---

¹² – Прошу прощения, а вы не были в Москве? (искаж. англ.).

¹³ Сожалею, никогда там не была. (англ.)

¹⁴ Простите, может, что-нибудь ещё? (англ.)

¹⁵ Нет, спасибо. (нем.)

– My name is Marta¹⁶, работаю уже четвёртый год.

—

Приход Васильева, исчезновение Марты
Вписались в день, которым жил отец.
Наина сохранила удивление.

Артем Семеныч выказал заботу.

– Вы отдыхайте, встретимся потом. —

– Я к вам зайду, когда пойду на ужин, —
Так холодно ответила она.

В апартаментах распускались орхидеи.

* * *

– Я не ошиблась относительно девицы?
Наина понимала, что Артём,
С огромной информацией событий,
Его умением разобраться в них,
Конечно, среагировал на Марту.

Васильев удивился на Наину:
Короткое из прошлого виденье
И всплыло, и нашло определённую.

---

¹⁶ Меня зовут Марта.(англ.)

Наина умудрилась просчитать.

– Вы четко распознали «хаусклининг».
И, может быть, поведаете – как? —

– Для русских, но не знающих Россию,
Для всех самонадеянных людей,
Не буду я пускаться в объяснения,
Что мы по прежним калькам, как всегда,
Сначала слово в воздухе напишем,
И доски к нему станем прибивать.
Иначе мы не строили заборов.

В поселке, где всего-то две дороги,
И ставят лишь фонарные столбы,
Приходит вдруг незванный «хаускипинг».

На личике – столичный марафет.
И бейджик – не бумажка на булавке,
А правильный промышленный продукт. —

– Что ж вы, когда во всем разобрались,
Её на месте не разоблачили? —

– Я на вопрос – вопросом: а зачем?
Пускай себе, что надо подчищает.
Что думать мне о глупости такой.
Сейчас же я взглянула и узнала.
И что она тогда для вас нашла? —

Артем Семенович внезапно снял очки.
Его глаза, утратив защищенность,
Придали выражение лицу,
Как будто бы у умной хищной птицы,
Спокойно ждущей гибели добычи,
Заведомо назначенной ему.

– Поверьте мне, что я, Наина Львовна,
Довольно небогатый человек.
Те деньги, что приносит мне лечение,
Так – курам на смех, или скажем – псу под хвост.
Наина, продаю я одолженья.
Вначале я недорого беру.
А после – так расплачиваться с гаком. —

– Так что же, и со мной такой же случай? —

– Ну, точно же такой, один в один. —

– Какая глупость! Что я натворила? —

– Спросили – я достал «Декапептил»,
Хотя он запрещен везде к продаже.
Вы дали эту гадость человеку,
Хотя мы применяем препарат
Сугубо лишь в судебной медицине.
И то – он быть не может применен,
Помимо добровольного согласия

На акцию химической кастрации,
Которое преступник должен дать.
Насильник его пишет от руки,
А судьи его только заверяют.
А вы же, кавалера на свиданьи,
Его стать импотентом обрекли. —

– Я ампул ему так и не влила.
Сказала же я вам – они разбились. —

– А это уж неважно никому.
Мне Марта принесла презерватив,
Там ДНК и ваши, и Володи.
На упаковке, что потом вернули мне,
Сплошные отпечатки ваших пальцев.
Убили вы покойного, иль нет —
Я в суд не собираюсь обращаться. —

– Так что же вы хотите от меня? —

Васильев не хотел спешить с ответом,
Но с точностью прочувствовал момент,
Когда молчание прервать необходимо.

– Хочу то я немного – миллион.
И – тёмное пятно на вашем прошлом..... —

– Гарантий нет, что через пару лет,
Вы снова к этой теме не вернетесь.

Вы сделали мне подленький сюрприз.
И сами рассказали, что ваш бизнес
Доходен, когда тайны пациентов,
Под явную угрозой разглашения,
Вы им же предлагаете купить. —

Она задумалась, немного принужденно.

«Быстрее думай, гений от стратегий,
Чего склонилась гордой головой?»
Примерно так подстегивал Васильев.

– Вы знаете, что миллиона нет, —
Ответ звучал куда как убежденно.
Хоть губы и украсились улыбкой
Уверенной спокойной простоты,
Но сердце оцетинилось презрением.

– Вы женщина замужняя у нас, —
Артем давил на болевую точку.

– Но денег я у мужа не беру.
Надеюсь, и в дальнейшем брать не буду. —

– Не надо денег ни просить, ни забирать. —
Сказал Васильев. Тут он замолчал,
Поднялся, походил по кабинету.
Решительно потом подсел к Наине.

– Не знаю, как возникли подозрения.
Я действовал предельно откровенно,
Когда свои вы сложные вопросы
Хотели с моей помощью решать.
Сказал вам о цене, и о проблемах.
Действительно, я Марту посылал,
Убрать неподходящие предметы
От бдительных и посторонних глаз.
Как знать про ваши трезвые мозги? —

– Зачем тогда трясти презервативом,
И пальцы на коробке вспоминать? —

– Наина, вы же мудрая особа.
А изредка – совсем, как детский сад.
Я просто допустил сгущенье красок.
Как вас, выходит, запросто поймать. —

– Так вы же цену за молчание назвали? —

– Цены я никакой не называл.

Хочу я миллион, а кто не хочет?
Я полагал, что с вами мы друзья,
И лишь потом, как врач и пациентка.
Вы с Глебом всякий раз для нас желанны.
Отстроитесь, и я приеду к вам. —

«И, что-то во мне возникли подозрения?»

Всё нервы. Если высплусь, то пройдёт».

– Пришлите мне чего-нибудь для сна. —

– Я лично приготовлю вам напиток. —

* * *

Наине нравилось, не выходя во двор,
Ходить по лабиринтам переходов,
Какими изобиловал отель.

Была там пара лестничных пролётов,
И круглая терраса, взгляд с которой,
Ей сразу понравился в первый день.
Стена из очень толстого стекла
Была, по сути, как окно в природу.
Вплотную прилепился склон горы.

– Ты дитяtko, Pulsatilla alpine? —

Наина обратилась к «сон-траве»,
Простушке Альп из белых лепестков
С доверчиво открытым жёлтым сердцем.

– Ты в благостной природе заночуй,
А мне со сном волшебник наш поможет. —

Тут, будто бы, совсем издалека,

Раздался звук, глухой и очень низкий —
Ночную песнь трубил альпийский рог.
Его мгновенно эхо подхватило
И скрылось с затиханием вдали.
Ну, что же, на сегодня всё, довольно,
А новый день уже стучится в дверь.
Она уснула, как успела смежить веки.
В часы её забвения в ночи,
Ей не привиделись ненужные картины.
Открыла утром ясные глаза,
Как вечером прикрыла на минуту.

С огромным удивлением узнала,
Что сладостный и благодатный сон
Хранил её примерно семь часов.
А тот бокал, что ей прислал Васильев —
Две трети райского напитка отпила.

Всё наполнилось притоком юных сил,
Душа горела жаждою свершений.

«Волшебный, дорогой Артём Семёныч!»,
Единственно подумала она.

* * *

Текст занял с перерывами два дня.
Она прошлась по созданным страницам,
Увидела: придется много править,
Но это нужно делать не сейчас.
Насмешливый характер, между тем,
Написанное посчитал абсурдом.
Наина очень часто размышляла:
Абстрактное крыло литературы
Лишь может называть себя искусством
В бесстыдном прагматизме наших дней.
А все попытки жизнеописаний,
Как мастерски не строится сюжет,
Придется счесть лишь опытом подростка,
Который был мастак до сочинений,
Поэтому и нету в нем сомнений,
Что может лучше Гоголя писать.
Ведь он уже так много в жизни знает!
«Все взрослые – такой смешной народ!» —
Любила повторять Наина Львовна.
И, как бы горько ей ни становилось,
(Сама-то – не из ряда вон куда),
Но думала всегда, что жизнь – игра.
И нет в ней интереса без азарта.

Она увидела, что друг Натальи Балк,
Кликуши, проживающей под боком,
Приблизился к её входным дверям.
Как, впрочем, и должно было случиться.

Взглянула тут же на начало текста:
«Наина девочкой приехала в Москву...»
И вывела курсивом заголовок:

РОМАН для АБРА МОВИЧА. В стихах.

И не нажала – «Завершение работы».
Компьютер жил, хотя экран потух.

Звонок, как три удара кастаньет,
Не вызвал диссонанс в покое дома.
Сама Наина села в кресле в холл,
И с пульта, не спеша, дистанционно,
Лихому гостю открывала дверь.
В проеме появился силуэт.

Тотчас же с двух сторон прожектора
Его поймали, как певца на сцене.
От гостя шла уверенность в себе
И явная приветливость хозяйке.

– Вы в сумраке, меня терзает свет. —

– Должна же я увидеть, кто приходит.
Я рада вам. А где моя соседка? —

– Ей нездоровится. Я еду в магазин.
Могу вам захватить, вдруг что-то надо.

– Спасибо. Нам не надо ничего.
А вы за чем? Какие-то лекарства? —

– Да нет. Наталья выпила и спит.
А мне купить чего-то захотелось. —

Закатный свет усилил полумрак
Большого холла с высоченным сводом.
Но из-под купола на четырех цепях
Спустился вдруг диковинный светильник,
Как видно – несомненный раритет.
Завис он очень низко над столом,
Который, в окружении из кресел,
Смотрелся, как оазис среди тьмы.

– Мне хочется вас чаем угостить.
Вы, помню, побеседовать хотели?
Мои должны приехать через час. —

Для чая всё сыскалось под рукой.
Ему хотелось чёрный с бергамотом.
Она пила зелёный, как всегда,

– Мне помнится, Роман, что вы коллектор.
Агентство, или сами по себе?

– Агентство, всё от степени проблемы.
Вопросы разные, различен и подход.
Вам это интересно просто так,

А, может быть, конкретная работа? —

– Да что вы, я сейчас не о работе.

Сейчас мне интересны лично вы.

Вы – Абрамович. Что вы – родственник ему? —

– Кому – ему? Арону, или Лейбе?

А может, и кому-нибудь ещё?

Вы спрашиваете, чтоб я мог ответить. —

– Роман Аркадьевич. Кто он-то будет вам? —

Свет был не яркий, он высвечивал квадрат.

Хозяйка с гостем, будто бы на сцене,

Друг друга видели без игр полутьмы.

И давишное ощущение силы,

Что парень на Наину произвел,

При свете совершенно не померкло,

А, может быть, усилилось ещё.

Но вовсе не атлет сидел напротив.

Роман, как посвященный каратист,

Держал заряд энергии в запасе,

Чтоб выплеснуть в означенный момент.

Отнюдь не рослый, очень складный, худощавый,

Не очень видный посторонний человек.

– Я сам не знаю толком, может дядя?

А тётка говорила, что отец.

В событиях невозможно разобраться. —

Наина выбрала одну из ярких книг,
Что были на столе небрежной стопкой.

– Взгляните – предпоследнее издание, —
И гостью через стол передала.

– Хм, детектив, – и он взглянул, кто автор.
– Я Катерины Рупской не читал.
Какая-то, видать, подруга ваша? —

– Нет, я. Иначе скучно жить.
А Рупская – так это псевдоним. —

– И что же, уже много настрочили? —

– Четыре книги. Скоро будет пять.
А может – шесть, если о вас хотите. —
– Тогда я вам и вправду расскажу.
Писательнице будет интересно.
Но уговор – пока об этом не писать. —

– Я лишь тогда, даю вам слово, напишу,
Когда вы мне не просто разрешите,
А с просьбой обратитесь – написать. —

И он рассказывал такое – «уши вяли».

«Вот, Абрамович – он служил под Киржачем.
Так городишко, у Владимира под боком.
Родители его погибли рано,
Но в жизни не оставили дядья.
Сначала жил в Ухте, у дяди Лейбы,
Потом Абрам позвал его в Москву,
Где Рома школу среднюю окончил.
И вышел тут же воинский призыв.

Назваться Абрамовичем не сложно,
Родившись в те года под Киржачем.
Никто и не подумает придраться.

Представь себе – идет солдат в отгул,
А девки – уже ждут у караулки.
И крутится отгульная любовь,
А сколько из гулящих залетает?
Вот отпрыскам и ляпают порой:
«Да, что ты, ведь твой папа – Абрамович.
Лети ты в Лондон и добейся ДНК».

А тут ещё история другая.
В то время, у уже прошедших службу,
Был принят, что ли, «дембельский аккорд».
Солдаты, возвращаясь на гражданку,
Для части, что была родным их домом
В течение всех долгих двух годков,
Обязаны полезное что сделать,
Чтоб память о них долгая была.

И без «аккорда» по домам не отпускали.

И вот, Роман Аркадьич со друзьями
Должны очистить от деревьев лес,
Размером, что футбольная площадка.
Да что я – поле, целый стадион,
А может – просека для будущей дороги.
И от того, как быстро всё исполнят,
Зависело, когда их дембельнут.
Расчистят лес, и сразу по домам.
А где такие силы – напрягаться?

И вот, Роман такой придумал план.
Он поле раздербанил на делянки.
А возле части, полчаса ходьбы,
Совхоз животноводческий страдал,
Не зная, чем грядущею зимою,
Коровники удасться отопить,
И прочую домашнюю скотину.
Да и самим не светит околеть.

Когда Роман пожаловал с идеей,
Чтоб мужики делянки раскупили,
И лес с них заготовили себе —
Они не знали, как благодарить.
В три дня расчистили участок, словно плац,
Ещё деньгами кучу отвалили.
Он деньги на три части поделил:
Армейскому начальству, как и надо;

Ребятам, остававшимся служить,
И дембельской бригаде – на дорогу.

Романа Абрамовича хвалили:
«Какой, – все говорили, – светлый ум!».

– Так он уже тогда, мудрец безусый,
Всё сделал, словно чистый бизнесмен, —
Порывисто тут вставила Наина.

– А кто же что ещё про это скажет?
И Пушкин ведь в пятнадцать лет писал:
«Утешься ты, о мать градов России».

– Да вы с Натальей, жаль – она больна,
Как будто бы свалились с книжной полки.
Она про вас – Виссарион Белинский,
Вы – строчу мне из «Царского Села».

– Я эту аналогию привел,
Чтоб Абрамовича поступок обозначить.
Запоминающимся «дембельским аккордом»
Роман Аркадьич свою службу завершил.

История имела продолженье.
С другим набором действующих лиц.

Тогда ещё российские рок-группы
Искали, где участок на природе,
Чтоб летом провести там фестиваль.

Не знаю я, откуда прозвучало,
Услышан был, да и подхвачен клич:
«Давайте-ка поедем под Владимир.
Ведь там леса безумной красоты,
И кто-то земляничную поляну,
Размером, как огромный стадион,
Расчистил, что пеньки одни остались.
Так это – чтобы публике сидеть.

Мы строим пару-троечку эстрад,
И с них фанатов творчеством насытим.
И все приехали. И даже Макаревич.
Он предложил устроить дайвинг-клуб,
В том месте, где Киржач впадает в Клязьму,
Расчистить если всё и углубить.
Конечно же, приехал «Мумий Троль».
И лидер их сказал определенно,
Что в здешних заповеднейших местах
И тигр мог популяцию повысит.

Арбенина приехала с Верленом,
И в группе с ними был ещё Рембо'.
Наина уточнить хотела: «Рэ'мбо».
Рассказчик настоять сумел: «Рембо»'.
Они ей составляли бэк-вокал,
Солировали в рок-балладе «Кошка».
Шевчук, и все ребята ДДТ,
На акцию протеста прикатили —
Прошла молва, что вырубают лес.

Нелепость слухов скоро прояснилась.
БИ-2 прислали саунд-трек на диске,
Они никак приехать не могли....

Наине вдруг наскучил балаган.
Откинулась на кресле с чашкой чая,
Не думая пришельца тормозить.
Меж тем – он будто лекцию читал.
Сидел спокойно, не меняя позы.
И живо разворачивал рассказ,
Без взглядов на реакцию хозяйки.

Наина вклинилась в момент одной из пауз
И тихо задала прямой вопрос:
– Так значит вы – «сын лейтенанта Шмидта»,
Сменивший имя в свете наших дней?

Роман открыто глянул на Наину.

– Ну, знаете ли, после ваших слов..., —
И тут же белозубо улыбнулся.
– Я только и могу ответить – да. —

– Но есть же у тебя какое имя?
Не звонкое, но всё-таки – твоё? —

– Конечно же. Михайло Ломоносов.
Для самых близких – просто Билли Гейтс. —
Хозяйка дома поднялась из кресла,

И вышла в тень, к открытому окну.
И тихо прошептала: «Вечереет».

– Ну, я тогда, пожалуй, что пойду.
Простите, если что сказал не так. —
Он к выходу пошел неспешным шагом.
– Я вижу – вам не очень интересно, —
«Владимирский мужик» сказал в дверях.
– Зовут меня Арсений Петухов.
Но это тоже кто-нибудь придумал.

– Наверно, я должна теперь сказать. —
Наина вдруг торжественные ноты
Почувствовала в голосе своем. —
Как Пушкин. Мол: «Ступайте себе с богом».
Но, дайте посмотреть – который час?
Мне кажется, что время позволяет.
Свою историю для вас я написала.
Но распечатывать? Интимные страницы?
Хотите если – дам вам прочитать
Написанное прямо с монитора. —

– В безумном темпе Тины Канделаки.
Где ваш компьютер? —

Они быстро устремились
По лестнице в рабочий кабинет.

Экран мгновенно вспыхнул заголовком:

«Роман для Абрамовича». Стихи.

– Спасибо за прекрасное название. —

– Но ты же не сказал, что Петухов.
Не хочешь ли вина, пока читаешь? —

– Сухого красного, немного – в самый раз.
Ты трогает своим гостеприимством. —
Арсений рьяно принялся читать.
Но всё же, не взирая на вино,
Лицо его порою было грустным.
Когда он прочитал про горы Альпы,
И сон, что все сомненья убирал,
Наине даровал всегда напиток,
Искусно приготовленный врачом,
Часы сказали – время истекает.

– На сколько же тогда вас раскрутили? —
Не удержался он задать-таки вопрос.

– Отлично, что не надо объяснять.
Меня-то он нагрел – да это бог с ним.
Супруга так сумел он развести,
Что мы сейчас на грани разоренья.
Одно название – психотерапевт. —

– Так помощь моя всё-таки нужна? —

– А вы решили – приступ вдохновенья.
Писать всё, чтобы дать вам оценить. —

Арсений стал весьма сосредоточен.
Такого выражения лица,
Наина прежде у него не наблюдала.

– Ты говоришь – когда придет муж? —
Арсений начал с ходу строить планы.

Наина тут нажала на “Samsung”:
«Любимый? Я немного беспокоюсь».
Потом сказала: «Пусть он съездит сам.
А я приеду взять тебя с заправки».

– Я еду на заправку встретить мужа. —

– Так завтра. Не подбросите меня?
Я сам за руль садиться не хочу.
Увидите, кто у меня напарник. —

– Подброшу. —

И отправились в гараж.
Арсений сразу двинулся к воротам,
Чтоб сразу после выезда подсесть.

И выехал «зелёный носорог»,
В вечерний час смотревшийся, как чёрный.

– Так ваша «Бесконечность» не ушла?

Я думал – нету «бабочки-малютки». —

– У Пушкина всегда такой конец:

«А перед ней разбитое корыто».

“Infinity” с тех самых пор моя.

Хранителем единства с Томми Ганом. —

– В горах, на скалах, настоящий друг

Сумел увековечить вашу память? —

– Конечно. Высоко, где облака. —

Дорога округлилась поворотом.

– «Лэнд Круизер» уже встречает нас, —

Заметил он машину на проселке.

Арсений попросил: «Притормози.

И с вами на сегодня распрощаюсь.

А парень у машины – Леонид,

Мы часто с ним работаем в тандеме.

Подумаю, до завтра будет время.

Конечно, если это не порыв,

И завтра не услышу: «Что за дело?». —

– Послушайте, Арсений, всё всерьёз.

Одной мне не под силу разобраться.

Вы мне поможете? —

– Я завтра подойду. —

* * *

Когда уже и Глеб совсем уснул,
Да и сама почти что сном забылась,
К Наине вдруг пожаловала мысль:
А как же теперь выглядит она?
Сторонним и совсем нейтральным взглядом?
«Наверное – уверенная дама,
Шагнувшая к расцвету красоты.
А может – перезрелая бабёнка,
С потугою – казаться молодой».

И мысли отразились ту же в слове,
Проверенном, написанным другим.

В «Романе Абрамовича», в конце,
Где сказано: «подумала она»,
Она писала, что подсказывала память:

**Теперь исторгну (я не помню) жгучей всех?
У пьяного поэта (точно) – слезы,
У пьяной проститутутки (вряд ли) – смех».**

Как всё же удивил её пришелец!
«Я видела, когда ты пил вино,

Читал мой бред, и, показалось – плакал.
Ведь ты поэт, Арсений Петухов.
Наталья – проститутка, это точно.
Родителям – приедут – расскажу».

* * *

– ... Васильев достигает результаты,
Что люди, вроде здравые в уме,
Себя ему на блюдце преподносят? —

Они в то утро сели на веранде.
Ведь солнце предвещало жаркий день.

– Как сказывала мудрая прабабка, —
– Наина чуть прищурила глаза,
– Важнейшее в делах у афериста,
(Без этого недостижим успех) —
Портфолио высоких репутаций.
А наш психолог этого достиг.
Он как оракул для доверчивых людей,
Готовых слушаться и делать, что он скажет. —

– Но вы же через это пробрались?
Особое чутье? Счастливый случай? —

– Я думаю – счастливое чутье.
С тех пор моё доверчивое сердце,
Вдруг стало индикатором сомнений.
Что нам порой рисуют всё не так.
Артем Семенович меня хотел настроить
На преданных подручных – порошках,
И вырубить сознание таблеткой.

Но я не находилась «под рукой»,
Лечилась, так сказать, амбулаторно,
Решила, что я лучший врач себе.
Мне – следовать каким-то назначениям?
Наелась я таблеток-порошков.
Прочувствовала (как вам объяснить?),
Что с психикой моею вытворяют.
Конечно – перестала принимать.
Но это всё уже потом пришло.
Когда я отдала ему бриллианты. —

Арсений исподлобья наблюдал.
Набычился, как будто знак вопроса.

– Я отдала ему бриллиантовые серьги,
Два чудных бриллиантовых кольца
С камнями – к двадцати каратам каждый.
Конечно, вслед снотворному напитку.
Когда вокруг меня весь мир расцвел.
Артём сказал, что расплатился с Мартой
И денег дал, чтоб все заткнули рты.

А дал кому? Зачем – закрыли рты?
Да мне ли было интересоваться?
«Волшебный, дорогой Артем Семёныч!» —
Так сердце повторяло без конца.
Ещё он мне сказал, что всё вернет,
Как только виллу новую достроит,
Тогда все деньги к нам и потекут. —

– И ты какую-то бумагу написала? —
Спросил Арсений, хоть и знал ответ.

– Я написала – драгоценности дарю,
Как благодарность за бесценные услуги,
И на развитие гостиницы в горах,
Что так необходима многим людям. —

Арсений чуть заметно усмехнулся.
– Когда же ты от зелья отошла? —

Наина глянула, как будто бы с сомнением
Он что же, что же, издевается над ней?
Но он, похоже, было, и не думал.
Так просто, механически спросил.

– А про бесплодие? – он только заикнулся.
Наина не дала договорить.

– Его лечение мерзко и смешно.
Дает девице психостимулятор

И возбудитель эrogenных зон.
Четыре жеребца живут в отеле.
Красавцы обликом, насильники – быки.
Так столько дамочек туда лечиться ездят!
Отсюда и вопрос – причем тут я? —

Пришелец прислонился к балюстраде,
Где обереги, выстроившись в строй,
На солнце ему доступ преграждали.

А рядом выгорал участок Балков,
Отсутствием гостей томился дом.
Арсений не давал смолкать Наине.

– А Ухов как на удочку попался?
Он, что же, ему бизнес отписал? —

– Увы, Арсений, тут дела сложнее.
В один приезд я ездила в Лозанну,
А Глеб решил остаться отдохнуть.
Васильев ему отдых предоставил,
А с ним и разжижение мозгов.
Короче: дорогой Артём Семёныч
Открыл таблеткой Ухову глаза,
Что личный капитал держать в России,
Как будто его вовсе не иметь.
Тем более – на собственных счетах.
Всё гикнется в любой дефолт и кризис.
И тут же предложил ему свой счёт.

«Вот номер счета. Банк – в оффшорной зоне.
Вы переводите туда все ваши средства,
Помимо тех, что пущены в процесс.
Да их и так немало в обороте.
А в банке будут на моем счету.
Конечно же – оформлены особо.
В России – не выплачивать налог.
Когда вам надо – деньги ваши целы.
Хотите, вам расписку напишу?».

И Глеба обуяла благодарность,
Расписки никакой не захотел. —

– Как мастерски умеет он лечить!
Как муж ваш всё теперь воспринимает? —

– Артём Васильев – верный личный врач.
Он держит пациента под контролем.
Я как-то раз лекарства убрала,
Что Глебу наперед Васильев выдал.
Так он чуть не убил, чтобы вернула:
«Ты смерти моей, видно, скорой ждешь».

Доход от оборота всё же есть.
Как видите – пока не голодаем.
Но кто же знает, что нас завтра ждет?
А деньги у Васильева хранятся,
И доступ к ним, ну если и возможен,

Так только с разрешения его. —

Хозяйка ощутила вдруг неловкость:
Какой-то неизвестный Петухов,
Два дня назад – и вовсе неизвестный,
Теперь хранитель всех семейных тайн.
А, что – хранитель, как это проверить?
И что её как будто понесло?
Ангела всех подробностей не знает.

«Как знать – он всех выводит на доверье?
А, может быть, что дура я одна?»
Так мучилась в сомнениях Наина.
И вдруг, как наваждение, опять:
«Она задумалась», пришло на ум: «и долу
Поникла она гордой головой».
«Замучил ты меня, несчастный Пушкин!»,
В сердцах уже подумала она.

И сразу поняла, что не случайно
Писала для коллектора роман.
Что дурочку играть перед собой
Давно уже вошло у ней в привычку.
Она же сознавала, что свой взгляд
На видимые прелести её,
Он сразу положил у барной стойки.

Не нужно, чтобы КТО-ТО помогал.
А нужно, чтобы ей помог Арсений.

Не рослый, очень складный, худощавый.
Не видный, но безумно интересный.
Недавно – посторонний человек.

– Мы выстроим цепочку из событий, —
Арсений уже вынул карандаш.
Наина подала листок бумаги.

– Итак, как было сказано, начнем.
У вас проблема – едете к врачу.
Так и запишем: К. М. Н. Щеглова.
Она тогда звонит специалисту,
А он вас приглашает в «Институт»,
Где у него есть кабинет для консультаций.

Ведь вы, наверно, можете узнать,
Когда Васильев будет здесь в столице? —

– Он будет через три-четыре дня. —

– И сколько у него с собой охраны? —

Вопрос был совершенно не к Наине.
Она не думала об этом никогда.
Васильев, на приёме в кабинете,
Конечно же, он был всегда один.
А были ли задействованы лица,
Чтоб лично охранять его покой?
Она подумала, что, несомненно, да.

Но требовалась правда: – Я не знаю. —

Арсений не смотрел, а крепко думал,
И мысль упрямо бегала в глазах.

«Как будто бы украденных с иконы.

И, диво, эти серые зрачки».

– Ты можешь позвонить, когда придет?

И сразу же просить тебя принять? —

Наина позвонила: – «О таблетках.

И Глеб хотел заехать на прием.

А можно мне к вам сразу послезавтра?» —

– Он будет послезавтра, как ты слышал,

И целую неделю проживет. —

– Условились, что ты к нему подъедешь? —

– Он даст мне знать, как только прилетит. —

Они чертили планы кабинетов,

Она все объясняла, где и как,

Стараясь не глядеть в его глаза.

Не думая о том, как обуздает

Такую мощь горячих нежных рук.

– А как же вы спасаетесь от зноя?

На улице безумствует жара. —

Арсений снова был у оберегов.

Наина молвила, не глядя на него:

– Обычно мы купаемся в бассейне. —

Веранду охватила тишина.

И только лишь минуту напрягала.

– Не слышал я, когда приедет муж? —

– Роман Аркадьевич, – раздался стон Наины.

– Наина, о, Наина, боже мой.

Они барахтались в бассейне, у бассейна,

Потом он её в спальню перенес.

И жилистое тело упивалось

Античным совершенством красоты.

Арсений был рожден дарить блаженство,

А более достойного объекта,

Чем дивная красавица Наина,

Ему не довелось ещё встречать.

– Скажи мне, отчего не закричала?

Я слышал, голос рвался из груди. —

– Чтоб в крик не улетело наслаждение,

Что полностью хочу вернуть тебе. —

У кабинета К. М. Н. Щегловой
Две женщины остались ждать прием:
Замотанная дама средних лет,
И девушка, похоже – лет семнадцать.
Та дамочка была настороже,
Себя подстегивала, и держала спину.
А девушка сидела, будто зябла,
От шеи, с подбородком у груди,
Покатых плеч, сутулых, как в ознобе.
Притом, что было лето на дворе.

– Вы к докторше идете в первый раз? —
Пыталась женщина у девушки дознаться.
– Должна – хорошая, ведь кандидат наук. —
И смерила девицу долгим взором.
Но та ей возвратила ноль вниманья,
Лишь ногу, как гимнастка, задрала,
Чтоб накрест перекинуть на другую.
Каблук торчал на четверть коридора,
Но в это время мало кто ходил.

Из кабинета появилась медсестра,
И дамочку с собою пригласила.
Девица оставалась ждать одна,

И стала говорить по телефону.

– Успела. Дополнительный талон, —
Звучало обострённо, как стаккато.

– Конечно же, Арсений, поняла.
Да, что же это? Что я – идиотка?
Ну, я же обещала – позвоню. —

Та женщина уже прошла врача.
Девушке рассказала, как подружке.
– Хорошая. Велела приходить. —
Но тут девушку эту пригласили.

– Я записалась и пришла к вам на приём,
Поскольку вы совсем нейтральный доктор.
Ну, в смысле, человек со стороны. —

Щеглова посмотрела удивленно.

– Я наблюдаю много лет в хорошем центре,
Где все врачи – знакомые отца.
А мне же ни к чему, чтоб предки знали. —

– Я – медик, и хранитель важных тайн.
Но вы не с криминалом, я надеюсь. —

– Как раз, что надо, – успокоилась девушка.
Но врач устала разговаривать с людьми —
Последний пациент, конец работы.

– Давайте, я сейчас вас осмотрую. —
Она взяла стерильные перчатки.
– Послушайте, зачем я к вам пришла, —
Сказала доверительно девица.
– Меня недавно гинеколог осмотрел,
И все анализы. Сказал, что всё в порядке.
А я имею специфический вопрос.
И не уверена, что ваш ли это профиль? —

Щеглова села в кресло: «Расскажите».

А суть проблемы названной девицы,
С её рассказа, заключалась в том,
Что всё-то она в жизни испытала.
И так она, видать, переборщила,
Что всю коробит даже слово «секс».
И вот теперь – ей замуж выходить,
А у неё, при мысли спать с супругом,
Буквально начинается столбняк.

– И я как будто вся деревенею.
Мне предки подыскали жениха.
Уже пытался как-то домогаться.
Богатый, и родители хотят.
Что делать, если это невозможно?
Возможно меня как-то подлечить? —

Для исключения причинных аномалий,
Щеглова всё же сделала осмотр.

– Единственно, что я могу сказать,
Похоже, это действует гипофиз.
Возможно, был фатальный эпизод
В метаморфозах вашего сознания.
А визуально – нет гиперемии,
И патологии какой-либо там нет.
Вам нужен только психотерапевт.
Поскольку – «фобия», а это значит нервы. —

– Куда вы посоветуете мне? —
Вопрос звучал измученно и грустно.
– У нас такие тоже есть врачи.
Но я сейчас попробую связаться.
Поверьте мне, великий психиатр.
Но там уже совсем другие деньги. —

* * *

– Его Артем Семенович зовут. —
Арсений слушал взбалмошный доклад
Всё выяснившей засланной Натальи.
– Она всё рассказала про меня,
Дала мне телефон, чтоб я звонила.
Сказала, он готов меня принять. —
– Ну, умница. Да, кто бы сомневался.
В такси – и на Кутузовский проспект.

А там уж Леонид тебя подхватит. —

* * *

А в «Институте», что на улице Гастелло,
Арсений и коллега Леонид,
Сумели побывать в течение дня,
И выяснили планы дислокаций.
Там было всё весьма обыкновенно.
Васильев себе выделил отсек
Закрытый белоснежными дверями,
Воротами из толстого металла:
Больной доверит тайну эскулапу,
И должен видеть, как её хранят.

Разведка оказалась не напрасной.
За простеньким решением фасада,
Внутри скрывалось столько переходов,
Что только Леонид, как следопыт,
Учуял продолженье этажа
Ещё и за приемной психиатра.

С торца у здания был захиревший сквер,
На нем была специальная дорожка,
Чтоб вывести к невзрачному крыльцу:
Снаружи так смотрелся чёрный ход.

Здесь тоже кто-то офисы снимал,
На этаже Васильева, конкретно.
А он тут сделал выход из приемной,
По коридору, и на волю через сквер.
Минуя вестибюли «Института».

На главном входе сделали охрану,
Но служащий торчал там для проформы,
Не вел учёт, не спрашивал – к кому.
А остальные, кто работал в «Институте» —
Врачи и медицинский персонал.

Коллектор Леонид спросил «сестричку»
Про выбранный Васильевым отсек:
«А, что за этой дверью, может – морг?».
И вызвал хохот: «Скажете, вообще.
Тут изредка профессор принимает».
И было ясно, все расспросы ни к чему.
И толком ничего никто не знает.

* * *

Наина заезжала в турагентство,
Но к трем часам закончила дела.

– Давай, Арсений, где-то перекусим,
А после куда хочешь – отвезу. —

Им было всё равно, куда пойти.
Они устроились в таком приличном месте,
Где не было так страшно что-то съесть.
Коллектор ждал указов от клиентки.

– А как, скажи, ты хочешь разобраться?
Чтоб доктор этот камешки вернул? —

– Мне все равно, хоть камни, или деньги.
Цена им – миллиона, где-то, два. —

– А твой отремонтированный Глеб? —

– А стоит ли решать его проблемы?
Тем более никто и не просил.
И он ещё не знает про меня. —

– Про нас с тобой, иль что-нибудь другое? —

– А кто что может знать про нас с тобой?
Ну, если ты с друзьями обсуждаешь.

Да ладно, успокойся, я шучу.
Про Ухова, я всё давно решила —
Устала быть я мужниной женой,
Желаю быть свободною девицей.

И пусть Васильев деньги мне отдаст. —

– Заказ получен, дело началось.

Нужны лишь деньги на текущие расходы.

И срочно три билета на Париж. —

– А ты меня, смотрю, не посвящаешь? —

– Да как же я могу не посвятить?

В рабочем плане «дела терапевта»

Тебе отведена большая роль.

Твоя задача отыграть пролог.

Любезно встретиться, с улыбкою зайти.

А главное – поставить ультиматум. —

– Как должен ультиматум прозвучать?

– Ты хочешь драгоценности обратно,

А можно и деньгами, в банк, на счет.

Но главное, чтобы твои слова

Его в какой-то мере напугали. —

Арсений говорил вполне обычно,

В конце же речи – грозно зашептал.

До этого смотрел по сторонам,

А тут – с Наиной встретился глазами.

И не давал ей оторваться от себя,

Магнитил её взглядом василиска.

Потом же еле слышно прошептал:

– Вы с Колей гимн любви своей пропели,
Ты “hymen” Томми Гану отдала,
И были вы тогда единым целым.
Теперь тебе осталась бесконечность.
Найдется ли в ней место для меня?

– А я боялась – ты уже не спросишь.
И, как же я тогда бы стала жить? —

Они замолкли и смотрели друг на друга.

Но «дело» не ушло с повестки дня.
И очень было важно разобраться.

Арсений рассказал из обстоятельств:

– Я всё, что было нужно, разузнал.
Итак – Артём Семёнович Васильев.
Живет в Швейцарии, в России – частый гость.
По паспорту он подданный Литвы.
От женушки, с которой он в разводе,
Есть дочка, восемнадцать лет сейчас.
И в девочке Артём души не чаёт.
Наверно – здесь удобней зацепить. —

– Тебе видней. Никто не пострадает? —

– Ну, только сам Васильев, если вдруг.
И то – психологическая травма.

Но ты всерьёз решила сделать шаг? —

– Я не хочу, чтоб кто-нибудь считал,
Что мною хоть бы в чём-то управляет.
А Глеб? Я побывала знатной дамой.
И, верно, умерла бы от тоски,
Когда бы ни Анжела с турагентством. —

Наина говорила всё серьёзно.
Но выглядело все, как скверный театр,
С надуманно глубоким разговором,
Как проводом смеяться над собой.

– Артема дочь во Франции живет, —
Продолжил растолковывать коллектор.
– Писательницы, мне знакомой, тёзка —
Папаша Катериною назвал. —
И в этот миг не мог не улыбнуться.
Ведь автор всех романов Ка. Рупской,
Пяти томов собранье сочинений,
Влюблено так смотрела на него.

– В Париже получается – Катрин,
Чтоб не было проблем с произношеньем.
Она студентка, а сейчас конец каникул,
Наверное – приехала домой. —

– Кому там мне заказывать билеты?
Хотя бы нужен ксерокс с паспортов. —

– Тебе отдать, или кому в агентстве? —

– В агентство, а я там предупрежу. —

За разговором они всё-таки поели,
Всё вкусно, и, не важно было, что.
Несли уже мороженое, кофе.

– А ты испанский знаешь, как я понял? —

Арсений неожиданно спросил.

– В Сан-Паулу (ты думаешь, что шутка?)

И вправду есть Натальина родня. —

– Сан-Паулу.... Копакабана в Рио....

Там все по-португальски говорят.

А вы что, собираетесь к родне?

И нужен вам хороший переводчик?

Но я, увы, не знаю португальский. —

– Какая разница – испанский, португальский.

В Бразилии ты сможешь говорить? —

– Я и в Китае ни за что не потеряюсь.

Причем же тут Натальина родня? —

Арсений почесал свою небритость,

Задумчиво на спутницу взглянул.

Потом он перешел к повествованию:

– Ты помнишь, как Наталья говорила,
Что дед её в Сан-Пауло живет?
Конечно – жил, и это, точно, правда.
А где-то, сотню тому назад,
Он был градоначальник в Петербурге.
Когда наворотили жутких дел,
И белые отстреливали красных.
В истории, простите, не силен.

И Саша Балк в те годы смутных лет,
Был в должности и при деньгах немалых.
Но..., все засуетились убежать.
И он, как все, пошлялся по Европам,
И в Рио-де-Жанейро прикатил.
В Сан-Пауло, прости, на самом деле.
Наталья всех подробностей не знает,
А я тем более, с её туманных слов.
Но предки её письма получали. —

– Так дедушка уже должно быть умер?

– Конечно. Но как стал он умирать,
Так вспомнил наши русские березки,
И как мальчонкой с гувернером он гулял.
Тогда в России стал искать своих потомков.
Конечно, он не дед, а деда дед,
Считай, по отношению к Наталье.
Так этот вот бразильский Александр
Прислал письмо Натальиному деду.

Что он оставит русской ветви рода Балков
Часть ценностей, что он тогда забрал.
А это, может, бешеные деньги,
Тем более – такая старина. —

– А там живут сплошные идиоты
И только ждут, когда приедешь ты,
Чтоб ценности забрать и прикарманить.
Ты думаешь своею головой? —
Арсений был в волнении: – Послушай.
В окрестностях Сан-Паулу есть дом.
Наталья – обладатель фотографий.
Старинный, каменный, прилично сохранился.
И Александр этот исхитрился
С оказией доверенных людей,
Ведь как-никак был белым генералом,
Прислать письмо, и с ним конкретный план,
Где спрячет драгоценности он в доме.

И у Наталии, три месяца назад,
В Бразилию по деловым вопросам
Летал один знакомый человек.
Когда узнала, что в Сан-Паулу поедет,
Дала координаты, чтоб взглянул,
Стоит ли этот дом и если да,
То кто там в наше время обитает.

Дом сохранился, а живут два старика.
Верней, старик с старухой, из русских.

И, видимо, какие средства есть —
Прислугу держат, негры для охраны.
Наталья написала им письмо.
Они откликнулись, что знают, что в России
Есть близкая, но дальняя родня.
Мы с ней в то время были незнакомы.

Она к родителям, чтобы купили тур.
Да, разве мать ей в чем-нибудь откажет?
Она-то думала – Наталья просто так,
По свету захотела покататься.
Наталия поехала одна,
И по-английски только “yes” и “no”,
Что скажешь тут о прочих языках.
Решительности ей не занимать.
Везде сейчас немало всяких русских.
Но Балк ведь с группой, и у них есть переводчик.

В Сан-Паулу к ним прикрепили Мишу,
Потомка тех, кто с первою волной.
Наталья, она очень ведь простая,
С ним быстренько наладила контакт.
И тут же – время нечего терять,
Они в дом к этим старцам потащились.
Их известили, чтобы не было сюрпризом,
Что внучка к ним приедет из Москвы.

Дом был на месте и квартал вполне приличный.
«Да что же ты мне сразу не сказала,

Что старым Балкам дальняя родня? —
Обрадовался Миша, как услышал.
– У нас их очень даже уважают.
Ваш предок был известный человек».
Про нынешних сказал, что «доживают».
Есть дети, но уехали в Нью-Йорк.
А старцы – те почти что не выходят».

Негр бдительно рассматривал сквозь дверь,
Стекланную, с железной решёткой.
Домище оказался – будь здоров,
Пустить – пустили, но едва ли были рады.
И дом, хотя ещё не «доживал»,
Читалось, что уже немало прожил.
Но не было налета запустенья,
Ни дряхлости, а только – старина.

Портрет градоначальника – дедули,
Висел на видном месте в кабинете,
Где тот работал до последних дней.
А умер он уже за девяносто.
По дому ей позволили пройти.
Да всё же, как-никак, обитель предка.
Но первым делом посмотрели письма,
Что предок их когда-то присылал.
И выяснили, что не аферистка.

Экскурсию провел привратник – негр,
По дому вел, безмолвствовал – смотрите.

В письме дед написал, что где-то в спальне,
В стене – он сделал форменный тайник.
Наводка же – лепнина на стене,
Амур с колчаном и стрела на луке.

«Ведь я, похоже, вскорости умру.
А здешним внукам многое оставляю.
А это – девочке, кровинушке моей,
Которая на Родине осталась.
Пусть вспомнит хоть когда, как я теперь,
Всё время своих предков вспоминаю».

Наталья спросила про лепнину.
Негр спальню эту тоже показал,
Как дедушка скончался, так закрыли.
«Ты знаешь – говорила мне Наталья, —
Мы уходили, и амур мне подмигнул».
И Миша уловил это движение:
«Смотрите, как обрадовался вам».

Прошлись по дому, и Наталья распрощалась —
Никто ей ничего не предлагал.
– Вы нам оставьте номер телефона.
Избави Бог, что будем вам звонить, —
Старушка даже вроде усмехнулась.
– Для деток наших, вдруг они в Россию,
Пускай они тогда вам позвонят.

Так вот зачем спросил я про испанский. —

– Ну, что же.... Я, Арсений, поняла, —
Наина как бы вдруг засобиралась.
– Сегодня не могу, а завтра еду.
Без разницы, что нужен португальский,
Ведь в доме том по-русски говорят.
Давай, пишу – окрестности, потомки.
Колчан со стрелами, и молчаливый негр. —
– Какая ты весёлая бываешь,
Когда не о твоих делах. Молчу, —
Теперь заговорил уже серьезно.
– Ты завтра, – и чуть сам не улыбнулся.
– Ты едешь. Приезжаешь на Гастелло.
К Васильеву проходишь в кабинет.
И двери за собой не закрывай.
Посмотрим, кто обязанность имеет,
Подобные ошибки исправлять.

Там будет Леонид, и я конечно.
Ты нас не знаешь, кто бы ни ходил,
Артёму – мы решили, что сказать.
Но только без угроз, а ультиматум.
И срок ему назначь в четыре дня.
А если вдруг он станет возникать,
Закончить можешь всё на громкой ноте. —

Почти что сразу, как запарковалась,
Наина нехотя достала телефон,
Который не хотел умолкнуть в сумке.
Но это был желательный звонок —
Соскучилась прекрасная креолка.

– Ты, как сейчас, не очень занята? —
Анжела источала деликатность.

– Не буду говорить, что еду мимо,
Но с радостью заехала б к тебе. —

– Я дома, так какие тут вопросы, —
Анжела не мешала никогда.

– Послушай, Анжи, этот Абрамович
Сегодня мне такое рассказал.

Они уже сидели на веранде,
Расслабились и смаковали чай.

Ну, прям-таки «Рассказ от Петухова».
Как думали простушку отыскать.
И, чтоб она им голыми руками,
Из чертовой Бразильской кутерьмы

Выгаскивала золото и камни,
Которые белогвардейский дед
Сто лет назад из Петербурга вывез. —

И всю историю Анжеле рассказала.
С подробностями – негр недружелюбный,
Чуть дышащие дедушка и бабка.
Амур, колчан и стрелы на стене.

– А что Наина, что нам не слетать?
Заехать также в Рио-де-Жанейро.
А там уже рукой подать до Кубы,
Где я в Гаване девочкой росла. —
Анжеле очень нравилась идея.

– Ну, может быть, и съездим, только позже, —
Наине думать не хотелось о «потом»,
Когда её дела теперь решались.
– Узнаю, где в Сан-Паулу тот дом.
Так ты сказала – братья приезжают? —

– На той неделе. Только лишь Луис.
Посмотрит и расскажет остальным,
Как их сестра-москвичка поживает.
Мы встретимся, когда он будет здесь,
Похвастаюсь, кто у меня в подругах. —

Приезд Васильева дал старт началу действий.
Наина выехала следом за звонком
И информацией, что правильный Артём,
Как думал – он приедет прямо в офис.
В Сокольники не очень близкий путь.
Приедут, где-то так, одновременно.

Она не делала стремительных рывков,
Поскольку не должна приехать первой.
И вычислила верно – «Мазда б»,
Лошадка из Васильевских конюшен,
Уже прибилась на парковочный причал.

Васильев показался ей нервным,
Взволнованным, что уж наверняка.
Он двинулся навстречу ей к дверям.
Наина максимум любезности в улыбке
Без напряжения сумела заложить.
Он даже подхватил её под локоть,
Провел её до кресла у стола.

Она не видела, как молодой верзила,
Чьи мышцы выступали сквозь халат,
Наглаженный, крахмальный, медицинский,

Бесшумно притворил за ними дверь.

– Наина Львовна, до чего я рад вас видеть, —
Артём ей очень искренне сказал. —

– Похоже – в медицине новый шаг.

И вы – источник важного открытия. —

Наина думала: «не думать ни о чём,

И вовсе ни на что не отвлекаться.

Сказать ему быстрее, и уйти».

Васильев же продолжил свой рассказ:

– ... пришли к невероятному эффекту.

Мы сможем консервировать людей

В особом состоянии эмоций.

А если пациент не хочет жить,

То мы даем повышенную дозу.

И жизнь его стремительно течет,

Вмещая все возможные желанья.

Он чувствует, что наступил предел.

И кончит жизнь на апогее счастья! —

Наина его пламенные речи,

Сумела пропустить мимо ушей:

– Мне нужно, дорогой Артём Семёныч,

Вернуть мои те самые бриллианты.

Вы помните, я их тогда дала

На время? Вы достраивали корпус?

Для клиники, и не хватало денег.

Я вам тогда давала заложить. —

– Помилуйте, Наина, бриллианты?
Я, правда, сохраняю документ,
Где вы своей рукою написали,
Что пусть пойдут на добрые дела. —

– Я отдавала на анализ порошки,
Которыми меня вы накормили.
Там тизерцин, аминазин, и, вообще.
Не то, что обезволить пациента,
А кошку сделать добрую из тигра,
И с миром на подушку положить.
Мне сделал экспертизу лаборант,
А после я пошла к криминалистам.
У них возник особый интерес,
Но я пока не раскрывала карты,
Чьих рук такая дьявольская смесь. —

– А я-то – про Склодовскую-Кюри,
Вам начал рассыпаться об открытии,
К которому пришел посредством вас.
Нет, с вами. Это слово в медицине. —

– Бриллианты. Или деньги. За два дня. —

– Наина Львовна, вы и Глеб Михалыч... —

– Который совершенно ни при чём. —
Васильев был немало ошарашен.

– Я говорю, – продолжила «царица», —
Что Глеб Михалыч вовсе ни при чём.

Свои дела я с ним не обсуждала,
И даже, что сегодня к вам иду.
Верните бриллианты или деньги.
Иначе я отправлюсь сразу в суд. —

И всё же он надежды не терял,
А может быть его держало что.

– Пусть – случай, только случай – через вас.
Я даже и название придумал.
Послушайте, звучит как – АРТНАИН.
Два имени, Артема и Наины. —

– Зовите, что угодно – как хотите.
Возьмите сочетание фамилий.
Я – Ухова, а вы у нас – Васильев.
«Васьуха», хоть смешно, но хорошо. —

Артём Семёнович утратил всякий пыл.
И тут же проявился в нём хозяин —
Приемной, пациентов, многих лиц.
А главное – их очень жалких жизнью,
Как, мысленно, он сам всегда считал.

– Так вы сказали – так необходимо? —

– Да если б и не надо, то пришла. —

– Что Глеб Михайлович намерен предпринять? —

– А что он может предпринять в моих делах?

Насчёт его дел – извините, я не знаю. —

– И что у нас, в конце концов, выходит? —

– Я с Уховым, выходит, развожусь. —

Васильев наконец уразумел.

– Конечно, постараюсь, что смогу.

Такие деньги? За такие сроки? —

– Бриллианты. Деньги – так, на крайний случай.

—

И стала слушать, как он будет врать.

– Бриллиантов я уже и не припомню.

Всё продано, а деньги разошлись.

Но, уж для вас – придумаю, конечно.

Хоть сумма и безмерно велика. —

Наина поднялась, пошла на выход.

В нем, все-таки, проснулся кавалер.

Он двинулся и отворил её двери.

В проёме, вдруг, Наина замерла.

– Два миллиона долларов. На счет, —
Она вскричала голосом актрисы,
Возникшей вдруг на заднике дверей.

– Артем Семёнович (звучало очень грозно),
Я жду от вас к исходу четверга. —

И долго ещё люди не решались
Задвигаться, когда она ушла.

* * *

В Париж летели славные ребята,
Прошедшие и воду, и огонь.
По их заслугам было бы и надо,
Чтоб встретили их гимны медных труб.
Андрей был закален, чтоб делать дело,
И всё, что делал – делал на ура:
За ним стояла выучка спецназа.
Бежал особых инициатив,
Был крепкой силовой опорой тройки.

Борис по виду был рубаха-парень,
Входил в доверие с огромной простотой,
Мгновенно вызывал на откровенность,
И было уже множество различных

По возрасту, по статусу, богатству,
По умственному уровню людей,
Которые в нём друга находили,
В момент, когда он этого хотел.

Оксана же смотрелась тихой мышкой:
Так ловко, так беззвучно, бестелесно,
Проскальзывала сквозь толпу людей,
Сквозь кучку, мимо пар и одиночек,
Когда ей надо было по делам.
И тихо, без акцента говорила
На многих иностранных языках.

А главное – та сила убеждения,
Которая в ней дивно проявлялась.
Когда достичь чего-то надо словом —
Ей тут же доверяли эту роль.

Арсений взял лицензию на бизнес,
Не жалуя ту скользкую дорожку,
Где действует открытый криминал.
Он узаконил справедливое агентство
С набором предлагаемых услуг.

Всегда брались за частные долги,
Которые взыскать бывало трудно.
Сказали же – «романтика труда»,
Вот ей и были движимы ребята
В коллекторском бюро у Петухова,

Где, выгатавив долги у частных лиц,
И сами далеко не бедно жили.

* * *

Катрин Васильева училась в Высшей школе
«Немыслимо» химических наук.
Ей папа говорил, что после Школы,
Диплом дает мгновенно ей престиж,
И даже, где-то, вес в научном мире.

Она не отличалась красотой,
Но, кто бы мог назвать её дурнушкой?
В науку потянул пытливый ум,
Не зря Артём Семёныч так гордился.

Занятия ещё не начались.
Катрин была недолго утром в школе.
Все выяснила, и зашла в кафе,
Присела к столику в густой тени каштана:
Луч солнца ещё в августе горяч.

Ей захотелось то всего – немного кофе,
Пожалуй, ещё теплый круассан.
А главное – от месяца в Литве,
Где с матерью они плескались в море,

Вновь свыкнуться ей с воздухом Парижа,
Чтоб этот опьяняющий эффект,
В дальнейшем стимулировал в учёбе.
Катрин давно нашла приоритет
В упорстве и стремленье к дисциплине.

Она заметила, что робкая девица,
Одетая неброско, но со вкусом,
Как видно – с артистическим чутьем,
Вошла, и не находит себе места,
В растерянности думает уйти:
Все столики в кафе позанимали.
И, всё-таки, решилась, подошла.

– Не очень против, если я присяду? —
Катрин, уже три года жившей здесь,
Речь девушки поведала о ней,
Что девушка совсем не парижанка.
А, может быть, жила в монастыре —
Так книжно говорила по-французски.

Катрина предложила той присесть,
И мигом они что-то обсудили —
Погоду, многолюдность, их кафе.
Девица попросила извинить,
Что так внезапно к столику приткнулась.

– Мы столько за сегодня исходили,
Что, только бы под душ, и отдохнуть.

Не скажете, где тут отель поближе? —

– Отелей здесь не меньше, чем кафе.

В любой зайдите дом – не ошибётесь.

А кто вы, и, простите, сколько вас? —

– Нас двое. Только я и мой попугайчик.

Вы знаете – мы хорошие друзья.

Они ведут аккордную работу.

Сдают проект, и сразу много денег.

И он меня берет туда-сюда. —

– Меня зовут Катрин. А вы, простите? —

– Оксана. Я – славянка, как мой друг. —

– Но, ваш язык? Ведь вы не парижанка. —

– Все правда, я во Франции жила.

Два года, когда маленькая, в детстве.

А это остается навсегда.

Давайте я вас с другом познакомлю. —

Борис так обаянье излучал,

Что все, казалось, только что и ждали,

К кому рубаха-парень подойдет.

Катрин всё стало очень любопытно.

– Так, значит, вы в Словении живете? —

– Да нет, Катрин. Мы оба из Москвы. —

– Пускай твой друг приходит к нам за столик, —

Катрин затараторила по-русски
С акцентом, что оставила Литва.

– Ведь папа у меня – он россиянин.
Два года не была уже в Москве. —

Борис сумел обрадоваться Кате,
Как будто отыскал свою сестру,
С которой в раннем детстве разлучили.

– Вы знаете, и – никакой отель, —
Катрин имела время и возможность,
А тут ещё и радость в ней нашлась.
– У нас с подругой есть апартаменты,
Четыре комнаты снимаем на двоих.
Большая кухня, ванные – отдельно,
В том смысле, что у каждой есть своя. —

Решила, что неправильно сказала.
– У нас в апартаментах ваннх – две. —
Последние слова сказала гордо:
По-русски всё сумела объяснить.
– Николь приедет лишь в субботу утром,
Пьем кофе и отправимся ко мне. —

Пошли, верней поехали к Катрин.

Усталая Оксана упросила,
Не глядя на прекрасный летний день,
Доехать на такси, когда узнала,
Что пешим ходом будет полчаса.

Катрин Васильева нашла себе друзей,
Они нашли «зацепку для папаши».

* * *

Наталье Балк, представьте, в самом деле,
Всего-то было восемнадцать лет.
Рожденье в феврале, так значит – больше.
Наина была, в общем, не права,
Когда её бессовестной ругала.

Она с любовником решалась на контакт,
Когда действительно – овладевало чувство.
И уж тогда – хоть в омут с головой.
И можно из неё было лепить,
Ну – образно сказать, «Лаокоона».
Одна она могла бы воплотить —
Отца, его детей, двух жутких змеев,
Что душат в белом мраморе жреца
И мальчиков – скульптура в Ватикане.

Ей требовалась встреча с режиссером,
Который бы развил её талант.
Пока что, Петухов – на благо дела —
Наталью поработать попросил.
Отказа не было – она его любила.

– Ну, что тут обговаривать – звони. —
Арсений так Наталью зарядил,
Что это будет плёвая задача.

– Артём Семенович? Мне госпожа Щеглова
Сказала, что могу вам позвонить.
Она вам говорила. Я – Наталья. —

– Да-да. Один вопрос – как это срочно?

– Конечно. А иначе бы – зачем?

– Ну, ладно. Подъезжайте. Я приму. —
Он посоветовал, как проще добираться.
Сказал, что он буквально вырвал время,
Не более пятнадцати минут.
Узнает в чем вопрос на первой встрече,
И день назначит, чтобы ей помочь.

Во вторник эта встреча состоялась.
Артемом Семеновичем вниманья полон был,
Вопросами её не прерывал.
Проблема, он сказал, не безызвестна.

И адаптировать невесту к жениху
(«Зачем вам замуж?») он сказал, берется.
И сумму очень круглую назвал
«Так стоит, если вы конечно в силе».

– Что за вопросы? Свадьба на носу.
Пожалуйста, скорее начинайте. —

– В четверг вы сможете? К двенадцати часам? —
Наталья удивилась – что так поздно?
И рассмеялась, как узнала что к чему.
– Да так бы и сказали просто – в полдень.
Какое счастье, что недолго ждать. —

– Надеюсь, что один сеанс поможет.
А я, простите, должен уезжать.
Что нужно – вам расскажет секретарь. —

Секретарем же оказался дюжий малый,
Халат распахивал его могучий торс.
– У нас оплата – здесь, перед сеансом.
И я в четверг, в двенадцать, здесь вас жду. —

* * *

По Шереметьеву, вдоль стоек для прилёта

Ходила одинокая «Кармен».
Анжела все по дням распределила:
Луису надо столько показать.
Настолько погружённая в себя,
Анжела ничего не замечала.

Как старый господин почти упал,
Идя вперед, а взгляд на ней оставив.
Как группа из арабов замерла,
Не в силах скинуть сети магнетизма.
И то, что на неё смотрел весь зал,
Пока она по центру гарцевала.

– Рейс двадцать сорок восемь, из Гаваны. —
Анжела поспешила встретить рейс.

Луис был самый истинный кубинец:
«О, Мама тiа, будто бы Нью-Йорк.
Но только нет и там таких красавиц»,
И он сестру, шутя, поцеловал.

Он не был на неё похож лицом,
Он не был на неё похож фигурой.
Но он был гармоничен, как она,
Забывшая московскую шлифовку.
И, будто вытанцовывая самбу,
Они передвигались меж людьми.

Луис всё время вскрикивал: «Спасибо».

Одно лишь слово он по-русски знал.
Своим «спасибо» парень выражал
Весь мир своих прекрасных ощущений.

Луис был рад, что здесь “Hot Doggy” есть,
И «Очень хорошо» в язык добавил.
Гуляя по Москве, в осенний день,
Луис всё напевал: «Нью-Йорк, Нью-Йорк»,
И братски целовал Анжелу в щечку.

Дениса он приветствовал: «Спасибо»,
И дальше спел опять: «Нью-Йорк, Нью-Йорк».
С Наиной повстречались в ресторане,
И ей «Спасибо» он не говорил.
Она умела разговаривать с людьми,
С Луисом – очень бойко по-испански.
И время моментально пронеслось,
Когда у молодости было настроенье.
Наина тут припомнила Анжеле:
«Напрасно ты твердишь – Американо».
Вот тут Луис и спел «Нью-Йорк, Нью-Йорк»,
Уж больно по душе пришлась Наина.

– Adios, amigo. Встретимся в Гаване.
Луис чуть хмыкнул и сказал – “Adios”.

Со встречи и в последующие дни
Катрин всё время с русскими крутилась.
Они намеревались уезжать,
Ей надо было браться за учебу.
Но, видимо, вот так приходит дружба,
И селится в открытые сердца.
Им вовсе не хотелось разлучаться.

– Оксана, расскажи мне, что такое
Загадочная русская душа? —

– Вот ты, Катрин, о чём теперь мечтаешь? —

– Ну, как бы это? В общем – ни о чём.
Ведь я нашла себе задачу в жизни
И я, вам говорила – к ней стремлюсь. —
– А я задачи в жизни все отбросил, —
С беспечностью рассказывал Борис:
– Я, может, одиночества хочу.
Срублю бабла, и на Тибет уеду.
Как это понимаешь ты, Катрин? —

– Не знаю, как понять – срублю бабла?
И что ты будешь делать на Тибете? —

– Он будет слушать, я – переводить,
Что скажут нам тибетские монахи, —
Оксанин голос нес глухую грусть.
– Но я смогу туда совсем не скоро,
Я буду Европейскою душою. —

С утра был дождь, и воздух задышал,
Во всем была особенная свежесть.
Париж знавал немало русских душ,
Но, как никто – умел хранить секреты.

Оксана обратилась к Катерине
С оправданным вопросом про семью.

– У папы с мамой нету отношений.
Отец – ученый, одержимый человек.
Он днями пропадает на работе.
А как же все его благодарят!
Я год назад приехала в Лозанну.
Там дама видела, что я с отцом хожу.
И подошла, как только папа вышел.
«Ваш папа – необычный человек, —
Она мне с убежденностью сказала.
– Волшебный, дорогой Артём Семёныч».

Но я давно во Франции живу.
Сначала – с тетей. Были гувернантки.
Я выучусь, и буду фармаколог,

И буду я работать у отца. —

– Вот так. Не сотвори себе кумира. —

Задумчиво промолвил тут Борис.

– Ты так отца сегодня превозносишь,

А если вдруг узнаешь что о нём? —

Тут Катя посмотрела, удивлённо.

Потом совсем спокойно начала:

– Плохого ничего о нем не скажут.

А сплетни – это вовсе ерунда.

Он – мой ориентир по этой жизни.

Он знает, как люблю я и горжусь.

И, верю, он не сделает такого,

Что может уронить в моих глазах. —

Катрин взялась готовиться к занятиям,

Борис с Оксаной вышли погулять.

– Ты знаешь, жалко бедную девчонку. —

Оксана захотела уточнить:

– Когда же наш Андрей к нам подъезжает? —

– Ты видишь, что не нужен здесь Андрей.

С Катрин у нас проблем и так не будет.

Давай, я Петухову позвоню.

Я что-то не хочу с ней разбираться.

Арсению скажу – она не в теме.

Не знает, что папаша аферист.

И тактику не сложно разработать —
Мы рядом и откроем ей глаза.
И так, и этак – некуда деваться.
Надеюсь, до Васильева дойдет,
Платить, и свое имя не позорить. —

* * *

В Москве Васильев жил всегда в отеле.
Гостиницу, в которой он селился,
Оформили в решительном “Hi tech”,
Пожалуй, что на грани аскетизма.
Васильев приезжал в который раз,
Обслуга уже знала все привычки.
Он, впрочем, был совсем неприхотлив.
Помощников селили в номер рядом.

Как деятель, бесспорно, волевой,
Он полностью держал себя в руках.
Какое либо проявление нервов
На публике никто не наблюдал.
Но то, что это стоило усилий,
Он только лишь один, пожалуй, знал.
Себе он помогал, как психиатр,
И даже применял аутотренинг.
Таблеток никогда не принимал,

А все-таки, для сна – отвары, травы.

В тот день он сразу с улицы Гастелло,
Заехал в популярный бизнес-центр,
Решать вопросы по работе Фонда.
В бумагах всё смотрелось хорошо,
Но надо, чтоб проекты стали явью.

В отель же он добрался только к ночи.
«Большой сегодня выдался денек»,
Подумал он и замер на подушке.

«Ведь мне же отдавали чек для Фонда!
Дурак какой, что не заехал в банк».
А чек куда-то явно задевался,
Артём и под подушку заглянул.

И тут увидел, что девица за столом
Сидела, и вдруг стала раздеваться.
«И чек уже наверно у неё»,
Он в этом абсолютно был уверен.
Она уже и кофточку сняла.
«Да, что вы? Мы же вас не вызывали».
«Без вызова. Меня прислала Ольга».

Артём вдруг понял, что стоит без брюк.
«А в пиджаке, во внутреннем кармане?».
Старался на девицу не смотреть —

И что это, и впрямь, на самом деле?
Она ведь не знакома.... Улыбнулась.
«Из Томска я. Я Ольгина сестра».

Артём хотел позвать секретаря,
Но на рубашке отвалилась кнопка.
Он вздумал тут кому-то позвонить,
И был, как будто, счастлив дозвониться.
Вдруг вспомнил, а ведь там Наина Львовна?
«Она вас и прислала, может быть?»
Ведь в Томске у неё какой-то бизнес».

Девушка встала прямо у окна:
«С Аркадием вы Ольгу усыпили.
Её вскрывали, хоть была жива.
„Васюха“ ваш совсем не убивает».

«А мыши – испытание прошли?
И раковая девушка в Лозанне?
Её бы даже морфий не сумел».

Внезапно появилась его дочь,
И он ей прокричал: «Катрин, родная!».

Сестра спросила: «Что сказал Аркадий?».
«Так он и попросил, чтоб были вместе.
Чтоб он её сначала проводил.
Потом уже вина, и не страдать.
Расписку мне он дал, она на чеке.

Оставьте меня с Ольгой Ведуновой»,
– Почти вскричал. . . . И отворил глаза.

Ночник светился дружеским уютom.
– Ну, надо же, какой бредовый сон!
Шепнул Артём, и вскорости забылся.

Под утро, когда сон особо крепок,
Наина Львовна вправду что пришла.
«Мы, Ухова, на вечер назначали»,
– Он ей сказал, и ждал, когда уйдет.
«И кто такая Ухова у нас?» —
Отчётливо Наина рассмеялась.
Все волосы к макушке подняла,
И гордо головою покачала.
И, там где уши – просто череп был.
Сказала: «Я Безухова совсем.

А вы – тот дуб, с которым князь Болконский. . . .».
Тут он проснулся и сощурился к часам.
Хоть было рано, он решил вставать
– Не ровен час, ещё чего приснится.

Как врач, себе назначил терапию:
Таблетка тазепама перед сном.

* * *

Луис весьма понравился Наине.
Анжела предложила проводить,
Отказываться было неудобно.

Анжела брату сделала подарок
– Маршрут для возвращения домой,
И остановки, где он только пожелает —
Пускай любимый брат посмотрит мир.

Он вздумал полететь через Нью-Йорк,
Потом заехать в Рио-де-Жанейро.
На тур была всего одна неделя,
В Гаване, говорил, горят дела.

– А, где ты хочешь дольше быть, в Нью-Йорке? —

– В Нью-Йорке мне, пожалуй, хватит дня.
Мне много интересней будет в Рио. —

И вылет был в четверг в семнадцать тридцать.
Пришлось, как ни хотелось, а пришлось
Звонить Васильеву о переносе встречи.

– Артём Семёнович, и как наши успехи? —

– «Вот наглая – наверное, подумал, —
Спокойно не дает пожить и дня».
Но врач был даже ласков и приветлив.
– Ведь мы же и условились на завтра? —
– Я вечером, возможно, не смогу. —
– Что за беда! Ведь не лечебные проблемы.
Тогда, быть может, в середине дня? —

Наине стало как-то неудобно.
Она в себе агрессию несёт —
Васильев, как ягнёнок на закланье.

Но тут же, словно молнией мелькнуло:
«Вот, агнец! Как таблетками кормить!».
Условились с двенадцати до часа.

Наина позвонила Петухову,
Не вызвала особенный восторг.
– На вечер уже собрана бригада,
Всем роли отвели по плану действий.
Теперь придется всё переносить.

– Я – бестолочь. Так что же надо сделать? —

– Ты каждый шаг со мною обсуждай,
Пока мы до конца не разберемся.
Ведь ты же очень мудрая царица. —

И вдруг он тихим голосом спросил:

– А, может быть...? Ты очень занята?

– Слагаю из осколков слово ВЕЧНОСТЬ.
И жду, когда приедет Петухов.

* * *

– Вставай, Роман Аркадьевич, пора.
Мы славно обо всем посоветались. —
Наина подала ему пример,
Как надо возвращаться к прозе жизни.
Арсений выгнулся, как грозный ятаган,
Всею позой демонстрируя готовность.
Но песню на другой мотив завел.

– Мне женский пол давался без труда,
Кого захочешь – леди, просто бабы.
Казалось бы, что мне ещё одна?
Так что же мы с тобою будем делать? —

– Быть вместе. Как вам эта установка?
Я Ухову сегодня всё скажу.
Куда бы отдохнуть хотел ты съездить? —
– С ребятами, в те давние года,
Когда поляна Абрамовича рождалась,
Построили – не знамо вести что,

И Эйфелевой башнею назвали.
И я хочу в Париже посмотреть:
А вдруг у нас похоже получилось? —

– Давай в Париж. Мне просто представлять:
Пойдем мы там с тобой в Булонский лес,
И, на глазах прохожих – целоваться. —

* * *

В Сокольниках полно трамвайных линий.
На улицах живого места нет,
Все селятся найти пути объезда.
Но в этот день господствовал коллапс.
Кто должен – одолели этот путь,
Приехали на улицу Гастелло.

Артем Семёнович и штат его людей,
Приехали, наверно, чуть пораньше.
«Зелёный бегемот» привез Наину.
“Infinity” в атаке словно танк,
Поэтому машины расступались.

Наталья добиралась не одна.
В автобусе, с орлами Петухова.
Он девушку тихонько наставлял.

Она довольно холодно внимала:
Всё это он ей много раз твердил.

Лишь Ухова ступила на порог,
Васильев осмотрел её прическу:
Все волосы заколоты в пучок,
На мочках аметистовые серьги.
И он подумал: «Это же маразм,
Увидеть в жизни след от сновидений.
Похоже, что меня пора лечить».

И начал рассыпаться в увереньях:
– Не вышло, но вот к вечеру, сегодня,
Увидите, я вам переведу. —

Наина чуть придерживала брошь
На маленьком и однотонном платье.

– Вам нравится заигрывать с огнем? —
Вдруг высказала зло и равнодушно.
– В пожарах, несомненно, прелесть есть. —
Потом спросила, чтобы выждать время:
– А как с открытием, что сделали со мной? —

Артём Семёнович намеренно помедлил,
Чтоб голосом не выдать, как он рад,
Что вспомнила, сама заговорила.

– Пусть это даже выглядит нелепо.

Но, вспомните – продюсер, те дела?
(Заметил, что Наина супит брови).
– Подробности, давайте, я отброшу,
И буду только факты излагать. —

Он воздуха набрал, и понеслось.

– Сотрудник Марта (вы ведь знаете её),
Подъехала, чтоб вы не «наследили».
Подчистить, если что-нибудь не так.
Она нашла в ведре у вашей ванны
Использованный брошенный кондом,
Наполненный подсохшей за ночь спермой.

Она его, стерильною перчаткой,
В стерильный же пакет, и привезла.
Я пробу взял и сделал спецанализ.
И вышел неожиданный эффект.

Вы, помните, то был «Декапептил».
Пройдя через вторую группу крови,
Такая у продюсера была,
Успел начать распад тестостерона
И в сперме, для продюсера – последней,
Сменился весь химический состав. —
– Да что ж такие мерзости в рассказе?
Пожалуйста, рассказывайте суть. —

– В клинических анализах – одно.

Я тут же начал пробовать на крысах.
И все они достигли сверхблаженства,
Пробыли в нем примерно тройку дней.
А после уж спокойно околели. —

– Артем Семёнович, типун вам на язык. —

– Не морщитесь, Наина, от науки.
Я дал лекарство даме – человеку,
Которой жить осталось ровно день:
Чудовищные раковые боли.
Эффекты превзошли все ожидания.
Конечно – не могла не умереть.
Но – с паузой. Не так всё быстро было.
Как дал ей препарат, так боль прошла,
И больше не вернулась к ней до смерти.
Счастливой прожила почти три дня.
И в смерть ушла с улыбкою блаженства. —

– Артём Семёныч, полно, вы маньяк. —

Но он не прерывал повествования,
И ей пришлось прослушать этот бред.
– Я донора нашел с такой же кровью,
Взял сперму для лабораторных нужд.
Опять же сочетал с «Декапептилом»,
Дал в вакууме отстояться день.
Что вышло – я опять-таки на крысах.
Какие стадии безумного блаженства

Они перед кончиною прошли!

Наину будто молния пронзила.

– Так Ольга Ведунова умерла!
Без болей и весь мир благословляя. —

Артём Семёнович давно уже узнал,
Мобильный склад ума Наины Львовны.

– Аркадий ведь, несчастный, не хотел,
Чтоб Ольга без него здесь оставалась.
А он уже от рака уходил. —

– Вы... продали ему? —

– А что же делать?
Ведь он же основал прекрасный фонд.
Я думаю, мое и ваше имя,
Название препарату могут дать.
И, если раскрутить, как некий бренд
Для самой элитарной клиентуры,
Вам – доля от дохода.... —

Страшный вопль,
Наполненный и болью, и мольбою,
Потряс пространство кабинетных стен.

– Что..., что такое? – Врач не мог понять,

Что жуткое здесь рядом происходит.
Но крик опять звучал, ещё сильнеей.

Наина реагировала сразу:

– Да это же у вас, за вашей дверью. —
Врач бросился на крик, Наина – следом,
Но бережно, чтоб брошь не потерять.

В соседней комнате, массажном кабинете,
Просторном, с занавешенным окном,
Носился неизменный секретарь
Меж девушкой, оравшей на кушетке,
И голым волосатым мужиком,
Прикрывшим только банным полотенцем
Эрекцию мужского естества.

– Так, вот как тут у вас, волшебный доктор! —
(Не верилось, что так могли кричать).

– Мой папа, он вас точно всех засадит.
«Волшебный», негодяй, публичный дом. —
Девицу эту, видно, злость взяла,
Что всех поубивать она хотела.
Но крик и так разил всех наповал.

– Я приходила к вам, я только обратилась,
Поскольку вы большой специалист,
Теперь я знаю, что это такое.
Милицию, милицию сюда! —

Забарабанили: и в дверь из коридора,
И били глухо во вторую дверь.

Мужчина, было, кинулся одеться,
Но гордая девица не дала:

– Ломайте двери и меня спасите.
А ты, мерзавец, сядешь у меня. —

Её пытался удержать охранник,
Который также был и секретарь.
Но в этот миг дверь как-то отскочила,
И кто-то властно крикнул: «Всем стоять!»

По холлу, от дверей, где главный выход,
Пришли к дверям Васильевской приемной

Дежурный менеджер – работник «Института»,
А также комендант всех разных служб.
Конечно, крики всех насторожили.
А тут ещё как будто бы ОМОН:
Два стража – автоматы на груди,
И в форму упакованные круто,
Блокировали доступ в помещение,
Всё вычислив сквозь прорези для глаз.

Сотрудников, а также пациентов,
Собрал сюда всё тот же интерес —
Кого же это так арестовали?

Ответил на вопросы капитан,
Возникший из заблокированной двери.

– Кто будет из начальства – подойти, —
И так сказал пришедшему начальству:
– Отправьте всех тотчас же на места.
Всё – плановые действия ОМОНа.
А крик был только следствием испуга.
Мы кончили и забираем всех.
И здесь придется все нам опечатать. —

Он запер кабинет и опечатал.
Забрал омонцовцев, прошел сквозь коридор.
Всех действующих лиц внезапной драмы
Отправили через обратный вход.

Васильев лишь сказал секретарю,
Да голому, которого одели:
– Спокойно, нам поможет адвокат.
Сумеет разобраться с произволом.
И тут же мы уедем из России. —

Артём Семёнович поехал «первым классом».
Засунутый в «Фольксваген Транспортер»,
Где хоть какой-то вид на белый свет
Был только из водительской кабины.
В глухом, почти багажном отделении:
Артем Васильев, в масках два бойца.
И он не смог понять, что происходит.

Единственно, что всё не хорошо.

Наина не смотрела, как грузились,
Задумчиво к “Infinity” пошла.

И тут к ней подошел как раз Арсений.

– Ты слышал? – она брошь уже сняла

И медленно Роману протянула.

– Живут, пыхтят, и убивают нас.

«Волшебный, дорогой...». Ты как поедешь? —

– Не только слышал, но и записал.

Теперь на базу, с эскулапом разбираться.

Пора закончить эту дребедень. —

– Ну ладно, разберись и позвони.

Я Ухову вчера уже сказала. —

– Так значит на носу у нас Париж? —

Наина видела, что он почти летел,

Как будто окрылённый перспективой.

Так ангелы слетают в Notre Dam.

* * *

Арсений следом подошёл к Наталье.

Она хотела одобренья, и – домой.

Так много силы отняло искусство.

– Какой же все же Сарою Бернар,
Ты скоро современникам предстанешь, —
Мужчина знал слова для похвалы.

– Да ты совсем измучилась, бедняга. —

– Я по системе Станиславского сижу.
Ты должен видеть, до чего я ослабела.
А стоит только музыку начать... —
И было видно, что готова в пляс.

– А как бы посмотреть, что получилось?
Ну, то, что ты на камеру заснял?
Ты дашь мне, чтобы я нашла ошибки? —

– Но это не кино, а компромат.
И видеоархив у нас по делу. —

– Сниматься для архива мутных дел?
Увы, неблагоприятное занятие, —
И тут же, вспоминая, оживилась:
А как же он просил примять лекарство!
Но ты категорически сказал. —

– Известно, как они лечить умеют. —
И стал прощаться – время подгоняло.
– Ты едешь с Леонидом, видишь – ждет.
Малышка, девочка, а умница большая. —

– С умом таланту как-то веселей. —

* * *

В кафе создали видимость уюта.
Но музыку, как фон для настроенья,
Всё время нарушал “Attention, please”.
И, те – встречались. Эти – расставались.

– Не к счету этот раз, что был в гостях, —
Ангела любовалась младшим братом.
– Ты только посмотрел, как я живу.
А в гости – это минимум на месяц. —

– И, что я папе с мамой расскажу?
Ангела – русская, в Москве едят «Хот Доги»? —
Луис упрямо головою покачал.
– Я расскажу им, как ты счастлива с Денисом,
И скоро к нам приедет Красота:
Так на испанский переводится Наина. —
Наина в это время разбиралась:
– Смотри, а я подарки привезла,
– Тебе, тебе, для мамы, младшим братьям. —

Луиса потрясла косоворотка,

Решил её надеть и в ней лететь.
И красная рубаша на парнишке,
Смотрелась, будто он родился в ней.
Теперь он стал конкретно живописен:
Копна волос, чернеющих, как смоль,
И – яблочко зрачка на снег мишени,
Отенок кожи – чистый эбонит,
И зубы, как реклама для дантиста —
Всё это демонстрировал Луис. —

Анжела поделилась опасеньем:
– Не слишком ли для города Нью-Йорк?
Для западной столицы криминала? —

– Я буду говорить всегда: Excuse me¹⁷.
Excuse, New-York. Но я люблю Москва. —

Вот так подруги проводили брата.
Как ехали – обратно на такси.
На русском и французском языках
Открытая душа сибирских руд
Старалась, как возможно, приглушить,
Разлуку в очень трогательной песне.

– Когда, – она тихонько напевала, —
Из своей Гаваны уплыл ты вдаль. —
Анжела спела: – La paloma¹⁸, – тяжкий вздох.

---

¹⁷ Извините (англ.)

¹⁸ Голубка (франц.)

Потом – adieu¹⁹, и громко зарыдала.

Такси из Химок въехало в Москву.

* * *

Двух ассистентов из Васильевской бригады
Убрали до решения проблем —
Не надо, чтоб без доктора светились.
Секс-менеджер не нужен был совсем,
А секретарь, при столь весомых аргументах,
Воинственно настроенных людей,
Исполнил всё, что от него хотели.
Что, впрочем, не составило труда.
Второй, не столь спортивный секретарь,
Сегодня нёс дежурство по отелю —
Там, видно, было что, что охранять.

И секретарь, который был в руках ОМОНа,
Под строгую диктовку Петухова,
Коллегу из отеля известил:
У доктора сегодня срочный вызов.
И Томаса (предел мечтаний дам)
Они сейчас с собою забирают.

---

¹⁹ Прощай (франц.)

– Мы, видимо, поедem на три дня.
И с выездом в имение хозяев, —
Мужчина этот скупо излагал:
Такие обстоятельства случались.
– Хозяин выехал, там собственный шофёр.
Мы следом едем. Доступ там вне зоны.
Сегодня, значит, можешь отдыхать.
А завтра, если что, тебя разыщем.
Швейцарию по графику проверь.
И, если есть проблемы, завтра скажешь. —

Он на Арсения смотрел, не отрываясь,
Чтоб видеть, если будет что не так.
И был упрятан, как и Томас, за решетку.

Арсений был в делах не новичок.
Он знал, что только тщательный подход,
К последней точке – получению денег,
Дает обычно лучший результат.
Но в этот раз, уже у врат Парижа,
Он медлить ни секунды не хотел.
Васильев уместился на ладони.
Прихлопнуть или сдать его властям
Совсем не представляло интереса.

Артём Семёнович, как денежный мешок,
Вот кто был интересен Петухову.
Нарыв, в котором столько много денег,
Он должен вскрыть решительной рукой.

А тот сидел, раздавленный слизняк,
Перед Арсением, на стуле, у стены.
Настолько в нежелании делиться,
Что плакался, что денег нет совсем.

– Ведь вам же Ведунов всё завещал. —

– Какой там мне. Все это деньги фонда. —

– Вам срок дадут от этих двух смертей. —

– Хороший адвокат, и нету срока. —

Арсений начинал терять терпенье.
Таких вот, гаденьких, он очень не любил.
Прицепится, как клещ, смертельной хваткой.
И всё высасывает – деньги, и здоровье.
И волю отнимает у людей.
Наказывать – уже не та задача.
Он должен только деньги отобрать.

Рассказ он начал свой издавека:

– В реке, быть может – только по весне,
Сумеют отловить раздутый труп.
Раздетый, изуродованный, жуткий.
О вас же лишь слегка пожмут плечами,
Поищут, успокоятся – пропал.

И только лишь Катрин, родная дочка,
Заплачет об исчезнувшем отце. —

Арсений видел, как Артём переменялся.
Он стал дрожать и нервно корчил рот.
Часы показывали девятнадцать сорок,
И было ещё время рассказать:

– В Париже учится немало иностранцев.
И есть такая девушка – Катрин.
Способная, и учится серьёзно.
Чтоб радовать любимого отца, —

И тут вещатель выдержал момент.

– Но, сколько в этом городе людей!
Кто вспомнит эту юную студентку? —

Артём Семёнович промолвил: «Прекратите!».
Вдруг стал звонить мобильный телефон
Васильева, давно уже изъятый.
Артём Семёнович не мог не опознать.

– То ваш трезвонит, – бросил тут Арсений, —
Сейчас посмотрим, кто бы это мог?
Неясно, но как будто код Парижа.
Неужто дочка – услышать отца?

– Послушайте, мы с вами всё обсудим, —

Артем уже почти что умолял:

– Я Кате не ответить не могу. —

– Но – слово, или только четверть слова,
Что где-то, с кем-то, что-нибудь не так! —

– Что, держите меня за идиота? —
Потом пошел нейтральный разговор.

– Да, что ты, папа, долго не подходишь?
Рассказывай, ну, как твои дела? —

– Нормально, – он старался не дрожать, —
Я только о тебе как раз подумал. —

– Теперь я тут с российскими друзьями, —
Артем напрягся и сильнее задрожал.

– И ты у нас повсюду знаменит.
Они твою одну больную знают, —
И в трубке слышалось: «Борис! А как зовут?»,
– Он тут сказал – привет Наине Львовне. —

– Да, да, конечно, абсолютнейший привет, —
Артем почувствовал, как он заговорился.
– Откуда же ты знаешь этих русских? —

– Мы встретились, они живут у нас,
Пока ещё Николь не возвратилась.
Не против, что зайдут к тебе в Москве?
Тогда я передам тебе подарок. —

– Да, милая, мы встретимся ещё,
Какие-то помехи там на связи.
Но ты, скажи мне, как сама живешь? —

– Я, папочка, свяжусь с тобою завтра.
Мы едем в город, я им обещала.
Так, значит, я могу твой номер дать?
Пока, родимый, я тебя люблю. —

– А кто же будет должен мне звонить?

– Ты слышал же – друзья Наины Львовны. —

Артём Семенович с трудом сидел на стуле.
Дрожь вылилась в холодный пот на лбу.
Глаза закрыл, как перед важным стартом.
И выдавил: – Давайте начинать.

* * *

Отколлектированный, выжатый Васильев
Не стал цепляться за любой кусок.
Арсений его вытряс очень сильно,
Но тот был счастлив, что не до конца.
Любовь к Катрин была так беззащитна!

Наутро совершили перевод,
Арсений видел – деньги поступили.

Васильева отправили под душ.
Чтоб в полном был порядке – мыться, бриться.
Костюм, и галстук – всё чин-чинарём.
Потом его отправили в отель,
К заметной радости того секретаря,
Что с Томасом его встречал у входа.
Психолог возвратился в этот мир.

* * *

Пришлось признать, что наступила осень.
Не та, что ненавистна непогодой,
А трогательно грустная пора,
Когда душа не верит в увяданье,
А время начинает брать своё.
И всё красиво в уходящем лете,
Но падает пожухлая листва.
И утомлённая орбита солнца
Не достигает прежней высоты.

Наина Ухова была готова ехать,
Но Глеб был совершенно не готов
К такому шагу преданной супруги.

– И, что ты вдруг куда-то собралась?
Скажи мне, что не так, я всё исправлю. —

Наине приходилось думать вслух.

– Мою судьбу? Мою любовь? Свободу? —

– Тебя не содержали взаперти. —

– Но мне не нужно жизни с позволения.
Ты лучше успокойся и пойми. —

Глеб больше часа думал в кабинете.
И вышел, озабоченно серьёзный.

– Ты делай, ради бога, как решила.
Такая значит вышла недолга. —

Наина позвонила Петухову,
Ведь тоже приходилось объяснять.

– Я Глебу помогу и мы уедем.
Как с доктором он должен говорить? —

– Что средства свои хочет все назад,
Как требуют друзья Наины Львовны.

Заставить Ухова, чтоб он открыл глаза —
Оправданно нелегкая работа.

Пришлось пуститься даже на шантаж:
«Не будет так – я сразу уезжаю!».
И он, что хочет, высказал Артему.
– Друзья Наины Львовны так хотят. —

Васильев без заминки отдал всё.
Он смог уже немного оклематься,
И думал о Наининых друзьях.

* * *

– Ты можешь перед тем, как уезжать,
Со мной сходить на важную тусовку? —

Они летели послезавтра утром,
И не было причины не пойти.
«Последний раз... Dernier chanson²⁰, в последний раз».

Тусовка предстояла где-то в Сити,
В районе самых верхних этажей.
«Чтоб чувствовалось наше превосходство —
Мы выше и бесспорно лучше всех».

Наина Ухова отправилась блистать —
Все женщины для этого съезжались.

---

²⁰ Последняя песня (франц.)

Рок-музыкант, прекрасный музыкант,
Пел словно специально для Наины.

Оставив Глеба с кем-то говорить,
Наина отошла взглянуть на город.
И, вышло, что приехала не зря.

Она увидела особую Москву,
Не изнутри, а с птичьего полета.
Не знала, что настолько прижилась,
Чтоб думать про Москву – родные стены.
Хотела прошептать: «Я буду помнить»,
Но вышло только: «Не забудь меня».

Неспешно расстегнула она сумку —
Не отвечала, и звонили в третий раз.
Ангеле не ответить не могла,
И сразу же спросила – что случилось?

И, не сдержала стон: «Не может быть!».
Ангела подтвердила – это правда,
И продолжала что-то говорить,
Но женщина уже стремилась к мужу.

– Я уезжаю. —

– Что это? Куда? —

Наина только бросила: «к Ангеле».

И убежала, и надеялась узнать,
Что жуткое известие – ошибка.
Погиб смешной улыбчивый Луис.

* * *

Анжела, беспокойная натура,
Старалась, чтоб Луис не заскучал,
И чтобы не пропал в чужой столице.

Она с ним находилась постоянно,
Водила, говорила обо всем.
Однажды, в ресторане на Арбате,
Случилось, что беседа замерла.
И, чтобы малышу не стало скучно,
Анжела рассказала про тайник
С сокровищами, в доме генерала.

Всё вспомнила, и – немощные старцы,
И нигер, этот сторож на дверях.
Лепнина в спальне, стрелы купидона.
«И, вот бы, – говорила, – нам достать!».

Луис, конечно, (семь пядей во лбу),
Из Рио до Сан-Паулу доехал.
И встретил там от негра пулю в лоб.

Наина видела – Анжела вне себя.
– Откуда знаешь? – не дыша, чтобы успокоить,
Наина постаралась говорить.

– Полиция звонила в турагентство.
Ведь он же с документами пошел. —

Креолка не хотела прятать слезы.
Они ей помогали вспоминать.

– Я думала тогда – какой весёлый!
Мы шутим, и малыш играет роль,
Как принято у нас в ковбойских фильмах.
Бандит бандитом: «Негритоса – мне.
Мне, чёрному, с ним легче разобраться».
В твоей рубашке... Мама ездила за ним. —
И обе плакали, и было отчего.
Прошел порыв – срываться, срочно ехать.
Утрата остудила – не догнать.

* * *

– Я не читаю дамских детективов,
Как не смотрю индийского кино, —
Арсений положил на край стола

Полсотни распечатанных страничек.

– Люблю твою Рупскую, как сестру.

Мне кажется, что ты ей диктовала. —

– Ты просто перекладывал страницы?

А я-то думала – и что ты там затих?

Писала я специально для тебя.

А, может быть – потомкам в назиданье. —

– Но мы уже решили, как нам жить. —

– В «Благих намерениях» в ад попасть не сложно.

Арсений захотел немного выпить.

– Ты будешь? – отрицательный ответ.

Она безжалостно рассталась с волосами:

Что мучиться среди путей-дорог?

Подстриглась, чуть длиннее Петухова.

Готовились сегодня уезжать.

Наина сбрасывала бесполезный груз —

Вид светской львицы, пустоту воспоминаний.

– И все записки, и ненужные цветы. —

– О чём ты? —

– Ерунда. Заговорилась.

Ты чувствуешь, как исчезает связь

С реальностью, сквозь хаос впечатлений. —

– Куда мне. Я задрипанный вахлак.
Тебя замучат – нетопыря взяли. —
Наине этот панцирь не мешал.
Все прошлое тускнело, обречённо.
Луис, действительно, не очень был умён.
Да, и Анжела. Похитители алмазов.
Наталья Балк, как славно убивалась.
Во ВГИК пошла. С Гастелло эпизод,
Про гибель того голого литовца,
На «Оскаре», да за такую роль....

– Поедем, Абрамович – Петухов. —

Они летели, чтобы взять разгон.
Пройти своеобразный карантин,
И выйти вновь богатыми людьми —
Глаза в глаза, рука в руке, плечо к плечу.
И – далее, по каждой части тела.

Вез Леонид. – Когда обратно? – говорит.

– Не знаем, – отвечали они хором.

– Так думаю, что это будет скоро. —

И оказалось – Петухову всё равно.
Париж ли, или что-нибудь другое.
Арсений откровенно загрустил.

– Я слишком не такой, как все другие.
Как Пушкин я – «и вечные французы».
Иду с тобой, отверженный нацмен.
И – тянет. Не скажу – с души воротит.
Я не дорос ещё. —

– Совсем, как до Рупской?
От длительной, закостенелой лени
Мозгами не работает Арсений! —
– Ты обещала! —
– Я уже молчу. —

Арсений день назад вел разговор.
– Послушай, – попросил её присесть,
– В тебе сидит какая-то ошибка.
Заел тебя какой-то амфибрахий. —

– Скорее, пятистопный этот ямба.
По жизни чертовщина происходит,
И ты об этом хочешь написать... —

– Да нет же, хочешь – ты. И все выходит.
Но говорить на «Амфибрахии» нельзя. —

– А что – мешает? Это не специально. —

– Но странно, – Петухов договорил:

– И в этом есть источник обаянья. —

* * *

Борис с Оксаной встретили в Париже
И тут же пригласили их в кафе.

– Так, вот какая вы, Наина Львовна! —

– Когда меня так громко называют,
Я думаю про «Крестного отца». —

Наина, со своей гаврошью стрижкой,
Утратила свой бывший светский лоск.
По-прежнему смотрелась очень юной.
Да было её всего-то двадцать три.

– Так числишься в коллекторских структурах.
Скажи – как хочешь. Будем называть.
Борис, Оксана.... Я – Роман, и.... —

– Кира,

Как краткое от имени Киржач. —

– Отлично, Кира. Ты скажи ребятам,

Кто с ними во главе стола сидит. —

– Дон Карлеоне.... —

– Это – бывший ты.

А я теперь хочу о настоящем. —

Французы – удивительный народ.

Они в упор совсем не замечали,

Гуляет как российская братва.

– Ну, хорошо. Роман – хозяин края.

Известный вам Арсений Петухов. —

– Дошел до края, – пискнула Оксана. —

И где по карте это отыскать? —

– Он землю под Владимиром купил.

И будет молодёжный город строить. —

Оксана удивилась – ну и ну?

Они с Борисом разом предложили:

– Давайте, познакомим вас с Катрин.

Хорошая французская девчонка. —

Васильева как раз вернулась с лекций.

Наина оценила моментально
Столь значимую разницу с отцом.
Арсений тоже сразу же заметил:
«Как здорово, что ты росла одна.
И дальше Бог, возможно, не оставит».

Катрин схватила трубку – был звонок.

– Да, здравствуй, папа. Здесь Борис с Оксаной.
Наина Львовна тоже подошла.
Ну, ладно, я конечно передам.

А ты смотри, не очень нагружайся. —

Настолько лаконичный разговор.

– Он извиняется, его перехватили.
Он очень рад, что вы ко мне пришли. —

– Мне кажется, что и друзьями будем, —
Наина искренне сказала, и тепло.
– У нас ещё два дня Парижской жизни.
Давайте вместе сходим в ресторан. —

Друзья отца понравились Катрине.
Но, все же, у неё была учёба,
Поэтому сказала: – Может быть.

Давайте, мы ведь можем созвониться. —

И русские отправились гулять.

Катрин же удивилась на отца.

Но – спрашивать? Конечно, не спросила.

Родительское слово, как закон.

Он позвонил, но разговаривать не смог.

И ждал звонка, когда гостей проводит.

Когда он услышал про ресторан,

То тут же ей сказал: «Иди, конечно.

Своди-ка их в японский на Монмартр.

Уютно там, и много кабинетов,

Развешаны панно из тростника».

– Тебе видней, что русским интересней. —

– Но ты не говори, что это я.

Ты – местная, и всё отлично знаешь.

Когда задумали? —

– Наверное, что завтра. —

– Отлично. Как решите – позвони. —

Катрина думала – какой отец хороший!

Васильев думал, что Катрина молодец.

А время подгоняло уезжать.
В Россию, во Владимирскую область.
Коллектор выбил деньги на мечту,
Хотел её в реальности увидеть.
Назавтра предстоял последний день,
И ужин в ресторане на Монмартре,
Который предложила им Катрин.

– Как будто её хочется утешить, —
Задумался могучий Петухов.
– Но, разве это повод к состраданию,
Что ей с папашей мало повезло? —

– Не мудрствуйте, товарищ Петухов.
Пора закрыть «Васильевское» дело.
И лучше вспоминать о славной дочке,
Чем морщиться при имени отца. —

С Катриной они встретились под вечер,
Решили – прогуляются пешком,
И не заметили, как вышли на Монмартр.
В том плане, что они бульвар не знали,
А их вообще никто не замечал.

Катрин казалось – русские грустят,
А в чем причина – было непонятно.
Зачем сыр-бор весь этот городить
С заведомо ненужным рестораном?
Но, все же, уговор дороже денег.
Их встретили у входа: «Комбан ва».

– Что говорят? И всё у них с поклоном, —
Затронул грусть японский колорит.

– Я думаю, – а что ещё, Катрин?
– Что девушка сказала: «Добрый вечер». —
И гейша подтвердила: Бон Суар.

Японские народные мотивы,
Звучание щипковых инструментов,
Дарило Impression об их стране,
Загадочнее многих на востоке.

Большие тростниковые панно
Разметили пространство на отсеки,
И гости все могли бы созерцать
Лишь тех, кого хотели бы увидеть.

Народные костюмы и прически,
Сугубо театральный четкий грим,
Давали европейцам впечатленье,
Что женщин этих, а скорее, кукол,
Держали, как приманку для гостей.

Казалось, что японский дух витал,
Но в одомашненном, чуть-чуть французском виде.

Наина искренне, открыто так сказала:
– Коль можете, то экскюзе²¹ Катрин,
Что вытащили вас на эту встречу.
Но это – по велению души.
Мы едем начинать другую жизнь,
И встреча с дочерью «волшебного» отца
Для нас, тут нет сомнений, символична. —

– Я буду там, в России, по весне.
Конечно, непременно встречусь с вами. —
Молчавший Петухов тут оживился:
– И сходим мы в японский ресторан. —
Для них заранее уже накрыли стол.

– Разлей Саке, и выпьем за знакомство. —

Столь вкрадчивый и теплый алкоголь
Топил причины непонятной грусти.
Но всё-таки ещё не до конца.
Арсений, сам не зная – почему,
Терзал Катрин, распахивая душу:

– Нас мучает сомнение, Катрин,
Что больно уж мы сильно замахнулись, —

---

²¹ Простите (франц.)

Пытался вслух осмыслить Петухов.

– Сомнения – застойное болото.
Но, даже очень светлые умы... —

– Не мелют чуши в радостном застолье. —
Наина прервала его поток.

Звонок не дал покоя Катерине.
Она поговорила по-французски,
Сказала, что придется уходить.

– Приехала знакомая литовка,
Сегодня же уедет в Лиссабон.
А мама с ней прислала мне подарки.
Мне надо к поезду, Николь передала. —

– Досадно, что так мало посидели. —

– Да вы сидите, здесь так хорошо.
Наина, ты спросила про Шанель?
Тут рядышком, пойдем со мной, посмотришь. —

– Могу уйти на несколько минут? —
Наина Львовна, видно, колебалась.
– Я только посмотрю, как отыскать. —

– Какая скука, если столько гейш? —
Кивнул Арсений отвлеченно, в воздух.

– Но, может быть, ты можешь не ходить? —

Наина лишь помедлила секунду,
Но все же поднялась идти с Катрин.
– Я – скоро, – и они вдвоем ушли.

Скучать Арсению буквально, что не дали.
Три д`евицы в японских кимоно
Ухаживали, будто за султаном.
Одна – с поклоном тазик подала
С какой-то ароматною водою,
Чтоб русский – сан в ней руки освежил.

Вторая – все закуски поменяла,
И стала Петухова угощать.
А третья, видно – главная у них,
Повыше и уверенней в движеньях,
Заведовала выдачей Саке.
Напиток принесла в другом сосуде.
Сказала ему: «Дозо, монсеньор»,
С поклоном предложила ему выпить.

– И вправду, вкусно, – он всю «чарку» осушил.
Японка вся искланилась: «ВАСАРТА».
И он подумал – это сорт Саке.

А девушки, лишь за угол свернули,
Как тут же обнаружили бутик.
Без вывески, со скромным чёрным платьем
В окне витрины. – Вот – Коко Шанель. —

Катрин помчалась быстренько на встречу.
Наина же зашла на пять минут.
Купила одну блузку, и вернулась,
Надев её, как лучший сувенир.

При четкой общей строгости покроя
Блузон имел такой парадный вид,
Что сделал появление Наины,
Царицей на ликующем балу.

Арсений даже встал от восхищенья.
Так слушал он Наинины слова:

– Наряд этот – конец моим сомненьям.
Коко Шанель не стала бы Коко,
Когда бы на секунду сомневалась.
Уверенность к победе привела.
Я вижу, ты уже распорядился? —

Не ясно, что стояло на столе,
Но вид и ароматы впечатляли.

– Все кланялись и говорили «Дозо», —
Арсений пересказывал взахлеб.

– И гейша принесла ещё Саке.
Я пробовал и выпил – очень вкусно. —

– Налей и мне, я теплое люблю.
Давай – за исполнение желаний. —

– Прекрасно. Ради этого – до дна. —

Напиток был не крепок и хорош.
Наина его просто смаковала.

– А вкус её как будто бы другой. —

– Здесь разные саке, в ассортименте.
И гейша назвала его «ВАСАБИ». —

– Ты спутал. Так японский хрен зовут. —

– Возможно, – не то время, чтобы спорить.
Панно, что разделяли этот зал,
Теперь казались стенами дворца,
А простенькие скромные мотивы,
Звучали, словно музыка богов.
И виделись такие перспективы,

В грядущем, что захватывало дух.

– Наина, о Наина, боже мой!
Какое счастье, что мы повстречались!
Ещё Саке? Божественный нектар. —

Любовь вполне заслуживала тоста,
И ей во славу выпили до дна.
Крещендо чувств закатывалось в форте.

Опять явилась ласковая гейша,
Узнать у них, не нужно ли чего.
Наине что-то было в ней знакомо,
Но только промелькнуло в голове.
Не время размышлять об этой гейше,
Когда дождались праздника души.

– Скажите, как вы это называли? —
С поклоном обратился Петухов
К таинственной фигуре от Кабуки.
– Да где же ей по-русски понимать?
А кроме «дозо» я у них не знаю. —

Кувшин с Саке он поднял со стола,
И слово “name”²² из памяти возникло.
Не важно, что подумала японка,
Но мелкими шажками заспешила
К панно, что отгораживало зал.

---

²² Имя (англ.)

И, прежде чем исчезнуть, повернулась,
Чтоб бросить им название: «Васарт».

В Наине уже пело торжество
Такого же огромного накала,
Как у Чайковского в апофеозе «Пятой».

Хоть память подсказала, если гейшу,
Раздеть и сбросить маску от Кабуки,
То фрейлин может многое сказать.
И, что «Васарт» родился от «Васюхи».

«Но, что набор из слов о подлой мести,
Для жительницы райской стороны?»

Наина просто звонко рассмеялась.
Ведь ей хотелось всех благословить.

Арсений сгрёб её в охапку, и помчались.
От муторных всех дрызг и суеты.
От заблуждений и привычки сомневаться.
Благословляя остающихся людей.

Им дали персональный самолёт.
Не крошку, а огромный белый лайнер
С салоном из прозрачного стекла.

Стремительно набрали высоту,
И вот уже парили над землёю.

– Смотри, Арсений, МИГи, как дельфины,
Кружатся возле нашего борта. —

– А этот, как заправский заводила,
Он что-то четко пишет в вышине. —

– И белый расплывающийся след
Уносит эти буквы к горизонту. —

– Я прочитал, Наина, милая:

“THE END”.

Рассказ для Петухова

Благие намерения

В начале марта знаменитые турецкие курорты, чудовищно забытые с апреля по октябрь, начинают как бы раскрутку от прохладной зимы, чтоб к наступлению лета набрать обороты. Природа уже бурно оживает, но отдыхающих пока ещё немного. Чуть в глубине от побережья можно найти прекрасные футбольные поля, их арендуют клубы северных широт для тренировок их команд, чтоб не утратили физическую форму в зимнем межсезонье. Почти плюс двадцать днем, отсутствие туристов и дождей, не так уж много отвлекающих соблазнов – вот очевидные достоинства, чтоб привлечь спортсменов.

А недостатки? Впрочем, где их не бывает.

Известный тренер Вяхирев ценил возможность зимних тренировок. Он в этот раз привез своих ребят на прежний стадион, но с новой задачей. Недавно клуб переманил двух игроков через трансфер, и требовалось за короткий срок состыковать командную игру, чтоб новеньких поставить в основной состав. Могучий итальянец укреплял защиту, а темпераментный «латинос» – правый край. За две недели что-то сделать удалось. И, безусловно, крики наставлений, в кото-

рых Петр Андреевич руководил игрой, законспектировали общие наметки. Он подобрал ключи к важнейшим звеньям игроков, и мог спокойно улететь в Москву, не сомневаясь в нужных требованиях тренерской бригады.

В тот день Петр Андреевич собрался уезжать.

Отель с рассвета жил работой разных служб, бесшумной для покоя постояльцев. Разминка перед стартом наступающего дня.

Диск солнца поднимался по безоблачному небу, как будто в дымке, наподобие вуали, что нежный ветер умудрился приподнять с лица весны. Свет и тепло распространялись повсеместно, стремясь проникнуть в каждый уголок.

Один нескромный луч чуть преломился сквозь окно, и – оживил комфортный номер полулюкс; искрился в зеркале, висевшем на стене апартаментов, но не был очень жгуч и радовал прозрачным светом. Он, поступательно, проплыл по телу спящего мужчины, бесцеремонно задержался на лице. Спонтанно задрожали потревоженные веки. Мужчина, вроде бы, моргнул, но не проснулся.

Небесный снайпер взял прицел на безмятежность сна, сумел попасть в «десятку» подсознания мужчины.

И только к вечеру указанного дня, садясь на самолет, футбольный тренер Вяхирев, чуть усмехнувшись, вспомнил, что поутру, в последнем сновидении, он вроде двигался по тёмному туннелю, и ощущалась сдавленность пространства. Он умудрился всё-таки лететь, покуда вдалеке не замаячил свет.

Свет постепенно и упорно разгорался, как будто бы работал реостат. Пока не сделался настолько нестерпим, что от него мучительно сощурились глаза.

А утром Петр Андреевич не вспоминал о снах. Напрасно солнце прорывалось сквозь балконное окно, чтоб покорить метаморфозами природы. Петр приоткрыл глаза, чуть двинул головой, увидел рядом девушку Оксану. Она о чём-то, видно, размышляла и изучала взглядом потолок. Петр вновь закрыл глаза и сразу осознал, что вечером сегодня уезжает, а послезавтра будет день рожденья. При этой мысли стал решительно вставать. Девушка томно распласталась на кровати, и повела задумчивую речь. С надеждой, а быть может, просто так.

– Чего-то, вот, ты говоришь, что уезжаешь, – мечтательно промолвила она, – и мне представился Крещатик. Куда-то все гуляют и идут. Девчонки, и я тоже, вместе с ними.

Он отмахнулся от ненужной болтовни.

– Вставать уже пора, Шехерезада. Я до двенадцати освобождаю номер.

– Да времени ещё – такая рань, – Оксана мысли не имела обижаться. Ей просто нравилось валяться и мечтать. – Я бы поехала с тобою хоть куда. А там – до Киева, Крещатик. Мост Патона.

Петр подмигнул ей и отправился под душ.

Вода встряхнула стаи медленных молекул в его теле, как он своих ребят на тренировке. Чтоб уничтожить непотреб-

ный дисбаланс, и чтоб все органы работали единою командой. За годы офисного угасанья сил, на поприще чиновничьих сидений, Петр, поневоле, чуть оплыл жирком. Ну, а теперь, на тренерской работе, к рабочим мышцам закалённого бойца вернулась сладкая энергия нагрузки. Пётр возвратился к прежней худобе, и в свои сорок пять не ощущал, что наступает возраст. Под ледяными струями воды он наслаждался как подросток-эскимос, сидящий у огня в уютной юрте.

Оксана приделалась и ждала.

– Эх ты, Оксана, гарная дивчина, – всё в этой девушке понравилось Пётру. А смысл того, что он хотел сказать, скорей всего имел такой характер. – Откуда эти романтические нюни? Зачем тебе поток воспоминаний? С твоею чувственностью, бьющей через край?

Но получилось всё яснее и короче.

– Здесь скоро лето, будет столько мужиков, – Петр одевался и попутно говорил. – Там все устали, посадили Тимошенко, и нету ни работы, ни мужей.

– Да, ладно, Петя, я ведь не всерьёз. А ты когда ещё сюда приедешь?

– Не знаю. Ты мне дай свой телефон. – Он чуть подумал и предупредил. – Мои ребята будут здесь неделю, и тренеры их каждый день обязаны гонять. – Оксана даже не пыталась делать вид, что принимает эти наставленья. – Им силы все нужны на тренировки, и нечего их распылять на секс. А то, какая там, поди ж ты к чёрту, форма? Так ты уж, дивчина,

не подводи меня. – Он помолчал, и всё-таки добавил, – А тренер лучше полевого игрока.

– На кой мне ляд все ваши игроки? – в тот миг она действительно не знала. – Пусть бьют в ворота и гоняются с мячом.

И вдруг добавила, в итоге резюме.

– Как это пошло – говорить со мной о сексе.

– Да, что ты, я шучу, – миролюбиво улыбнулся Петя. Но всё-таки добавил. – А ты-то, я надеюсь, поняла?

Он протянул ей две купюры в двести лир, она упрямо покрутила головою. Лишь триста долларов их сделали друзьями. День в Турции вступал в свои права.

Сегодня Вяхирев не шёл на стадион, а накануне появились закадычный Вовка Кузин и новый член Правления Агеев. Чтобы взглянуть, как их «вложения» работают в игре. На новых игроков ушли большие деньги.

Ребята видели, кто это появился, и замечательно устроили спектакль. Да и Боссини, несомненно, что-то понял, и прямо-таки прыгнул из себя. А для Мурьё и стимуляторов не надо, как будто шило где-то там внутри. Вот только ещё техника хромает.

Ох, и понравилась игра парней Володе! Да и Агеев много говорил:

– Как повезло, что у команды главный тренер с такой, на редкость светлой головой.

– Вот, знал же – у тебя чутьё, – тут Кузин хлопнул Петю по

плечу и закурил. – Ведь насиделся же Боссини у «Милана» в запасных. И как ты вычислил его потенциал, когда все матчи он болтался на скамейке?

– Ты что, Иваныч? – Петя мудро полагал, что надо подчеркнуть заслугу клуба. – Вы посылали в Рим и Лиссабон, вы мне командировки оформляли.

И видел, что Агееву приятно.

– На тренировки, неохотно, но пускают, – продолжил он рассказ про границу. – Да кто, подумаешь, я, в общем-то, для них? Тьфу, тренер первой лиги из России. Кто знает, что мы платим за трансфер? Вот я и разглядел, кто нам полезен.

– А перуанца тоже там сумели раскопать? – Агеев был в Правлении недавно, да и в футболе только начал разбираться. Но деньги на развитие давал.

– Мурьё, вообще-то, он из Гондураса. В какой же он пускается отрыв! – И Петя рассказал про тренировки.

– Сначала было множество проблем. Как иностранцам втолковать, чего мне надо? Показывал на пальцах, они читали с ног. Представьте, я лет восемь не играл. И вот – носился, как пример для подражания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.